

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2005

КНР празднует 60-летие
Великой Победы

Круглый стол в ИДВ:
история и современное состояние
российско-китайских отношений

Китай во внешнеполитической
стратегии США

СРВ и страны ЕС

На IX Конференции корееведов

1-й экз

Вышел из печати первый номер нового российского ежеквартального научного журнала "Пространственная экономика". Журнал учрежден Дальневосточным отделением Российской академии наук и Институтом экономических исследований ДВО РАН и издается при поддержке Научного Совета по вопросам регионального развития при Президиуме РАН.

Главный редактор журнала — член-корреспондент РАН Минакир Павел Александрович. В редакционный совет журнала входят авторитетные российские ученые: академик РАН Гранберг А.Г. (председатель), академик РАН Бакланов П.Я., академик РАН Кулешов В.В., чл.-корр. РАН Ишаев В.И., чл.-корр. РАН Королев И.С., чл.-корр. РАН Лаженцев В.Н., чл.-корр. РАН Михеев В.В., чл.-корр. РАН Суслов В.И., чл.-корр. РАН Татаркин А.И., д.э.н. Валентей С.Д., д.э.н. Ильин В.А., д.э.н. Латкин А.П., д.э.н. Лексин В.Н., д.э.н. Малов В.Ю., д.э.н. Пчелинцев О.С., д.э.н. Суспицын С.А.

В журнале начинают публиковаться научные достижения в области пространственной экономики, которая к настоящему времени оформилась в качестве одного из основополагающих направлений экономической науки, находящегося на стыке региональной экономики (как экономики регионов), экономической географии, экономической теории, математической экономики, институциональной экономики, социологии, демографии. Междисциплинарный характер журнала позволит максимально полно отразить научные достижения в области пространственной экономики в России и за рубежом. В журнале предусмотрена также публикация переводов актуальных статей из ведущих зарубежных экономических журналов.

Материалы вышедшего первого номера журнала "Пространственная экономика" отражают наиболее актуальные для российской экономики вопросы. Так, проблемам присоединения к ВТО с учетом пространственных аспектов экономики России посвящена статья чл.-корр. РАН Королева И.С. Природопользование в системе пространственной экономики — предмет статьи известных в этой области ученых академика РАН Бакланова П.Я., д.с.-х.н. Шейнгауза А.С. и к.г.н. Каракина В.П. Оценки приоритетов федеральной социально-экономической политики даны в статье д.э.н. Суспицына С.А. Макрорегиональный прогноз долгосрочного развития одного из ключевых комплексов — энергетического комплекса России — представлен в статье д.э.н. Некрасова А.С. и д.э.н. Синяка Ю.В. Переводная статья первого номера журнала посвящена пространственно-эконометрическому анализу экономического роста в Китае.

Во втором номере журнала читатель увидит статьи известных и авторитетных специалистов: чл.-корр. РАН Михеева В.В. о возможностях и месте России в интеграционном пространстве Восточной Азии; д.э.н. Пчелинцева О.С. и н.с. Минченко М.М. об особенностях и задачах региональной политики в инфраструктурной сфере; д.э.н. Михеевой Н.Н. о методических подходах и результатах оценки таблиц "затраты-выпуск" (таблицы ресурсов и использования и симметричной таблицы) для российского Дальнего Востока и ряд других интересных статей.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2005

Май - Июнь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. 6

КРУГЛЫЙ СТОЛ ИДВ

Обсуждение сборника статей "История и современное состояние
российско-китайских отношений" 8

ПОЛИТИКА

А. Давыдов. Китай в современной внешнеполитической стратегии
США 44

К. Асмолов. КНДР сейчас — сталинизм, застой или ползучая
перестройка? (окончание) 61

В. Тимошенко. Национальная безопасность Австралии и внешняя
политика правительства Дж. Ховарда на рубеже XX-XXI вв. 74

ЭКОНОМИКА

А. Чиркин. Интеграция российской экономики в мировую
экономику как общее условие обеспечения безопасности 83

Л. Новоселова. Развитие иностранного предпринимательства в КНР 93

Нгуен Ван Бинь. Развитие внешнеторговых отношений СРВ со странами
ЕС 106

© Российская академия наук, 2005 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2005 г.

1.4 экз

ИСТОРИЯ

В.Усов. Группа Рихарда Зорге в Китае (1930-1932 гг.)..... 118

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

Из переписки И.В.Сталина и Г.В.Чичерина с полпредом в Китае
Л.М.Караханом (август 1923 г. — сентябрь 1926 г.) (окончание)..... 140

КУЛЬТУРА

Е.Таскина. Русские художники в Китае..... 158

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.Борох, А.Ломанов, А.Островский. Пятнадцатая конференция
ЕАК..... 161
IX конференция корееведов: новые горизонты..... 167

РЕЦЕНЗИИ

В.Бородич. Россия за 10 лет: политика, экономика, международ-
ные отношения. Под ред. Пань Дэли..... 170
Г.Степанова. Кокарев К.А. Политический механизм особых
автономий Китая..... 177
И.Лебедева. Сенаторов А.И. Очерки административной реформы
в Японии..... 181
Г.Яскина. Сборник. Индокитай: тенденции развития..... 183

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 90-летию Л.А.Березного..... 187
Павлу Борисовичу Каменнову 70 лет..... 190
Николаю Сергеевичу Тихонову 70 лет..... 191

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушняц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

В этом номере публикуется сообщение редколлегии и редакции журнала об участии Китая в праздновании юбилея Великой Победы

Круглый стол ИДВ

В сентябре 2003 г. в Харбине китайские ученые, специалисты по китайско-российским отношениям провели научную конференцию "История и современное развитие китайско-российских отношений". В сентябре 2004 г. по инициативе доктора исторических наук Луань Цзиньхэ и под его редакцией был издан сборник статей по материалам этой конференции.

Хронологически статьи сборника охватывают всю 400-летнюю историю развития российско-китайских отношений.

В марте с.г. в Институте Дальнего Востока был проведен Круглый стол по материалам упомянутой конференции. В этом номере помещены представленные сотрудниками ИДВ РАН аналитический разбор, рефераты и аннотации докладов китайских ученых по современному состоянию российско-китайских отношений. В следующем номере будут опубликованы материалы Круглого стола по истории двусторонних отношений.

А.Давыдов. Китай в современной внешнеполитической стратегии США

Статус единственной глобальной сверхдержавы предполагает дальнейшее распространение и усиление влияния США не только в пределах отдельных стран или региональных зон, но и на трансрегиональных геостратегических пространствах, включая Азиатско-Тихоокеанский регион, который, по убеждению Вашингтона, будет играть важную роль в грядущие десятилетия и станет одним из самых быстрорастущих рынков для американского бизнеса. Поэтому в США давно культивируется идея переноса центра тяжести американской политики и стратегии в АТР. Но здесь стремительно набирает силу Китай, уже сейчас способный бросить вызов претензиям Вашингтона на гегемонию в этой части мира.

В статье анализируется политика первой администрации Дж. Буша-младшего в отношении КНР и оцениваются перспективы дальнейшего развития американо-китайских отношений и роль "фактора КНР" в глобальной внешнеполитической стратегии США в XXI веке.

В.Тимошенко. Национальная безопасность Австралии и внешняя политика правительства Дж. Ховарда на рубеже XX-XXI вв.

В статье рассматриваются основные проблемы внешней политики кабинета Дж. Ховарда в Австралии в контексте проблем национальной безопасности страны. Крушение биполярного мира и ухудшение экономического положения Австралии подталкивало страну к более тесному военно-политическому сотрудничеству со странами АТР. Лейбористское правительство в начале 1990-х гг. предприняло попытки создать систему коллективной безопасности в регионе по типу ОБСЕ в Европе. Но азиатский кризис 1998 года породил большие сомнения в правильности данной политики. Пришедшее на смену лейбористам коалиционное правительство Дж. Ховарда постепенно стало возвращаться к традиционным ориентирам в вопросах безопасности страны. В центре новой политики был поставлен союз с США в качестве главного гаранта региональной и мировой стабильности. Следуя "доктрине Ховарда", суть которой сводилась к готовности Австралии выполнять функции "американского шерифа" в регионе, Австралия взяла на себя право обеспечения региональной безопасности.

А.Чиркин. Интеграция российской экономики в мировую экономику как общее условие обеспечения безопасности

Автор исходит из того, что осуществление подъема экономики России за счет внутренних ресурсов маловероятно, поэтому необходимо активно использовать международное разделение труда, широко развивать региональные экономические связи с Европой и Северо-Восточной Азией, со странами АТР. В этой связи он анализирует законодательство РФ в области безопасности и в области внешнеэкономических связей.

Отмечается, что РФ было выгодно дополнить ориентацию на Европу (начало 1990-х гг.) широким развитием внешнеэкономических связей со странами СВА, особенно с Китаем (со середины 1990-х гг.).

Л.Новоселова. Развитие иностранного предпринимательства в КНР

В статье анализируются современные тенденции в политике привлечения иностранного капитала в КНР, отражающие постоянные усилия китайского руководства по совершенствованию национального инвестиционного климата, а также поддержанию и развитию интереса иностранных инвесторов к Китаю. В их числе: расширение доступа иностранных предпринимателей к отраслям и сферам китайской экономики, ранее для них труднодоступным или закрытым; поощрение иностранных портфельных инвестиций; развитие сделок по слиянию-поглощению и т.д. Дается характеристика современного уровня взаимодействия КНР и иностранных инвесторов, отмечаются изменения в составе основных стран-инвесторов в экономику КНР и важнейших областей приложения зарубежного капитала.

Нгуен Ван Бинь. Развитие внешнеторговых отношений СРВ со странами ЕС

Отношения СРВ со странами ЕС нормализовались в начале 1990-х гг., и с тех пор торгово-экономические отношения постоянно расширяются. Особенно интенсивно развиваются связи с Германией, Великобританией, Францией, Нидерландами и Швейцарией.

Подробно проанализированы экспорт и импорт товаров и изделий.

В.Усов. Группа Рихарда Зорге в Китае (1930-1932 гг.)

О работе в Японии одного из лучших советских разведчиков Рихарда Зорге у нас в стране и за рубежом написано много книг, опубликованы воспоминания очевидцев, сняты фильмы. Однако до сегодняшнего дня картина деятельности группы Зорге в Китае в 1930-1932 гг. освещена сравнительно слабо по сравнению с японским периодом. Статья д.и.н. В.Н.Усова восполняет этот пробел. Написанная на уже известных, а также новых, ранее секретных документах и материалах, вводимых автором в научный оборот, она отражает эту многогранную и многотрудную деятельность советского разведчика. Рихард Зорге должен был информировать Москву о реальной силе правительства Чан Кайши и его армии, о деятельности японцев в Китае, помогать действовавшим там другим советским разведчикам, сотрудникам Коминтерна и китайским коммунистам.

В статье показано, какую роль сыграла группа Р.Зорге в "деле Нуленса", арестованного гоминьдановской разведкой, какие действия предпринимались для того, чтобы освободить его из тюрьмы.

К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Шестидесятилетие Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. широко отмечено в России. Большое внимание этому событию было уделено и в Китайской Народной Республике.

28 апреля 2005 г. в Военном музее Китая в Пекине торжественно открылась фотовыставка, посвященная 60-летию Победы. 29 апреля в Посольстве РФ в КНР прошла церемония вручения юбилейных медалей "60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." 27 ветеранам Китая, которые воевали бок о бок с советским народом. 5 мая в г. Чэндэ провинции Хэбэй состоялся торжественный митинг в память о советских героях, павших при освобождении Китая от японских оккупантов. Участники митинга, среди которых были представители КНР, России и Беларуси, возложили венки к мемориалу сорока четырем павшим советским героям.

Как известно, еще в начальный период сопротивления китайского народа японской агрессии в 1937-1941 гг. на стороне Китая сражались 3665 советских добровольцев, 211 из которых погибли. А в августе 1945 г., когда Советский Союз вступил в северо-восточные провинции Китая с целью окончательного разгрома японского милитаризма, в сражениях против японских войск погибло свыше 12 тысяч советских воинов.

6 мая в Посольстве России в Китае состоялся торжественный прием, посвященный 60-летию Великой Победы, с участием 300 китайских и зарубежных гостей.

8 мая для участия в торжествах по случаю 60-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. в Москву по приглашению Президента РФ В.В. Путина прибыл Председатель КНР Ху Цзиньтао. В тот же день лидер Китая встретился с российскими ветеранами-фронтовиками и их родственниками.

Глава КНР отдал дань уважения ветеранам, выразил российскому народу глубокие дружественные чувства от имени китайского народа. Война, развязанная фашизмом более 60 лет назад, принесла огромные страдания народам Китая, России и множества других стран мира, сказал Ху Цзиньтао. "Это была битва не на жизнь, а на смерть между добром и злом, между светом и мраком", — подчеркнул он. "На главном театре военных действий в Европе героические вооруженные силы и народ Советского Союза отстояли свою свободу. Это был немеркнущий исторический подвиг, это была историческая эпопея", — сказал Председатель КНР.

Ху Цзиньтао отметил, что в этой — беспрецедентной по ожесточенности войне между воевавшими плечо к плечу против общего врага народами

Китая и СССР родилась глубочайшая дружба. Китайский народ никогда не забудет великие подвиги советских красноармейцев, помогших ему одержать окончательную победу в войне сопротивления японским захватчикам.

Празднование Победы над фашизмом нацелено на то, чтобы утвердить бережное отношение к миру, который дался нелегко, и избежать повторения подобных трагедий, подчеркнул глава китайского государства.

Ху Цзиньтао заявил, что Китай будет и впредь идти путем мирного развития и решительно бороться за обеспечение всеобщего мира и совместного развития на планете. "Китайская и российская нации — великие нации. Народы двух наших стран должны дружить из поколения в поколение", — подчеркнул он.

Председатель КНР Ху Цзиньтао вместе с другими зарубежными лидерами присутствовал 9 мая 2005 г. на параде на Красной площади, возложил цветы к могиле Неизвестного солдата и принял участие в торжественном приеме, устроенном Президентом РФ В.В. Путиным в честь празднования 60-летия Победы.

Президент РФ Владимир Путин на встрече с Председателем КНР Ху Цзиньтао в Кремле 9 мая 2005 г. поблагодарил главу КНР за его приезд на празднование 60-летия Победы в Москву, а также "весь китайский народ за внимание, которое оказывается российским ветеранам, сражавшимся на территории Китая, и гражданам Китая, которые ухаживают за воинскими захоронениями российских солдат на территории КНР".

В Китае намечено широко отметить 60-летие победы в войне сопротивления японским захватчикам, которая явилась важной составной частью мировой войны против фашизма. Китайский народ понес огромные национальные жертвы и внес значительный исторический вклад в обеспечение победы в этой войне.

Организаторами торжеств выступят совместно ЦК КПК, Постоянный комитет ВСНП, Госсовет, Всекитайский комитет НПКСК и Центральный военный совет КНР.

В рамках юбилейных торжеств в Пекине будет организована крупная выставка и пройдет научный симпозиум. Для участия в этих мероприятиях будут приглашены патриотически настроенные деятели (включая зарубежных), ветераны войны и их родственники, зарубежные друзья, помогавшие китайскому народу одержать победу над захватчиками. Планируется также показ серии фильмов о войне, издание литературных произведений и выпуск памятных почтовых марок и монет.

*Коллективы редколлегии и редакции
журнала "Проблемы Дальнего Востока"*

Круглый стол ИДВ

Обсуждение сборника статей "История и современное состояние китайско-российских отношений"

В сентябре 2003 г. в Харбине китайские ученые, специалисты по китайско-российским отношениям провели научную конференцию "История и современное развитие китайско-российских отношений". В сентябре 2004 г. по инициативе доктора исторических наук Луань Цзиньхэ и под его редакцией был издан сборник статей по материалам этой конференции.

Хронологически статьи сборника охватывают всю 400-летнюю историю развития российско-китайских отношений.

В марте с.г. в Институте Дальнего Востока было проведено заседание Круглого стола, посвященное материалам упомянутой конференции. Ниже публикуются основные тезисы выступлений участников Круглого стола — сотрудников ИДВ РАН, посвященных Харбинской конференции. Аналитический разбор, рефераты и аннотации докладов китайских ученых следуют такому порядку: сначала идут материалы по современному состоянию российско-китайских отношений (они публикуются в данном номере журнала), а затем — по истории двусторонних отношений (будут опубликованы в следующем номере журнала).

Академик М.Л.Титаренко (директор ИДВ РАН) во вступительном слове сказал:

У нас сегодня очень важное заседание — Круглый стол и своеобразное обсуждение, мозговая атака с элементами ситанализа, посвященное комплексному рассмотрению истории, нынешнего состояния и перспектив российско-китайских отношений. Наша дискуссия базируется на фундаментальном коллективном труде китайских ученых на эту тему. Эта книга, как вы знаете, является результатом самой масштабной, как отмечают китайские коллеги, конференции, проходившей в сентябре 2003 года в Харбине. На ней присутствовали ведущие китайские специалисты по России не только из Пекина, Северо-Востока, но и из Гуандуна, Юньнани, Синьцзяна. Инициатором этой конференции был наш друг проф. Ли Цзинцзе. В конференции активно участвовали другие наши коллеги, хорошо нам известные, Цюй Вэй — президент АОН пров. Хэйлунцзян, который взял на себя бремя организации этой встречи. Она продолжалась три дня. На ней выступили авторитетные партийные работники и ведущие ученые. Наиболее влиятельными и авторитетными специалистами были Ли Цзинцзе, ученые Института Сибири в Харбине, вице-президент АОН и директор Института современного Китая Чжу Цзяму и ряд других деятелей.

В чем характерные особенности этой конференции?

Впервые на этой конференции китайские коллеги пытались дать "смотр" и провести своеобразную научную инвентаризацию всему 400-летнему историческому периоду отношений наших двух стран. Предпринята попытка рассмотреть двусторонние отношения как единый преемственный процесс. Это первая особенность.

Вторая особенность — довольно широкий разброс мнений, хотя в главном мнения участников конференции совпадают или близки. Отношениям Китая с Россией придается некий обыденный, “усредненный” характер, ничем не выделяющийся из общего потока международной политики Китая. При этом ряд выступающих явно демонстрировали свое глубокое знание всего, даже самого малого и второстепенного, что можно было бы интерпретировать как негативную сторону в политике России в отношении Китая, явно демонстрируя ослабление памяти или сознательно пропуская мимо своего внимания важнейшие, принципиальные вещи позитивных действий России по китайскому вопросу.

Третья особенность, на мой взгляд, состоит в некоем сдержанном оптимизме и двойственности оценок общих тенденций российско-китайских отношений как в историческом, так и актуальном разрезе, стремлении продемонстрировать не только положительное, но и все негативное, что, по мнению участников, было присуще политике России в отношении Китая.

В докладе вице-президента АОН Китая Чжу Цзяму подчеркивается, что единственной страной, которая поддержала Китай и оказала ему значительную финансовую и военную помощь на первом этапе антияпонской войны, был Советский Союз. И тут же упоминаются события 20-х годов. По мнению докладчика, в позиции Советского Союза в отношении Китая чувствовалось значительное влияние прежней политики царской России. Это особенно проявилось, по его словам, на переговорах по вопросу о Монголии, когда Советский Союз поддержал отторжение Монголии от Китая.

Хотелось бы спросить наших китайских друзей и коллег в этой связи, как проявлялось “влияние прежней политики царской России” в предоставлении кредита Китаю в размере 150 млн ам. долларов, в поставках оружия и действиях добровольцев — тысяч советских летчиков и военных инструкторов, героически сражавшихся вместе с китайским народом за его независимость.

Или как “негативно” сказался разгром Красной Армией вместе с Монгольской Народной Армией японских милитаристов под Халхин-Голом и у озера Хасан на антияпонской войне Китая?

Далее. Советский Союз вступил в войну против Японии и вместе с другими странами, участниками антифашистской коалиции, помог Китаю завершить антияпонскую войну. И тут же автор считает уместным подчеркнуть, что вхождение Советской армии на Северо-Восток Китая “сопровождалось действиями, которые глубоко задевали национальные чувства и достоинство китайского народа, его суверенитет и территориальную целостность”.

Далее китайский ученый справедливо указывает, что после образования Китайской Народной Республики Советский Союз “радикально пересмотрел свои подходы к Китаю и целиком выступил на стороне Компартии Китая и первым признал КНР”.

Проф. Чжу Цзяму высоко оценивает огромную помощь, построенные в основном с помощью Советского Союза 156 крупных предприятий, которые и “по сей день оказывают огромное влияние на экономическое развитие и потенциал Китая. Китайский народ это помнит и никогда этого не забудет”. Однако вслед за этим идет следующий абзац — обязательная “ложка дегтя”. В конце 50-х — начале 60-х годов началась полемика. Хотя повторяется фраза Дэн Сяопина о том, что в ходе этой полемики и российская, и китайская стороны наговорили много неприятных, пустых слов, которые можно было бы не говорить, вместе с тем мы должны подчеркнуть, говорит докладчик, что “представляемые тов. Мао Цзэдуном китайские коммунисты в ходе этой полемики глубоко и всестороннее осознали, что Китай должен быть самостоятельным и могучим. Необходимо от начала до конца руководствоваться марксизмом, отстаивать руководящую роль КПК, отстаивать социалистический путь, демократическую диктатуру народа” (с. 8). Это звучит странно, так как хронологически совпадает с периодом “культурной революции”. К сожалению, остается не ясным, как развязанную лично Мао Цзэдуном “культурную революцию” с ее погромами парткомов, культуры, репрессиями сочетать с “марксизмом, отстаиванием руководящей роли КПК, демократической диктатуры пролетариата”.

Такой подход (с одной стороны, с другой стороны), стремление каждый раз добавить “ложку дегтя”, которая, по существу, меняет аромат хорошего вещества, присущ довольно большому количеству докладов и материалов этого большого, по-своему, ценного труда.

Как говорят в Китае: “Начал говорить, говори до конца. Говорящему — не в укор, а слушающему — в назидание”. Мы должны руководствоваться этим мудрым подходом. Хорошо, что наши китайские коллеги и друзья имели возможность выговориться, высказать свою точку зрения. Это позволяет объективно и всесторонне понять их позицию и понять их задачи. Главную цель нашего обсуждения можно сформулировать словами из выступления проф. Чжан Хайпэна: “Оценить, как долго будет продолжаться добрососедское стратегическое взаимодействие Китая и России? Что нужно сделать, чтобы отношения между двумя странами и впредь развивались на здоровой основе”?

Вот две задачи, которые, по словам проф. Чжан Хайпэна, стоят перед китайскими исследователями.

Такие же задачи стоят и перед нами. Излагая свою интерпретацию известной фразы Дэн Сяопина “Закрывать прошлое и открывать будущее”, Чжан Хайпэн говорит: “Закрывать прошлое — это не значит забыть историю, открывать будущее — это значит концентрировать свои усилия на том, чтобы исследовать перспективы китайско-российских отношений”. В принципе мы вполне можем согласиться с таким подходом.

Любопытно в этом плане выступление секретаря парткома Института новейшей истории Чжан Чандуна. Цитируя Дэн Сяопина, он говорит: “История — это зеркало, в котором мы видим сегодня. История российско-китайских отношений — это зеркало нынешнего состояния российско-китайских отношений. И будущее российско-китайских отношений вытекает из сегодняшнего дня”.

Хотелось бы подчеркнуть еще один общий момент. Если большинство российских ученых подчеркивают, что главной тенденцией 400-летней истории наших отношений было стремление к диалогу, к сотрудничеству, построению добрососедских отношений сотрудничества и взаимопонимания, то китайские коллеги этот период очень жестко делят на две части. Сегодняшнее состояние рассматривается как самый лучший период российско-китайских отношений. Период 1950-х годов — хороший, но китайские товарищи не говорят о том, что он самый лучший. А что касается периода царской России, то здесь доминируют абсолютно однозначные, очень категоричные, очень жесткие фразы о якобы сугубо негативной, враждебной, агрессивной политике России в отношении Китая. По мнению китайских историков, политика царской России была однозначно “неизменно агрессивной, неизменно жесткой, это была политика разжигания огня и нанесения ударов, политика жестких ударов по интересам китайского народа”. В результате этой политики от Китая было отторгнуто порядка 1,5 млн кв. км ее территории. Китайские авторы подчеркивают, что по этому вопросу между российскими и китайскими учеными существуют значительные разногласия. И с этим мнением нельзя не согласиться. Кстати, в целом ряде докладов дается очень высокая оценка российского китаеведения, говорится, что оно сыграло огромную роль.

Я думаю, что рассмотрение этой книги, обсуждение ее основных тезисов поможет нам выявить, в чем мы едины с нашими китайскими коллегами, в чем наши взгляды расходятся. Надо выявить точки соприкосновения и точки, по которым нужно вести исторический диалог с нашими китайскими коллегами. Очень важно выявить совпадающие тенденции в развитии политических подходов, выявить факторы, которые субъективно и объективно мешают или могут породить разногласия или столкновения интересов России и Китая. Надо приложить максимум усилий к тому, чтобы нивелировать, предотвратить столкновение интересов наших стран. Надо сделать все возможное, чтобы лозунг “Всегда — друзья и никогда — враги” стал постоянным принципом действия в дипломатии и России, и Китая. Именно такой подход отвечает нашим коренным, долговременным интересам.

Я вернусь к выступлению нашего коллеги проф. Чжан Хайпэна. Привлекает внимание, как он рассматривает российско-китайские отношения в контексте отношений Китая с Японией и США. Никакие другие страны и ни-

какие другие факторы в его выступлении не затрагиваются. После распада СССР и до середины 90-х годов китайские коллеги рассматривали лишь Китай, США и Японию. О России не было ни слова. Характерно, что Дэн Сяопин уже тогда внес коррективы в это дело. Он сказал: "Нынешний, переживаемый Россией кризис — явление временное, и Россия еще поднимется". Тогда же была выработана китайская политика сдержанности. Было заявлено, что, даже став мощным, высокоразвитым государством, Китай не будет стремиться к сверхдержавному гегемонизму. Китай не будет стремиться что-то возглавлять, "не будет высовываться", а будет концентрироваться на решении собственных дел и добиваться конкретных результатов.

Чтобы "сбалансировать" дружеские слова в адрес России, проф. Чжан Хайпэн также следует методу: "с хорошей стороны, с плохой стороны", поэтому он тоже подчеркивает, что в истории российско-китайских отношений был период, когда "Россия была злейшим врагом Китая". Такая "высшая оценка" употребляется только в отношении нашей страны. В отношении Америки тоже любопытная интерпретация. Констатируется, что Америка в период антияпонской войны была одним из важнейших союзников Китая. Вместе с тем отношения с США подаются так, что периоды враждебности США в отношении Китая или приглушаются, или вообще не упоминаются, например, вьетнамская и корейская войны и антикитайский аспект этих войн.

В целом оценка перспектив китайско-американских отношений выдерживается в оптимистическом ключе. Везде упоминается термин "шанс". У меня возникает такое представление, что у китайских друзей за рассуждениями о шансах скрываются определенные иллюзии относительно политики США в отношении Китая. Они верят и надеются на то, что им удастся отвести от себя удар, удастся предотвратить крайнее проявление американского гегемонизма. Они, видимо, полагают, что это вопрос искусства дипломатической игры и правильного выбора стратагеми. Такая уверенность в своих силах, уверенность в мудрости своей политики в докладах китайских коллег по российско-китайским отношениям проявляется достаточно четко и недвусмысленно.

Еще один новый момент в анализе политики России. Впервые за годы существования КНР там обратили внимание на то, что в России возрождается определенный интерес к евразийской идеологии. В указанном труде содержится материал "Возрождение евразийства и китайско-российское региональное сотрудничество", автором которого является исследователь Института России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Чжао Личжи. В его статье дается достаточно объективная картина как содержания нового евразийства, так и его возможное позитивное влияние на развитие российско-китайского сотрудничества. В материале приводится краткая история, касающаяся возникновения и распространения евразийства в 1920-30 годы.

Что касается причин возрождения евразийства и содержания нового евразийства, то факторы, стимулировавшие становление нового евразийства и его развитие, носят, по мнению проф. Чжао, многоплановый характер. Предпосылкой нового евразийства, по мнению автора, является изменение структуры государственной политической и экономической системы России, вызванной распадом Советского Союза и образованием системы независимых государств. Развал экономической и политической систем страны нанес тяжелейший удар по традиционной культуре, серьезно повлиял на систему ценностей и мышление людей. Вопрос о будущем России и о том, куда идет страна, стал предметом всеобщей озабоченности. Именно неспособность либеральных, левокоммунистических и прозападных, а также националистических идеологий дать убедительный ответ на эти вопросы и привела к тому, что уже давно, казалось, забытая идеология евразийства вновь появилась на исторической арене. Именно ее ответы о будущем России, о ее роли представляются населению наиболее убедительными и отвечающими реалиям страны. Правая ельцинская политика односторонней ориентации на Запад, которая привела к политическому брожению, дестабилизации экономической ситуации и резкому падению международного престижа страны, нанесли тяжелейшую травму национальному самосознанию граждан России. С тем, чтобы преодолеть этот всесторонний кризис,

российские политики вспомнили о двуглавом орле и о том, что российская внешняя политика должна осуществляться по всем азимутам. Именно такой подход позволяет России сдерживать курс односторонней ориентации, проводимый Америкой, использовать ресурсные преимущества восточной части страны, участвовать в интеграционных процессах в Северо-Восточной Азии и активно сотрудничать с азиатскими соседями во имя политической, экономической стабильности в стране и развития восточных районов государства.

Во-вторых, возрождение евразийства, курс на развитие сотрудничества и с Западом, и с Востоком отвечает интересам ускорения развития восточных районов страны, более равномерному развитию всех регионов государства. Восток России является одной из самых богатых ресурсных кладовых мира и оказывает на экономическое положение страны важное влияние. После распада Советского Союза восточная часть России не только утратила политическую, экономическую и финансовую поддержку центра, но и фактически ослабила экономические связи с Центром государства, что вызвало серьезное непрерывное ухудшение экономического положения страны в целом.

Китайские авторы верно подметили особенности нового евразийства, которое, с одной стороны, наследует основные принципы классического евразийства 20-х годов, а с другой — реформирует, обновляет и рассматривает его в политической, экономической и культурологической областях. Новое евразийство подчеркивает роль государства в укреплении могущества страны и выдвигает целый комплекс конкретных мер, направленных на стабилизацию положения и развития экономики и сотрудничества со всеми странами.

Что касается влияния экономических идей евразийства на политику России в отношении Китая, то китайские авторы дают этой идеологии самую позитивную оценку. По их мнению, причины того, что все программы по развитию Сибири и Дальнего Востока после распада Советского Союза оказались только на бумаге и не были реализованы, заключаются прежде всего в том, что эти планы исходили из ошибочных идеологических установок, базирующихся лишь на западных монетаристских концепциях развития рыночной экономики, и игнорировали роль международного фактора, а именно сотрудничества России с ее дальневосточными соседями в интересах подъема и развития Сибири и Дальнего Востока.

Любопытно, что авторы признают Институт Дальнего Востока, Сибирское и Дальневосточное отделения РАН главными центрами возрождения и развития нового евразийства на современном этапе. Попутно следует заметить, что в целом ряде докладов китайские коллеги весьма высоко оценивают уровень китаеведческих исследований в нашей стране и российского китаеведения в целом. Высокую оценку китайские авторы дают первому и второму Байкальским экономическим форумам и принятой на них "Стратегии развития России в АТР", разработчиком которой был Институт Дальнего Востока. По мнению китайских авторов, эти документы активно используют сравнительные преимущества России, сочетают экономические и внешнеполитические факторы, возможности потенциала регионального сотрудничества, в том числе в использовании фактора взаимодополняемости экономик и использования избыточной рабочей силы в соседних государствах для компенсации недостаточной рабочей силы в восточных регионах.

Китайские авторы особо выделяют прозвучавший на одной из конференций в Харбине в выступлении российского представителя тезис из документа "Стратегия развития экономики Западной Сибири" о том, что "Россия не может построить чисто европейскую экономику, а также не может построить чисто азиатскую экономику. Россия может построить только евроазиатскую экономику".

По мнению китайских авторов, идеология нового евразийства дает новый шанс для российско-китайского регионального сотрудничества в 4-х сферах.

Во-первых, в сфере торгово-экономического обмена. За последние годы объем торговли между Россией и Китаем увеличился во много раз и достиг к 2005 г. объема, превышающего 20 млрд ам. долл. И эта цифра отнюдь не является пределом, поскольку огромный потенциал двух стран еще не получил должной реализации в торгово-экономических связях. Как известно, во время обменов визитами на высоком уровне (визит Вэнь Цзябао в Россию, поездка

В.В.Путина в Китай, посещение России председателем ПК ВСНП У Банго и конференция в Совете Федерации по проблемам регионального сотрудничества) говорилось о возможности довести внешнеторговый оборот между двумя странами до 60-80 млрд долл. При этом, конечно, китайская сторона имела в виду реализацию проекта строительства нефтепровода из Ангарска в Дацин. Нынешняя ситуация вносит определенные коррективы, хотя, как известно, российская сторона взяла на себя обязательства до 2010 года поставить в Китай не менее 50 млн тонн нефти. Транспортное обеспечение этого проекта также потребует значительного увеличения товарооборота между двумя странами.

Во-вторых, совместное развитие и освоение природных ресурсов. Прежде всего, речь идет о нефти и газе. Китайская сторона готова сотрудничать с российской стороной в сфере инвестиций.

В-третьих, важным направлением сотрудничества являются научно-технические связи. Научные базы Сибирского, Дальневосточного отделений предоставляют реальную возможность значительного расширения взаимодействия двух стран в сфере передовых технологий. Речь идет о том, чтобы "научно-технический потенциал российских академических центров соединить с капиталами и потребностями в области науки и техники азиатских государств".

В-четвертых, постоянное сокращение народонаселения в восточных районах России обостряет острый дефицит трудовых ресурсов. Между тем для реализации экономических проектов развития восточных районов требуется ежегодное пополнение рабочей силы в количестве 700-800 тыс. человек. Эти цифры названы в "Стратегии развития России в АТР в XXI веке". Китайская сторона готова поставлять рабочую силу в восточные районы Российской Федерации.

Д.э.н. В.Я.Портяков (зам. директора ИДВ РАН, главный редактор "ПДВ") отметил, что общим вопросам современных китайско-российских отношений в сборнике посвящены четыре статьи.

Это прежде всего комплексная статья профессора Городского университета Гонконга Чжэн Юйшо "Вызовы российско-китайским отношениям в начале XXI века". Помимо политических вопросов в ней затронуты и торгово-экономические связи Китая с Россией, включая поставки российских вооружений в КНР. Данная статья — едва ли не единственный материал сборника, подготовленный с широким использованием западных публикаций по российско-китайским отношениям. К ней примыкают статьи сотрудника Института России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Шэнь Лихуа "Об отношениях стратегического партнерства между Китаем и Россией" и зам. председателя Отдела Европы Китайской ассоциации народной дипломатии Ван Дахэ "Переменные и постоянные факторы политики России в отношении Китая". В статье сотрудника Института России Хэйлунцзянского университета Цзян Чжэньцзюня "Подоплека и основные направления урегулирования российской дипломатии" препринята попытка обобщить причины и результаты эволюции внешней политики Российской Федерации за десять с лишним лет.

В целом, на наш взгляд, в данных материалах достаточно адекватно и объективно освещены основные факторы и динамика развития двусторонних связей, прежде всего политических, между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в период 1991-2003 гг. (последним по времени крупным политическим событием, рассмотренным авторами, стал визит Ху Цзиньтао в Россию в мае 2003 г.).

Вместе с тем, если говорить об определенной специфике освещения наших отношений китайскими учеными, то — в сопоставлении с анализом того же объекта исследования российскими специалистами — можно выделить три заслуживающих внимания момента.

Это, во-первых, особый акцент на роли "американского фактора" в современных российско-китайских отношениях. Данный фактор интерпретируется не просто как главный, но чуть ли не всепроникающий, что ведет к вольной или невольной девальвации (по нашему мнению, неоправданной) самостоятельной ценности российско-китайских отношений стратегического партнерства.

Во-вторых, если суждения о возможном и реальном использовании Россией "китайского фактора" для реализации ее национальных интересов пред-

ставлены достаточно выпукло, то “другая сторона медали” — использование “российского фактора” Китаем — показано заметно менее акцентированно.

В-третьих, в интерпретации китайских авторов нынешнее стратегическое партнерство между Россией и Китаем значительно больше напоминает “брак по расчету”, нежели “брак по любви”. На мой взгляд, такой подход вовсе не принижает значение самого партнерства — ведь и браки по расчету нередко бывают во многом удачнее браков по любви — но все же в какой-то мере сужает потенциальный набор инструментов развития и углубления двустороннего сотрудничества. Видимо, китайские ученые полагают, что в нем уже маловероятно новое возникновение той специфической ауры, синергетики, которая была порождена идеологической близостью СССР и КНР в 1950-е годы.

Я не склонен расценивать эти моменты как недостаток. Подчеркну, что речь идет именно о специфике освещения в сборнике современных отношений между КНР и РФ, отражающей, судя по всему, некое их общее видение китайскими политологами (что, однако, не мешает различным ученым иметь несопадающие точки зрения по тем или иным конкретным вопросам).

Среди конкретных сюжетов и оценок современных китайско-российских отношений в вышеназванных статьях наибольшего внимания заслуживают следующие.

Эволюция внешней политики России достаточно традиционно характеризуется как переход от односторонней ориентации на Запад (он, по мнению китайских авторов, был присущ первым годам существования независимой России) к политике “двуглавого орла”, то есть к сочетанию “атлантической” и “азиатско-тихоокеанской” дипломатии (Цзян Чжэньцзюнь). Среди причин трансформации внешнеполитического курса России главными называются две. Во-первых, это прохладное отношение Запада к России как таковой и к ее стремлению стать составной частью Запада. По мнению Ван Дахэ, “в глазах Запада Россия экономически является полурыночной, политической — полудемократической, в культурном отношении — полеевропейской” (с. 704). Во-вторых, по мнению китайских авторов, претензии России на роль державы мирового уровня могут быть реализованы только в условиях многополярности и создания нового мирового экономического и политического порядка. Это и предопределяет наличие у России общего с Китаем видения многих современных мировых проблем. В то же время, приверженность России идее многополярности мира способствовала, по мнению Чжэн Юйшо, эволюции внешней политики России не только в целом, но и в Азии. Если у Б.Н. Ельцина это была политика с явным акцентом на Китай, то В.В. Путину свойственна более сбалансированная многосторонняя дипломатия с расширением числа приоритетов, в круг которых, например, вошла и Индия (с. 668).

Общее стремление к формированию многополярного мира служит, как полагают китайские ученые, одной из основ установления Россией и Китаем отношений стратегического партнерства. Чжэн Юйшо констатирует, что во внешней стратегии Россия и Китай взаимосвязаны. “В настоящее время силы России невелики, и она абсолютно не может реализовать свои стратегические цели без отношений стратегического партнерства с Китаем”. С другой стороны, и Китай заинтересован в России, которая является “неотъемлемым важным стратегическим партнером в китайской стратегии продвижения многополярности” (с. 673).

Существуют, однако, и другие факторы, способствующие российско-китайскому взаимодействию. К числу постоянно действующих в этом направлении факторов Ван Дахэ относит географическое соседство двух стран и их базовые национальные интересы, состоящие в обеспечении экономического развития, благосостояния населения, безопасности, стабильности и единства как России, так и Китая. Как полагает Ван Дахэ, история российско-китайских отношений убедительно свидетельствует, что “от сотрудничества выигрывают обе стороны, а от раскола — обе проигрывают” (с. 701). Главными “переменными” факторами, обуславливающими подвижки в политике России по отношению к Китаю, Ван Дахэ называет изменения в соотношении сил между двумя странами (экономический рост Китая стал надежной основой утверждения принципа равенства в двусторонних связях) и претензии США на гегемонию,

объективно сужающие геополитическое и экономическое пространство для России и повышающие ее заинтересованность в Китае (с. 704-705).

Центральное место роли “американского фактора” в российско-китайских отношениях отводит Чжэн Юйшо. По его мнению, “хотя громогласно Китай и Россия заявляют, что их стратегическое партнерство не направлено против третьих стран, но его нацеленность против сил гегемонизма во главе с США и их политики сдерживания Китая и России очевидна” (с. 673). Китайский ученый видит одну из целей политики США в том, чтобы вовлечь Россию в свою стратегическую колею. Видимо, поэтому он уделил особое внимание тем аспектам в российско-американских отношениях, которые, как он полагает, в определенной степени задевают интересы Китая. Прежде всего речь идет о неких “колебаниях в позиции России в деле борьбы с американскими планами создания системы противоракетной обороны (ПРО)”. Как полагает Чжэн Юйшо, нарочито неэмоциональная реакция России на односторонний выход США из Договора 1972 г. по ПРО и достижение устной российско-американской договоренности по сокращению на две трети стратегических ядерных боеголовок в течение десяти лет свидетельствуют, во-первых, о том, что из-за нехватки сил Россия вынуждена идти на уступки США, а во-вторых, о наличии заметных различий в интересах России и Китая по проблеме стратегических вооружений. Поскольку у Китая всего 20 ракет, способных непосредственно достичь территории США, то даже небольшая система ПРО существенно снижает сдерживающий потенциал китайского ядерного оружия. Напротив, для России в этом плане ущерб невелик (с. 675-676). Общий вывод Чжэна таков: коль скоро отношения с США являются приоритетом и для России, и для Китая, обе страны стремятся избежать конфронтации с США и рассчитывают поддерживать с ними хорошие отношения. В этой ситуации стратегическому сотрудничеству России и Китая присуща определенная ограниченность, которую полностью осознают руководители обоих государств, стремящиеся не возлагать на двусторонние связи завышенных ожиданий и строить их таким образом, чтобы обеспечить необходимую гибкость в отношениях великих держав. Такой подход, как считает Чжэн Юйшо, в полной мере воплощен в российско-китайском Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. (с. 687).

Шэнь Лихуа квалифицирует данный договор как “программный документ развития российско-китайских отношений в XXI веке” (с. 693). Он подчеркивает потребность обеих стран в ресурсах и технике партнера для содействия своему экономическому росту; сходство или совпадение позиций России и Китая по многим международным проблемам; взаимопонимание и взаимную поддержку Пекина и Москвы в вопросах территориальной целостности и национального суверенитета. Резюмируя, Шэнь Лихуа делает вывод: стержень в современных российско-китайских отношениях — хороший.

Вместе с тем, китайский ученый затрагивает и проблемы, существующие в современных китайско-российских отношениях. Они, по его мнению, либо достались в наследство от истории, либо порождены стремлением исходить из сугубо собственных интересов без должного учета интересов партнера.

Анализируя раздающиеся в России заявления о якобы разрывающейся ныне на российском Дальнем Востоке “демографической и экономической экспансии Китая”, Шэнь Лихуа увязывает живучесть у нас взглядов о некоей “желтой опасности” прежде всего с психологическим дискомфортом, возникшим у “старшего брата” перед лицом огромного разрыва в темпах экономического роста Китая и России в 1990-е годы. Автор констатирует, что теория “экспансии Китая” не способствует развитию двусторонних отношений (с. 697). Аналогична и позиция Чжэн Юйшо, подчеркнувшего на базе детального анализа ряда российских публикаций по Китаю, что “национализм и раздувание настроений “желтой опасности” с российской стороны является препятствием для развития сотрудничества и укрепления взаимного доверия” (с. 688). В то же время, в целом китайские авторы верят в способность России и Китая идти вперед в двусторонних отношениях даже при наличии в них тех или иных проблем. Укрепление взаимного доверия, взаимное сотрудничество и стратегическое партнерство является, как полагает Шэнь Лихуа, воплощением

коренных интересов двух стран. При надлежащих усилиях правительств и народов России и Китая их отношения в XXI веке непременно выйдут на еще более высокий уровень (с. 699). Солидаризируемся с этим мнением.

Д.и.н. Н.Л. Мамаева посвятила свое выступление докладу *Луань Цзинхэ* (первого зам. руководителя Всекитайского общества по изучению истории китайско-русских отношений, руководителя Центра международных отношений Института новой истории Китая АОН Китая) **“История, современное состояние и перспективы китайско-русских отношений”**.

Коротко обозначим некоторые оценки и характеристики Луань Цзинхэ по теме **“История, современное состояние и перспективы китайско-русских отношений”**.

Автор достаточно объективно определяет основные направления эффективного взаимодействия России и Китая, в том числе, помощь Советского Союза Китаю в разные периоды XX века. В отличие от ряда негативных стереотипов освещения проблемы КВЖД, сложившихся в историографии КНР, Луань Цзинхэ считает, что строительство КВЖД и города Харбина не только внесло вклад в развитие экономики северного Китая, но и усилило дружбу между народами России и Китая. Он обращает внимание на тот факт, что в XX веке в городах Харбине, Далине и Шанхае проживало и работало до полумиллиона русских, что вошло в историческую память и Китая и России. Положительно рассматривается им роль Коминтерна и РКП(б) в развитии коммунистического движения в Китае и в образовании в 1921 г. Коммунистической партии Китая.

Луань Цзинхэ приходит к выводу, что Советский Союз всегда помогал Китаю в трудные времена “нашегив захватчиков” и внутренних кризисных ситуаций. “Во время антияпонской войны, еще до подписания нового соглашения об установлении дипотношений в 1937 г., СССР уже выделил Китаю кредит в размере 150 миллионов долларов для борьбы против агрессора. Впоследствии, более тысячи советских летчиков погибло в небе Китая, сражаясь с захватчиками. Пять тысяч советских грузовиков ежедневно доставляли в Китай военную технику и боеприпасы по трассе из Алма-Аты в Хами”.

Особо отмечается, что в октябре 1949 г., на второй день после образования нового Китая, Советский Союз первым признал КНР и установил дипломатические отношения, 14 февраля 1950 г. подписал союзный договор в поддержку нового Китая, оказал КНР огромную экономическую помощь. Оценивая экономическую помощь Советского Союза Китаю в 50-е годы, Луань Цзинхэ приводит слова бывшего вице-премьера Госсовета КНР Бо Ибо, что только при помощи Советского Союза Китай сумел создать свой первый танк, самолет, трактор и автомобиль. Все это, утверждает автор доклада, китайский народ помнит до сих пор.

Конечно, пишет Луань Цзинхэ, оказывая помощь Китаю, Советский Союз в разные периоды истории преследовал и свои государственные интересы, в какое-то время эти интересы не совпадали с интересами Китая, а иногда даже были направлены против него. Не раскрывая подробно этот тезис в рамках доклада, его автор в целом не противопоставляет национально-государственные интересы России интересам Китая.

“Главное, — пишет автор, — заключается в том, что Советский Союз и советский народ от души помогали нашей стране”.

Позитивно оценивая нынешнее состояние российско-китайских отношений, автор в то же время отмечает недостаточную эффективность экономического сотрудничества, что, по его мнению, замедляет темпы углубления и расширения китайско-русских связей. Как считает Луань Цзинхэ, “опыт и

* Этот доклад не входит в рецензируемый сборник статей, однако, поскольку его тематика тесно связана с обсуждаемыми сегодня проблемами, он представляет интерес для российских исследователей. В докладе (прочитан Луань Цзинхэ в ноябре 2004 г. на встрече с профессорско-преподавательским составом Российского университета дружбы народов), который носит обзорный характер, отражены некоторые результаты научной деятельности Луань Цзинхэ, а также его восприятие реалий сегодняшнего дня в развитии российско-китайских отношений, настроений в российском и китайском обществе по поводу развития двухсторонних связей.

практика международных отношений на современном этапе показывают, что во всех случаях экономика служит делу укрепления политических связей, как это имеет место, например, в отношениях Китая с США, Японией и Южной Кореей. А в отношениях между Китаем и Россией дело обстоит иначе. Политические отношения с каждым днем становятся все лучше и лучше, а экономические связи не развиваются так, как надеялись и прогнозировали эксперты. Получается так, что мы строим многоэтажный дом без фундамента или он не совсем крепкий. Но все равно стараемся строить, потому что мы соседи!”

Говоря о проблемах, которые до сих пор влияют на выстраивание российско-китайских связей, автор уходит в глубину веков.

Не углубляясь слишком далеко, обратим внимание на положительную оценку автором Кяхтинского договора (1727 г.) и развития российско-китайских отношений на протяжении последующих 170 лет. Отмечая недостаточное внимание историографии к этому периоду российско-китайских отношений, Луань Цзинхэ тем самым хочет привлечь внимание своих коллег к его изучению.

Элементы экспансии по отношению к Китаю автор усматривает в политике царской России с начала 2-й опиумной войны. Он считает, что пограничные проблемы появились с 1860 года, когда правительство Китая под давлением обстоятельств подписало договор с Россией, согласно которому Китай соглашался удовлетворить требования России о присоединении к ней всего Уссурийского края. При этом автор подчеркивает следующую мысль: “хотя китайская сторона считает этот исторический этап для себя неприятным, она стоит на позиции соблюдения прошлых договоренностей”.

Исследователь касается также событий 60-х годов XX в. Он задается вопросом: “Зачем Мао Цзэдун в 1964 г. заявил на встрече с японской делегацией, что Россия должна Китаю территории?”. Версия автора: “Мао просто хотел использовать территориальный вопрос как аргумент для решения других политических вопросов. Однако, воспользовавшись этим заявлением Мао, некоторые российские ученые взяли за основу тезис о том, что Китай якобы требует от России территории”.

Отметим, что данная проблема уже обсуждалась недавно в нашей научной среде, в частности на страницах журнала “Проблемы Дальнего Востока” (2004, № 4), однако и сейчас нуждается в дальнейшем изучении.

В качестве примера современных проблем, мешающих выстраиванию отношений доверия между нашими странами, автор доклада выделяет проблему китайской миграции в Россию.

В настоящее время, считает он, на территории России находятся около 500 тыс. граждан Китая, ни по количеству, ни по формам деятельности не представляющих угрозы для России. При этом он отмечает, что “до Гражданской войны в начале прошлого века в России проживало не менее 400 тыс. китайцев, которые не только работали на заводах и фабриках, но и многие из них участвовали в Гражданской войне, помогая молодой советской республике”. Думается, что автор доклада несколько преувеличивает распространение и хождение в России точки зрения о якобы имеющей место “китайской угрозе” России через китайскую миграцию. Хотя, конечно, нельзя не заметить, что освещение некоторыми российскими СМИ вопросов отношений с Китаем страдает необъективностью и отсутствием профессионализма.

Луань Цзинхэ верно отмечает, что российский народ в своей основной массе положительно относится к Китаю.

В заключение могу сказать, что автор доклада убежден в хорошей перспективе наших отношений, причем его убежденность основывается в значительной степени на положительном историческом опыте отношений России и Китая. Негативные моменты, имевшие место в прошлом и проявляющие себя в настоящем, как считает автор, “не делают погоды”. Можно согласиться и с мнением Луань Цзинхэ о том, что на нынешнем этапе взаимоотношений дальнейшему сближению России и Китая, выступающих за многополюсный мир, способствует и международная обстановка.

Он выражает надежду на более тесное экономическое и политическое сотрудничество, подобное тому, которое существовало в 50-е годы XX века,

когда отношения между Россией и Китаем были не просто добрососедскими, но, без всякого преувеличения, братскими.

Д.и.в. Ю.М.Галенович изложил доклад Цзян Чанбиня (ведущего исследователя Центра по изучению международной стратегии Партийной школы ЦК КПК) и Ли Чуаньсюня (профессора Института изучения России при Хэйлуцзянском университете) "Отрешитесь от узкого национализма, углубите понимание и постижение. — Призыв, обращенный к друзьям из России — соседнего государства".

Доклад состоит из двух частей. В первой части подчеркивается искреннее стремление народа Китая к дружбе с Россией и содержится обзор внешней политики России в 2002 г. и за десять месяцев 2003 г.; утверждается, что у китайско-российских отношений имеется прекрасная основа для поступательного развития. Во второй части разъясняется мысль о том, что в том случае, если есть желание добиться еще большего развития китайско-российских отношений, обеим сторонам необходимо избавиться от негативных факторов, исправить некоторые крайне несправедливые методы действий.

Доклад начинается с цитирования высказываний председателя КНР Ху Цзиньтао от 28 мая 2003 г. В них, как отмечают авторы доклада, с одной стороны, выражена искренняя надежда китайской стороны на развитие китайско-российских отношений, а с другой стороны, дан дипломатичный ответ на существующие на протяжении многих лет известные недружественные взгляды в общественном мнении России и ее действия.

Авторы доклада подчеркнули, что их намерение состоит в том, чтобы, исходя из того, что в ходе нового тура фабрикации и распространения в России измышлений об "угрозе со стороны Китая", о "нелегальных китайских иммигрантах", о "желтой опасности", о том, "как будет проведена линия границы", об "угрозах, связанных с торгово-экономическим сотрудничеством" на протяжении уже более десяти лет" отмечается новый всплеск, в докладе ставится задача представить подробную информацию общественному мнению Китая об этом на основе материалов российской стороны.

Далее в докладе содержится обычный тенденциозный краткий обзор истории советско-китайских отношений и отношений КНР и РФ. Общий вывод состоит в том, что, несомненно, если смотреть только на фасад отношений Китая и России, то здесь сохраняется тенденция к возрастанию уровня этих отношений, причем именно это и представляет собой общую основу интересов обеих стран.

В докладе цитируются высказывания председателя КНР Ху Цзиньтао о необходимости "усилить взаимную поддержку, углублять взаимное политическое доверие". Авторы доклада разъяснили, что "председатель государства использовал язык политического деятеля" и что его слова — это "самый лучший ответ высказываниям и действиям некоторых пролаз, их темной клевете и злостному наговору." ... Следует принимать во внимание, отмечают далее докладчики, что в России вот уже более десяти лет мусолят тему "нелегальных китайских иммигрантов" и "теорию желтой опасности"; в ситуации, когда некоторые люди в России ведут себя назойливо и висят над душой, отказываются взглянуть на вопрос разумно, не соизмеряют свои силы с правдой фактов, не стоит надеяться на то, что китайские ученые будут "отмалчиваться".

Авторы выдвинули тезис о том, что в самом начале XXI века "у российско-китайских отношений имелась основа для продвижения вперед", но эти возможности не были использованы должным образом. По их мнению, "если мы хотим, чтобы российско-китайские отношения получили еще большее развитие, тогда именно, и, прежде всего, Россия, а не Китай, должна изменить свои крайне несправедливые методы действий".

Перейдя к характеристике отношения в России к Китаю, авторы доклада заявили следующее: "И в прошлом и в настоящее время кое-кто с российской стороны, никак не желая обращать внимание на то, что их позиция ранит чувства народа Китая, во всю трубит об "угрозе со стороны Китая", о "желтой опасности", в вопросе о так называемой "незаконной или нелегальной иммиграции". ... И пока не видно никаких признаков того, чтобы в России на все это посмотрели по-иному".

По мнению авторов доклада, корни “теории желтой опасности” в современной России “берут свое начало со Сталина”, который во второй половине 1930-х годов, “под тем предлогом, что необходимо предпринять меры предосторожности от проникновения японских сил, одним махом и сверх всяких ожиданий, насильно переселил в глухие места в верховьях реки Зеи за Внешним Хинганским хребтом, на заброшенные пустынные и безлюдные старые золотые прииски и в еще более не освоенный тогда Казахстан проживавших в районе Дальнего Востока более ста тысяч китайцев по крови...”.

Далее авторы доклада указывают: “В 1945 году СССР, США, Великобритания подписали “Ялтинское соглашение” и, в соответствии с просьбой Сталина, вдоль границы СССР на территории Китая, с Северо-Востока Китая до Синьцзяна, был установлен “защитный барьер” в форме полумесяца длиной свыше 7 тысяч километров, и таким образом Внешняя Монголия была навсегда отрезана от территории Китая”.

Следующий тезис обращен в адрес Хрущева: “В 1955 году Хрущев во время визита в Западную Германию в беседе с канцлером Аденауэром во всю разглагольствовал об угрозе со стороны Китая, сбывал, старался всучить “теорию желтой опасности; это и была самая ранняя искра возникших в дальнейшем разногласий и раскола между СССР и Китаем”.

Затем в докладе дана характеристика деятельности Брежнева: “Что же касается периода Брежнева, то Советский Союз построил на границе между СССР и КНР, между Монголией и Китаем военные сооружения, разместил там миллион солдат, треть своих ракет нацелил на Китай, и даже неистово орал о “желтой опасности”; здесь нет и необходимости входить в подробности”.

Авторы доводят свои рассуждения до настоящего времени: “После распада СССР эта “теория желтой опасности” не уменьшилась, не ослабла, а превратилась в рассказки, которыми подстрекают и которыми пичкают в России массы людей разного рода политики, “авторитеты в области истории”, интеллектуальная “элита” и даже представители армейских кругов. Это привычный для них метод наживы себе на этом “капитала”.

Авторы доклада делают вывод о том, что “именно в этой атмосфере “теория желтой опасности” также находит свой рынок сбыта среди обычных людей в России. Глубокие корни современной “теории желтой опасности” следует искать, анализируя особенности истории и культуры России. Вплоть до сегодняшнего дня огульно приписывают китайцам или записывают на счет китайцев поход на Запад, который совершили в XIII веке монголы, и их господство. Эта злая память засела у них в душе. В различные исторические периоды их национализм, великодержавный шовинизм имеют разное содержание и разные формы своего проявления”.

Авторы доклада продолжают: “После распада СССР Россия из мощной державы, которая в прошлом была единственной страной, способной вести с Америкой борьбу за гегемонию в мире, в одну ночь сверзилась вниз и стала одним из тех рядовых государств, которые политически являются державами второго, а экономически и третьего сорта. Так “блестящая” история, социальная смута, экономический кризис, политическая нестабильность — вся эта нынешняя действительность, сформировали громадный контраст, что привело к тому, что русские как нация, ощутили некий туман в мозгах и боль; их чувства национального самоуважения и национального превосходства испытали на себе колоссальный удар и деформацию. При этом взвырвало чувство узкого национализма; оно резко обострилось”.

Авторы доклада ввели тезис о существовании в РФ двух главных течений — консервативного и либерального: “При этом у консерваторов в мозгу крепко-накрепко засела мысль о том, что Россия и Китай, СССР и КНР — это “известные враги”; а либералы стали вторить Западу, твердить о “желтой опасности”; есть и небольшая промежуточная группа, которая мыслит самостоятельно. Исходные позиции у них не одинаковы, однако тут очень легко формируется “общее понимание”.

В политических кругах “самой откровенной, самой безумной фигурой стал лидер ЛДПР Жириновский”.

Авторы намеренно, прежде всего, говорят о Жириновском, таким образом как бы начиная ряд имен. Затем они вводят и следующий тезис: "Нельзя сказать, что высокие руководители России не причастны к этой истории, не впутались в эту историю". Выступая на совещании по вопросам развития Дальневосточного федерального округа, "президент Путин также особо подчеркнул важность усиления внимания к вопросу об иммигрантах на Дальнем Востоке. Он считает, что эти стихийные иммигранты не только несут с собой такие проблемы как контрабанда, проституция и преступность, но и вытесняют граждан России с местного рынка труда. ("Тихоокеанская звезда" за 27 августа 2002 г.) Мы оставляем за собой право в дальнейшем, в следующих своих работах, обратиться к тем "проблемам", о которых говорил президент Путин".

Вслед за президентом РФ в докладе упоминают "чиновников на местах": глав администраций Владивостока Е. Наздратенко и Хабаровска В.Ишаева, которые "постоянно возглавляли и поднимали соответствующие волны общественного мнения и предпринимали необоснованные меры".

Критике в докладе подвергнуто высказывание академика В.С.Мясникова о том, что "по соседству с границами (России) растет мощное государство, которое явно развивает стратегические замыслы". В связи с вопросом о "нелегальных иммигрантах" в докладе приводятся ссылки на высказывания В.Гельбраса, профессора Антонова из МГУ, газеты "Известия". В то же время авторы доклада одобрительно высказались о директоре Института истории, археологии и этнографии В.Ларине.

Далее в докладе предпринята попытка утверждать, что Россия "всегда и постоянно" стремится занимать "наступательные позиции" при подходе к проблемам исторического характера.

Китайские россиетологи начали с утверждения, что Приморский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Читинская область, Республика Алтай "в основном были отторгнуты от Китая во времена царской России по неравноправным договорам. Их общая площадь именно и вкладывается в те пределы, которые мы называем "полтора миллионами квадратных километров земли". Россия исключительно страшится тогда, когда наше государство (КНР) затрагивает целый ряд неравноправных договоров девятнадцатого столетия. Они хотели бы, чтобы Китай закрыл роток на замок и ничего не говорил об истории; а лучше всего, признал бы, что и Сибирь, и Дальний Восток издревле именно и были территорией России". И далее: "Однако царская Россия и Япония и были теми двумя государствами, которые в тот период, когда державы совершали агрессию против Китая, захватили больше всех и захватили больше всего. ... Российские ученые постоянно упрекают наше государство за то, что оно включает в учебники вопрос об исторически неравноправных договорах. Позиция нашего государства (КНР) в отношении вопросов истории неизменно отвечала принципу: "Завершить прошлое, открыть будущее". Однако русские считают не так. Они все время пытаются что-то придумать, чтобы "переписать" историю, и те районы, которые на основании неравноправных договоров были оккупированы или аннексированы, выдать за территории, которые с древнейших времен принадлежали России. ... Эти методы... также с неизбежностью станут в будущем огромным и серьезным препятствием на пути строительства долгосрочных добрососедских отношений между Россией и Китаем".

Авторы доклада ввели в обращение и следующий тезис: "Уж если придавать этим договорам (так называемым "неравноправным" договорам. — Ю.Г.) "историческую рациональность", то, прежде всего, необходимо пересмотреть отношение к российско-китайскому Нерчинскому договору 1689 года". А по этому договору все, что находится к югу от линии, начинающейся с горы Кенте в пределах Монголии и идущей на Восток вплоть до моря, "принадлежит Китаю, и только то, что находится к северу от (Внешнего Хинганского) хребта, является территорией России. Амур и Уссури находятся в пределах Китая, являются внутренними реками нашего государства, а их правые и левые берега — это наша территория... После того, как в 1840 году началась Опиумная война, китайское государство ослабло. Российская сторона воспользовалась этой возможностью и стала шаг за шагом распространяться на восток, и дело дошло до

того, что в 1858 году губернатор Восточной Сибири царской России Муравьев, находясь во главе своей армии, вынудил губернатора Хэйлунцзяна И Шаня подписать "Айгунский договор". Начиная с этого момента, царская Россия, действуя по принципу, "раз начав, не останавливаться", снова и снова предпринимала очередные шаги, и вынудила Цинскую династию заключить все вышеперечисленные договоры, которыми аннексировалась территория нашего государства".

Далее в докладе утверждается, что в России "некоторым ученым авторитетам" "не терпелось пересмотреть Нерчинский договор". Российские ученые, авторы книги "Русско-китайские отношения в XVII веке" (ответственный редактор Тихвинский; книга вышла в 1969-1972 гг.) утверждают, что Нерчинский договор подписан под угрозой громадных военных сил, под угрозой физического уничтожения и делегации и ее охраны. Он навязан России".

Вплоть до настоящего времени точка зрения, изложенная в упомянутом репрезентативном сочинении "Русско-китайские отношения в XVII веке" не изменилась. В 2001 г. академик Мясников издал книгу "Договорными статьями утвердили..." Его точка зрения осталась та же: он продолжает "переписывать историю". Этот академик, как уже говорилось выше, сегодня по-прежнему является активным пропагандистом "теории желтой опасности". В литературе, изданной в России в последние годы на исторические темы, включая учебники, главный тезис вплоть до сего времени не изменился — это все та же позиция, что изложена в книге "Русско-китайские отношения в XVII веке".

Далее авторы доклада представили свое понимание того, как, с их точки зрения, в России видят современное положение в Китае и его будущее.

Эта часть доклада начинается с утверждения, что "в первое время после создания Нового Китая народ Китая считал Советский Союз своим "старшим братом" и испытывал к нему уважение". Но потом, "начиная с 1960-х годов, отношения между Россией и Китаем ухудшились; Хрущев описывал бедность людей Китая следующими словами: "Они там хлебают пустую воду из большого общего котла, и голодают, у них на семерых одни штаны".

Это трактовалось в докладе следующим образом: "Такая разница в силах между двумя странами воспитывала в русских чувство национального величия и превосходства... В настоящее время (в результате перемен в обеих странах. — Ю.Г.) россияне утратили в весьма серьезной степени душевное равновесие; существовавшее ранее чувство превосходства под жестокими ударами порождает такой гнев и такую зависть, для которых просто трудно подобрать определение. Рождается разнузданный до крайности шовинизм".

В докладе приведены слова В.Ишаева о том, что "граждане Китая могут скупить всю землю на Дальнем Востоке", а также высказывания С. Г.Лузянина о том, что Россия "может на долгое время превратиться в его (Китай) экономический сырьевой придаток", что существует вероятность "превращения России в "младшего брата" Китая".

Из этого Цзян Чанбинь и Ли Чуансюнь делают выводы: Россия "надеется на то, что темпы развития экономики Китая замедлятся по сравнению с прошлым, но дело не дойдет до "упадка" и связанных с этим бедствий". Россия также "надеется, что обстановка в мире в целом вынудит Китай отдать приоритет закупкам высоких технологий в России, а на те наличные деньги, которые Россия будет за это получать, можно будет "подкормить" и поднять российский ВПК, а России больше ничего и не нужно".

Характеризуя ситуацию с нефтепроводом, авторы доклада утверждают, что "китайская сторона неизменно занимает активную позицию, однако российская сторона все оттягивает и затягивает принятие официального решения, и результатов тут не видно". Говоря о сотрудничестве в сфере высоких технологий, а конкретно о сотрудничестве при строительстве атомной электростанции в провинции Цзянсу, авторы доклада утверждают, что "рассуждать о втором энергоблоке для Китая, очевидно, слишком рано", так как "российская сторона не может строго выполнять условия контракта", выполняет их "не своевременно", и при этом "качество зачастую не отвечает требуемым стандартам", "работает спустя рукава" и "не держит своего слова". В целом Рос-

сия, по мнению авторов доклада, "не относится с горячим энтузиазмом к экономическому сотрудничеству".

России также предъявляются претензии в связи с тем, что там, где дело касается закупок" в РФ оборонной продукции Китаем, создаваемой с применением высоких технологий. "наше место по сравнению с Индией оказывается ниже на целый порядок". Что касается мысли Примакова о "стратегическом треугольнике Россия — Китай — Индия", то, по мнению авторов доклада, "Россия пытается с помощью неравноправного экспорта вооружений, во-первых, занять ведущее место в упомянутом треугольнике; и, во-вторых, надеется на то, что Индия будет сдерживать тенденцию к развитию Китая".

Авторы доклада также выражают недовольство тем, что в России отказали китайской компании по нефти и природному газу принимать участие в тендере на продажу компании "Славнефть" на том основании, что эта компания "является государственной". "При этом решение Государственной Думы РФ явилось тем, что обычно называют "выдумкой на пустом месте". Это вызвало сильный решительный протест в Китае, что совершенно естественно. У президента РФ есть право отвергнуть решение Государственной Думы, но он этого не сделал".

Правительство России обвиняется в том, что ему "недостает необходимой искренности" в расширении и углублении экономического сотрудничества. Вопрос ставился таким образом: "Кому теперь можно доверять", когда речь идет об экономическом сотрудничестве.

Российская сторона упрекается и за ее позицию в вопросе об аренде порта Зарубино, говоря, что она "излишне много размышляет".

В докладе подчеркивается, что в настоящее время между Россией и Китаем "имеют место отношения ожесточенной конкуренции в экономике". В качестве примера приводится отношение каждой из сторон к вопросу о соединении транссибирской магистрали с Корейским полуостровом. При этом утверждается, что КНР "имеет все возможности для того, чтобы самостоятельно и независимо выполнить задачу по соединению железных дорог", естественно через Северо-Восточный Китай. У России же иные планы, у нее много проблем, поэтому "центральные российские власти" "нервничают", "опасаясь того, как бы Китай сюда не влез".

Авторы доклада утверждают, что в КНР "не трубят о трудностях России на пути реформ". В то же время, ссылаясь на статьи С. Г.Лузянина о трудностях в Китае, они заявляют, что "автор закрывает глаза на факты и не желает их видеть", что С. Г.Лузянин "радовался чужой беде, злорадствовал и трубил о том, что Китай, дескать, в стратегическом треугольнике Россия — Китай — Америка находится в ситуации, когда он пытается угодить и тем и другим и поэтому испытывает трудности".

Авторы доклада подчеркивают также, что "наше государство никогда не давало гарантии того, что отправлявшиеся в Россию заниматься торговлей торговцы и компании это "те, кто строго соблюдает законы". Наше государство также никогда не давало гарантии того, что товары, которые челноки (а это в еще большей степени относится к российским челнокам, чем к китайским челнокам) привозят, будут по качеству безупречными". "Большинство добросовестных китайских компаний, которые пытались наладить дела в России, не встречая там к себе должного отношения, были вынуждены покинуть Россию. В России нет порядка в обществе, там бесчинствуют "бригады"; они перепугали немало людей".

Авторы упрекают Россию за то, что "в центральной российской печати не публиковались статьи, в которых был бы систематически представлен опыт реформ и открытости Китая. Мы не требуем от России сделать это, но нам также трудно принять лужанинскую безответственную критику".

Касаясь "антикитайских настроений различных слоев общества в России, докладчики назвали Лузянина "представителем громадного "промежуточного" слоя". Это довольно мягкий подход. Некоторые чиновники, академик Мясищев, "великий ученый" Зиновьев и иже с ними, это довольно-таки типичные консерваторы. Они глубоко увязли в своих старых снах о былом могуществе России как сильной державы, и не только враждебно смотрят на подъем Китая, но и из сил выбиваются, чтобы извратить, облить грязью дело социалистического строительства в Китае. Будущие успехи Китая им видятся как

страшный сон. А какую позицию занимают прозападные профессора, ученые, то есть либералы? Помимо того, что они отчаянно защищают так называемые "ценности свободы и демократии", а потому до крайней степени враждебно относятся к "китайскому коммунизму, они также, во всем подражая западным ученым, питаются объедками их подлого разума, рисуют страшную перспективу, выставляя Китай в качестве "безумного агрессора" и военной силы, стремящейся к "гегемонизму", господству. Они используют СМИ и всю рассуждают о "нелегальных иммигрантах", распространяют утверждение о том, что "в ближайшие пять или десять лет Китай может превратиться в самую опасную внешнюю угрозу для России".

В подтверждение своих утверждений авторы доклада обратились к высказываниям В.Ларина, в которые вкраплены слова Хантингтона. В доклад вставлено "признание" В.Ларина: "Для русских такие ярлыки как "великодержавный шовинизм" — это очень жестокая характеристика (а такая характеристика дается в КНР. — Ю.Г.); она не радует, но она справедлива". В докладе приведены также слова В.Гельбраса, отношение которого к Китаю, по мнению авторов доклада, "является довольно недружественным".

Авторы доклада завершают его следующими словами: Россия — это самый крупный ближайший сосед Китая. Обе страны прилагают усилия для того, чтобы создать переходную модель изменения общества. Мы твердо уверены в том, что обе страны имеют светлые перспективы; отношения обеих стран должны быть взаимно выгодными, взаимно благоприятными. Государственные интересы России и Китая определяют следующее: нам остается только одно — из поколения в поколение жить в дружбе; только при этом условии можно создать счастье для поколений наших потомков. В этом высшие интересы России и Китая; в этом самый главный общий язык; однако в силу того, что имеются известные отличия и в истории, и в культуре, и в реальном положении в той и в другой стране, цель данного доклада состоит в том, чтобы привлечь внимание обеих сторон к отмеченным в данном докладе различного рода негативным явлениям, существующим в российско-китайских отношениях, нормализовать ситуацию, посмотреть на дело более широко, посмотреть вдаль. Мы призываем знающих людей в России и Китае прямо смотреть в лицо трудностям, преодолеть негативные факторы, потому что только в этом случае мы обретем уверенность в том, что в двусторонних отношениях всегда будет сохраняться благоприятная обстановка здорового развития".

К.и.н. А.А.Свешников комментирует статью Ли Чжисюэ (факультет истории Цзинаньского университета) "Новое мышление" Горбачева и нормализация китайско-советских отношений".

Статья обращена к периоду радикальных реформ второй половины 80-х годов, нашедших проявления в сфере внешней политики в провозглашении "нового мышления", отвергающего "устаревшие" геополитические подходы.

В начале статьи автор излагает известную версию появления "нового мышления" как противовеса политике "эпохи Брежнева", когда в "сверхмилитаризованном государстве" до трети всех национальных расходов шли на военные нужды. Основы старой централизованной структуры привели к общему застою 70-х гг. Внешнеполитическая среда долгие годы оставалась враждебной для Советского Союза, предпринимавшего усилия установить свой контроль в различных районах мира и распространить свою модель на другие страны. "Брежневизм" испортил отношения СССР с другими соцстранами, оказывал деструктивное влияние на МКД.

15 января 1986 г. Горбачев выдвинул концепцию "нового мышления". Был провозглашен примат общечеловеческих интересов над классовыми, за каждой нацией признавались права на самостоятельный выбор развития, подчеркнуто многообразие мира. "Новое мышление" ориентировало на демократизацию международных отношений. В плане внешнеполитической методологии были отвергнуты военные средства для решения международных проблем. В области теории предложен новый взгляд на эпоху, как эпоху взаимозависимости, основанную на научной революции и преобладании информационных технологий.

Автор отмечает, что Горбачев в результате получил Нобелевскую премию мира и всеобщее признание. Завершилась советская политика великодер-

жавного шовинизма и национализма, гегемонизма и вмешательства в чужие внутренние дела, уходящая корнями в эпоху Сталина.

Анализируя характер отношений СССР и КНР за сорок истекших лет, автор указывает, что в них чередовались периоды союза и вражды, но общим было то, что в эти временные отрезки отношения в равной степени не были нормальными. По его мнению, нормальными являются отношения, базирующиеся на принципах мирного сосуществования, не союзные и не антагонистичные. В 1989 г. на основе не вступления в союз, не противостояния и приверженности принципам мирного сосуществования была осуществлена их нормализация.

Автор считает, что завершение в тот период процесса нормализации было бы невозможным как без стратегической идеи Дэн Сяопина относительно "необходимости строительства нового политического порядка", так и без "нового мышления" Горбачева, без которого темпы нормализации значительно замедлились бы. По мнению Ли Чжисюэ, ход нормализации отразил справедливость теории "роли личности в истории".

Далее в статье в традиционной манере ответственность за "ненормальный характер" отношений в предшествующие годы однозначно возлагается на СССР и персонально на Хрущева с его попытками раздела партий на "старшую" и "младшие". Брежнев объявил о преемственности курса Хрущева и довел отношения с Китаем до пограничного конфликта 1969 г. Ухудшились советско-американские связи, в то время как Китай нормализовал отношения с США.

Автор излагает первые попытки сторон перейти к нормализации в начале 80-х гг., но реальный процесс начался с приходом Горбачева и устранением "трех больших препятствий". Главным поворотным пунктом Ли считает вывод в 1989 г. вьетнамских войск из Кампучии и заявление министра иностранных дел СССР Шеварднадзе о необходимости решать кампучийскую проблему всеми силами внутри этой страны на основе политических переговоров. Таким образом, подчеркивает Ли Чжисюэ, была решена главная из трех проблем. Это было сделано совместными усилиями Китая и СССР. "Три больших препятствия" были устранены, и в мае 1989 г. состоялся визит Горбачева в КНР, во время которого 16 мая произошла его встреча с Дэн Сяопином. Эта встреча, на которой была принята формулировка "закрыть прошлое, открыть будущее", символизировала, что 16 мая 1989 г. стало памятной датой нормализации двухсторонних отношений. Этот факт, подчеркивает автор, заложил основу для успешного и здорового развития отношений Китая и России после распада СССР. Нельзя отрицать факт, что свой вклад в это внесло и "новое мышление" Горбачева.

Д.э.в. А.В.Островский проанализировал статьи китайских ученых о российско-китайском торгово-экономическом сотрудничестве и сравнительном анализе реформ в России и Китае.

В анализируемом сборнике большое место занимают публикации по проблемам торгово-экономического сотрудничества России и Китая. При этом основное внимание уделяется перспективам развития Дальнего Востока и месту Китая в его дальнейшем социально-экономическом развитии.

В данной проблеме выделены три основных момента: 1) инвестиционное сотрудничество; 2) развитие научно-технического сотрудничества; 3) перемещение рабочей силы. Как мы видим, китайские ученые делают акцент на тех направлениях российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, по которым в последние десять с лишним лет практически не наблюдается серьезных сдвигов. Китайские авторы пытаются вскрыть причины такого положения, при котором российско-китайское сотрудничество в политической сфере развивается намного быстрее, чем в торгово-экономической. Анализ четырех статей по данному вопросу равно как и двух других статей сборника по проблемам сравнительного анализа реформ в двух странах показывает основные причины трудностей развития торгово-экономических отношений в настоящее время между Россией и Китаем прежде всего из-за коренных различий в реформе собственности в РФ и КНР и характере российской и китайской элиты, сформировавшейся до начала рыночных реформ.

По мнению *Ма Вэйюня* (Институт России Хэйлунцзянского ун-та), ко-
нечным отличием проводимых реформ в двух странах явился различный под-

ход к преобразованиям собственности. В России целью реформ была обозначена приватизация, “интересом и горячей точкой реформ” также была приватизация (*сюсюха*). Предполагалось, что Россия через приватизацию придет к рыночной экономике. Китайская экономическая реформа не предусматривала переход к рыночной экономике через приватизацию. По китайской модели реформы определение прав собственности предприятия на микроуровне отнюдь не означало права частной собственности на имущество предприятия. Если по российской модели почти все формы собственности приватизировались, то по китайской модели собственником могли стать и физические и юридические лица, но собственность могла быть как коллективной, так и государственной. В результате по китайской модели акционерная собственность (*гуфэньчжи*) отнюдь не является частной собственностью.

Как отмечает Ма Вэйюнь, в обоих случаях побочным продуктом реформы собственности стало формирование бюрократического капитала и поляризация. В России же в силу приверженности процессу приватизации этот процесс формирования побочных продуктов реформ пошел более быстрыми темпами, были сформированы как отраслевые, так и местные группы интересов (*ли цзитуань*), которые с каждым годом усиливают свое влияние на политическую жизнь российского общества. С другой стороны, в ходе бюрократизации российского общества происходит усиление поляризации, увеличивается доля бедных — 30-40%.

Такие же процессы происходят и в Китае, где также происходит возвышение многих предприятий в ряде отраслей — военной, нефтяной, транспорте, связи, финансах, страховании, химической, металлургической и др., но основным отличием от России является то, что большая часть этих предприятий является государственными и право собственности на них — у государства. Это предопределяет и характер перераспределения доходов. Хотя в Китае также наблюдается поляризация общества, однако не столь заметно как в России, поскольку государство оказывает заметное влияние как на межотраслевое и межрегиональное перераспределение капиталов, так и на перераспределение доходов в пользу тех социальных групп, которые потеряли от реформ — вытесненные с земли крестьяне и освобожденные с предприятий рабочие и служащие.

По мнению Хуан Лифу (Институт всеобщей истории АОН Китая), такое различие в ходе проведения реформ в России и в Китае возникло не случайно. Она считает, что одной из основных причин этого является различное качество экономической и политической элиты, сформировавшейся до начала реформ в СССР и Китае. По ее мнению, существуют два принципиальных различия в характере проводившей реформы элиты в России и в Китае. В России уже в 50-е гг. во времена реформ Хрущева уменьшилась власть элиты в центре и выросла — на местах, и местная элита получила простор для выражения своих интересов. В результате к началу реформ Горбачева и Ельцина она превратилась из партии рабочего класса в партию всего народа, из революционной партии в правящую партию и уже стала к 70-м гг. “классом управляющих” (*гуаньли цзецзи*). В Китае ситуация принципиально отличалась тем, что к началу реформ за 30 лет КНР правящая элита еще не сложилась в класс управленцев из-за того, что она подвергалась чистке в ходе различных политических кампаний — борьба против “правых” в 1957 г., “четыре чистки” в деревне в 60-е гг., “культурная революция” с 1966 г.

В результате к началу реформ в Китае как политическая, так и экономическая элита не могли в полной мере осознать свои экономические интересы в ходе реформы. В России к началу реформы элиты при выборе экономической политики уже в полной мере могли преследовать свои материальные интересы по отраслям, регионам и прочим “группам интересов” (*ли цзитуань*). В Китае в результате всевозможных политических кампаний велась ожесточенная борьба и критика с проявлениями материального интереса со стороны элиты, полностью отвергались всякие проявления товарно-денежных отношений в ходе управления обществом. В результате в Китае до настоящего времени затруднительно преследовать личные интересы, ибо часто за это следуют серьезные наказания вплоть до высшей меры. Еще одним важным отличием российской от китайской элиты являлась возможность выезда за рубеж для совет-

ской элиты, в то время как для китайской они были ограничены. В результате в Китае организаторы реформы хотя и имели свои личные интересы, однако они не могли открыто лоббировать интересы своей социальной группы в отличие от ситуации в СССР во время перестройки.

Таким образом, в ходе анализа работ китайских ученых по проблемам сравнительного анализа российских и китайских реформ мы не можем не прийти к мысли о том, что не случайно возникли серьезные проблемы именно в развитии российско-китайских торгово-экономических отношений. На наш взгляд, они прежде всего связаны с реализацией различных моделей перехода к рыночной экономике: в России через приватизацию всех форм собственности, в Китае — через развитие всех форм собственности. В Китае произошла не приватизация собственности, а определение прав собственности и разделение прав собственности и хозяйствования, что далеко не то же, что приватизация. В результате большая часть крупных китайских предприятий в базовых отраслях, где объективно существуют наиболее благоприятные условия для сотрудничества с российскими предприятиями, не являются частными. Это в значительной степени подрывает основу сотрудничества с российскими предприятиями, которые в большинстве своем представляют предприятия частного капитала и не могут получить необходимые государственные гарантии. Таким образом база российско-китайского сотрудничества ограничивается в основном внешней торговлей, характеризующейся экспортом российских природных ресурсов и импортом китайских потребительских товаров.

Три наиболее перспективных вида российско-китайского торгово-экономического сотрудничества — инвестиционное, научное и в сфере трудовых ресурсов — по-прежнему недостаточно развиты, что в значительной степени сдерживает дальнейший потенциал развития двусторонней торговли.

Как отмечается в работе Ли Чуаньсюня (Институт России Хэйлунцзянского университета), уровень инвестиционного сотрудничества крайне невысок. В частности, за 2001-2002 гг. с участием китайского капитала из провинции Хэйлунцзян на российской территории было реализовано всего 11 инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций 8,525 млн ам.долл., из Внутренней Монголии — 9 проектов с объемом инвестиций 2,76 млн ам.долл., из провинции Цзилинь — 9 проектов с объемом инвестиций 7,349 млн ам.долл. Большая часть китайских инвестиций направлено в трудоемкие отрасли с низким органическим строением капитала — торговля, сельское хозяйство и лесозаготовки, питание и гостиничное дело, строительство, производство пластмассовой тары, швейная и пищевая промышленность и др.

В результате, по данным на 2001-2002 гг., средний объем китайских инвестиций на одно совместное российско-китайское предприятие на российской территории крайне невелик — 46,1 тыс.ам.долл. на предприятие в Приморском крае; 39,5 тыс.ам.долл. на предприятие в Хабаровском крае; 24,4 тыс.ам.долл. на предприятие в Еврейской АО; 89,6 тыс.ам.долл. на предприятие в Сахалинской области. При этом общее количество созданных за 10 лет — с 1992 по 2002 гг. совместных предприятий с участием российского и китайского капитала на приграничных территориях российского Дальнего Востока и Забайкалья было невелико: в Приморском крае — 573 предприятия; в Хабаровском крае — 320 предприятий; в Еврейской АО — 82 предприятия; в Амурской области — 100 предприятий; в Бурятии — 63 предприятия. Аналогичная ситуация наблюдается и на сопредельной китайской территории. Например, в провинции Хэйлунцзян, по данным на 30 июня 2002 г., было зарегистрировано всего 314 предприятий с участием российского капитала с общим объемом фактически реализованных инвестиций — 84 млн ам.долл.

Ли Чуаньсюнь выделяет семь основных препятствий, сдерживающих развитие российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. С китайской стороны выделяются две основные проблемы — незнание китайскими предпринимателями российской специфики (законодательство, инвестиционные риски и др.) и плохой инвестиционный климат в Китае, связанный с реализацией проектов в России. С российской стороны выделены пять основных проблем — российское законодательство, ущемляющее интересы иностранного

капитала; высокие ставки налогообложения по сравнению с КНР; административные проблемы, связанные с усилением бюрократизации в центре и на местах; недостаточная защищенность китайского бизнеса в России и социально-психологические моменты, связанные с давлением российской прессы на население в связи с так наз. "китайской угрозой".

Другим важным резервом в развитии российско-китайского торгово-экономического сотрудничества является расширение научно-технического сотрудничества. В статье *Ци Вэйхая* (Институт экономики Хэйлунцзянского университета) отмечался низкий удельный вес научно-технического сотрудничества в общем объеме российско-китайского сотрудничества, что связывается со снижением доли российской научно-технической продукции на мировом рынке. В частности, он пишет, что из общего объема реализованной на мировом рынке научно-технической продукции — 2300 млрд ам.долл. на долю России приходится лишь 0,3%.

Тем не менее, в этих условиях уже созданы различные российско-китайские структуры по сотрудничеству в области науки и техники. На высшем уровне создан "Российско-китайский центр науки и высоких технологий", где китайскую сторону представляет Центр развития высоких технологий "Факел" (в рамках плана "Факел"), а российскую сторону — "Российский дом" и "Международный научный центр" Министерства образования и науки РФ. Аналогичные структуры созданы в различных провинциях КНР — Хэйлунцзян, Шаньдун и китайских городах — Харбин, Уси, Ухань, Шэньян и др.

На российской территории в различных университетских городах также создаются различные российско-китайские центры научно-технического сотрудничества. Китайская сторона выделяет инвестиции — примерно 10 млн юаней, российская сторона предоставляет территорию и частично оборудование. В этих центрах предусматриваются научные разработки и внедрение в производство новой высокотехнологичной продукции в таких областях, как новые материалы, генная инженерия, электроника и др. Однако в настоящее время одной из основных проблем остается финансирование этих центров, которые должны внедрять результаты научных достижений в практику. Но если в Китае в некоторых городах (Харбин, Уси) уже созданы так наз. "венчурные фонды" (фонды риска) для реализации научных проектов — от 60 до 80 млн юаней, то в России такие фонды практически отсутствуют из-за нерациональной системы налогообложения.

Тем не менее, несмотря на эти трудности, за последние пять лет было подписано не менее 150 соглашений по вопросам развития научно-технического сотрудничества в различных сферах между различными высшими учебными заведениями и научными центрами РФ и КНР. В целом в Китае считают, что дальнейшее развитие научно-технического сотрудничества между нашими странами будет идти более быстрыми темпами и создаст необходимую основу для дальнейшего развития российско-китайских торгово-экономических отношений.

Самое большое внимание было уделено проблемам перемещения рабочей силы из Китая в Россию. Этой теме посвятили в той или иной степени свои материалы три исследователя — *Ли Чуаньсюнь* (Хэйлунцзянский университет, Институт России), *Чжан Цзунхай* (Институт истории АОН пров.Хэйлунцзян) и *Инь Цзяньпин* (Институт России АОН пров.Хэйлунцзян). Отмечалось, что еще в начале XX века китайская рабочая сила играла важную роль в экономическом развитии российского Дальнего Востока и Сибири. В частности, в 1910 г. на промышленных предприятиях Приморского края и Амурской губернии работало 42353 китайца или 41% общего числа рабочих и служащих, а в целом на Дальнем Востоке насчитывалось 150-200 тыс. китайских рабочих. Большая часть китайской рабочей силы — кули было занято в таких отраслях как промышленность и капитальное строительство, а также заняты в частном бизнесе в сфере услуг.

В начале 90-х гг. XX в. после открытия границы до настоящего времени общая численность китайской рабочей силы и близко не доходила до показателя начала XX в., хотя за это время общая численность населения Дальнего Востока заметно выросла. По данным, приводимым в работе Ли Чуаньсюня со ссылками на российские источники, в 2001 г. общая численность китайских рабочих по контрактам в Приморском крае составляла 9639 чел., Хабаровском крае — 1254 чел., Еврейской АО — 550 чел., Амурской области — 312 чел., на

Сахалине — 233 чел., в Бурятском АР — 349 чел. Эти цифры корреспондируются с китайскими статистическими данными по провинциям — общая численность направленной в РФ рабочей силы из Хэйлунцзяна составляла 4018 чел. в 2001 г. и 3184 чел. в 2002 г., из Внутренней Монголии — 2849 чел. в 2001 г. и 1580 чел. в 2002 г. и из Цзилиня — 2636 чел. в 2001 г. и 3817 чел. в 2002 г. Большая часть рабочей силы приходит на Дальний Восток России из провинций на Северо-Востоке Китая, в основном из Хэйлунцзяна — 65%, из Цзилиня — примерно 10-25%. Основную часть рабочей силы составляют крестьяне, меньшую часть — рабочие и служащие, освобожденные с предприятий городов и поселков в ходе кампании по сокращению численности персонала на предприятиях государственного и коллективного сектора. Все они большей частью заняты неквалифицированным трудом в строительстве, сельском хозяйстве и лесозаготовках, а также в сфере торговли и услуг.

Однако на российской территории имеется и другая категория китайцев, которая занята в основном мелким бизнесом. По данным в работе Чжан Цзунхай, с 1988 по 1993 гг. с территории КНР на территорию России через 21 погранпереход было совершено более 4 млн чел.-визитов, большая часть которых состоялась в рамках так называемого «однодневного туризма». Из них в 1988-1993 гг. провинция Хэйлунцзян по контрактам об оказании трудовых услуг направила в Россию 72836 человек, а также для учебы в российских вузах и занятий мелкой торговлей, причем зачастую один и тот же человек одновременно занимался двумя видами деятельности — мелкая торговля и учеба, работа по контракту и мелкая торговля и т.д.

С 1994 г. после введения визового режима поток рабочей силы из Китая в Россию заметно уменьшился. При этом был значительно усилен контроль за их пребыванием на российской территории, который не позволял задерживаться сверх срока. В частности, с 1994 по 1996 гг. только с территории Приморского края было депортировано в КНР 9976 чел., в 1997 г. — 2610 чел. В конечном счете Чжан Цзунхай делает вывод, что «с 1994 г. после введения визового режима из-за того, что власти российского Дальнего Востока непрерывно применяют различные меры в отношении иностранцев и регулирования деятельности иностранцев в сфере торговли и услуг, не только стремительно уменьшается общая численность китайцев на территории России, но и стремительно уменьшается число туристов и торговцев, прибывающих в Россию на несколько дней...».

Вместе с тем, в Китае считают, что при нынешней демографической ситуации в России в целом, и на Дальнем Востоке, в частности, характеризующейся снижением общей численности населения и численности трудоспособного населения, Россия не обойдется без дополнительного привлечения рабочей силы извне, в том числе из КНР. Как отмечает Инь Цзяньпин, России в соответствии с программой развития Дальнего Востока на 2002-2010 гг. понадобится не менее 920 тыс.чел., для создания новых рабочих мест по плану — 600 тыс.чел., сохранения рабочих мест — 200 тыс.чел., удовлетворения потребностей в рабочей силе на малых предприятиях и на временных работах — 120 тыс.чел. Безусловно, в настоящее время нехватка рабочей силы является одной из острейших проблем социально-экономического развития российских регионов, но в настоящее время Россия пока не готова к развитию этого направления сотрудничества в силу ряда как объективных, так и субъективных причин.

На наш взгляд, основные проблемы, связанные с отставанием развития торгово-экономических связей по сравнению с политическими связями, лежит в различии характера проводимых реформ в России и Китае. Если в России суть реформы свелась к приватизации всех предприятий общественной формы собственности, то в Китае — к развитию всех форм собственности, разделению права собственности и права хозяйствования. В результате развитие торгово-экономических связей между Россией и Китаем, как правило, происходит только по линии необщественных форм собственности. Большая часть совместных инвестиционных проектов, связанная с включением китайских предприятий общественных форм собственности, таких как нефтепровод Ангарск-Дацин, выход на российский аукцион китайских компаний или поставка турбин для проекта гидроэлектростанции Санься на реке Янцзы и другие, обычно за-

канчивается неудачей из-за того, что обе стороны представляют предприятия различных форм собственности с различным объемом капитала и уровнем гарантий. Все это будет сильно тормозить дальнейшее наращивание объема российско-китайской торговли и ограничивать резервы российско-китайского торгово-экономического сотрудничества практически по всем направлениям, особенно в вопросах развития инвестиционного и научно-технического сотрудничества и использования китайской рабочей силы на российской территории.

К.э.н. М.В.Александрова рассмотрела статью *Хуан Лифэй* (сотрудник Института мировой истории АОН КНР) **“Сравнительное изучение политической и экономической элиты двух государств — КНР и СССР до проведения реформы рыночной экономики”**.

Статья поделена на два блока. В первом — *“Три одинаковые стороны элиты двух государств — КНР и СССР до реформ.”* — отмечается, что при создании КНР его политическая и экономическая система подверглась глубокому влиянию со стороны советской модели и отсюда много общего между нашими странами, а именно:

“Одинаковые социальные ресурсы” — под этим сложным термином автор подразумевает лиц управленческого аппарата или “полномочных руководящих кадров”. Как говорится в статье, “политическую элиту двух стран составляют политические руководящие кадры всех ступеней, ведущие работу в коммунистической партии, государственных органах и других социальных сферах. В связи с тем, что в обоих государствах преобладала системы общественной собственности на средства производства, в обществе не было крупных частных собственников и в экономической элите не было людей, в руках которых были бы сосредоточены большие богатства, поэтому экономические управленческие кадры всех ступеней правительств и руководящие кадры основных экономических организаций составляли отряд экономической элиты...Эти кадры обладали одинаковым социальным ресурсом, служебным положением. ...В странах практиковалась система назначения руководящих кадров сверху донизу, т.е. система сознательного отбора, воспитания, проверки и использования “объекта” компетентными вышестоящими органами, после чего определялся кадровый состав”.

Что касается китайских руководящих кадров, то автор подчеркивает, что со времени образования КНР до политики реформ и открытости система назначений не претерпела больших изменений.

“Назначение и распределение руководящих кадров двух стран, — пишет Хуан Лифэй — сосредоточены в организационных отделах ЦК партии. Если люди хотят быть политиками, то они становятся руководящими кадрами, получая назначение только через организационный отдел ЦК. Это единственный канал перемещения кадров, народ называет это канал “мостиком из одного бревна”.

Следующей общей чертой двух государств является *“Пожизненное назначение руководящих кадров”*. О китайских руководящих кадрах принято говорить: “войдя (в элиту руководителей), уже и не выйдешь из нее”.

Автор подчеркивает, что “система назначения руководящих кадров и система пожизненного назначения фактически являются системой распределения политических закрытых ресурсов, сосредоточенных в ЦК... Руководящие кадры двух государств не только держат в руках бразды правления политикой и экономикой в стране, но и в соответствии с высокими или низкими разрядами служебного положения пользуются особыми привилегиями в области обеспечения жильем, транспортом, снабжения товарами, здравоохранения, отдыха, обеспечения информацией и многими другими льготами”.

Во второй части статьи автор повествует о недостатках и грубых просчетах в СССР, повлекших к его развалу и низложению КПСС.

И начинается все очень символично со следующей фразы: “до политики реформ обе страны — КНР и СССР — находились на разных этапах развития, социальный состав элит был также разным”. Далее Хуан Лифэй пишет, что за 60-летний период к 1985 г. КПСС покончила с классово-борьбой и со времени Хрущева стала превращаться во всенародную партию”. В связи с этим цитируются материалы XXII съезда КПСС. Автор отмечает, что в СССР в 1960-

70-е годы произошел "полный переворот в строительстве экономики и переворот в правящей партии, что привело к колоссальным изменениям". Ссылаясь на монографию "История России: XX век", автор пишет, что "в 1960-70-е годы КПСС играла ключевую роль в управлении советским обществом и в определении характера и темпов развития страны, основная часть элиты уже не была ленинской "гвардией старых революционеров", которая в конце XIX — начале XX века участвовала в свержении царского строя, создавала советское общество, а представляла собой "класс управленцев", включившихся в работу после победы революции, после Второй мировой войны, до XX съезда и после него".

В КНР ситуация выглядела иначе: с образования КНР до начала экономических реформ прошло всего 30 лет, и поэтому у руля партии оставалось старое поколение "борцов". Попытка, сделанная на VIII съезде КПК Дэн Сяопином, и его высказывания о том, что "После завершения в основном социалистических преобразований главное противоречие в обществе уже не будет классовым противоречием, а будет противоречием между отсталыми производительными силами и с каждым днем растущими материально-культурными потребностями масс", не были поддержаны, и с 1957 г. начала вестись борьба против правых элементов.

Этим самым автор пытается подчеркнуть превосходство КПК над КПСС. В результате "в Китае не претерпела изменения концепция государства, центр тяжести развития не переносился на экономическое строительство, к тому же из-за кратковременного нахождения КПК у власти вплоть до начала политики реформ и открытости основная часть корпуса элиты все еще состояла из революционеров старшего поколения".

В хрущевско-брежневский период правления руководящая советская номенклатура по сравнению с их предшественниками — "революционной ленинской гвардией" — поменяла свои цели и приоритеты, заменив идею "захвата власти и борьбу за победу мировой революции" на "осуществление материального стимулирования, увеличение прибыли" и решение других социально-экономических задач.

Подмена политико-идеологического курса социально-экономическими целями не самая большая беда КПСС, главная же вина хрущевской политики, по мнению автора, состояла в "значительном сокращении полномочий центрального правительства и расширении полномочий местных правительств — это привело к тому, что местная элита получила большие права для извлечения собственной выгоды от "хозяйственной деятельности", а также к тому, что в положении местной элиты произошли огромные изменения. Во-первых, многие члены политической и экономической элиты хотя и назывались коммунистами, уже утратили веру в марксизм и социализм, их идеология уже превратилась в пустую болтовню; во-вторых, возникли многочисленные группировки, которые в своих интересах использовали рычаги политической власти... Эти крупные и мелкие группировки различных оттенков извлекали для себя выгоду, они пронизали все социальные сферы от низовых органов партии до ЦК".

В результате сформировалась "классовая прослойка номенклатурных работников, пользующаяся особыми правами". При этом номенклатура делилась на 2 вида: ведомственная и региональная. Но как подчеркивает автор, "конечной целью" тех и других было достижение личных экономических выгод, ради которых "некоторые кадровые работники даже осмеливались попирать законы и систему, проводить в нарушение закона торговые сделки, тем самым нанося злоумышленный вред народу, нанося ущерб интересам общества и государства, при этом они сами получали огромные финансовые средства".

В заключении автор делает вывод — хотя и не прямой, но достаточно прозрачный — о том, что к периоду прихода к власти Горбачева номенклатура сформировала свою классовую привилегированную прослойку, которая преследовала цели, противоречащие целям и задачам общества.

Естественно в противовес "прогнившей" советской действительности автор делает попытку создать положительный образ китайского ганьбу, находящегося на передовой линии борьбы, но это получается не очень убедительно.

К.филол.н. А.Г.Ларин представил рефераты двух статей сборника.

Первая — статья Ван Вэня (профессора Китайского молодежного политического института) “О китайско-российских отношениях в ООН после “холодной войны””.

Профессор Ван Вэнь уделяет наибольшее внимание сотрудничеству двух государств в ООН и их взаимоотношениям с США. После окончания “холодной войны”, отмечает он, все большее распространение получает идея: с помощью международных организаций поставить заслон политике гегемонизма, заполнить образовавшийся “вакуум порядка”. Если США стремятся превратить ООН в орудие своей политики мирового доминирования, то Китай и Россия “совместно противостоят американской сверхдержаве”. Расхождения и трения с США побуждают Россию относиться к своей деятельности в ООН с особым вниманием. Китай также активно участвует в работе ООН, в ее миротворческих операциях, стремится играть в ООН подобающую ему роль, “создает образ великого государства, несущего свою ответственность на международной арене”. Иными словами, Ван Вэнь демонстрирует, что забота о международном имидже в последнее время занимает заметное место в политике КНР.

Китай и Россия теснейшим образом взаимодействуют друг с другом в структурах ООН, в том числе в неофициальных формах. Оба государства прилагают усилия, продвигая реформу Совета Безопасности, выступают за расширение миротворческой деятельности ООН, за повышение ответственности великих держав в вопросах региональной безопасности. Оба считают необходимым усилить роль ООН в борьбе с международным терроризмом. И Китай, и Россия возражают против односторонних действий в обход ООН, считают наиболее плодотворным путь мирного урегулирования конфликтов под эгидой Организации. Их общей целью является создание нового мирового порядка, основанного на принципах многополярности.

В данной статье проводится один из кардинальных тезисов китайской политологии последних лет, а именно: в международном положении России и Китая, а также и в их внутренних делах имеется много общего, что сближает их друг с другом и объективно противопоставляет стремящимся к мировому доминированию Соединенным Штатам. Фактически две страны уже действуют сообща. Отсюда делается или естественно вытекает по умолчанию вывод о необходимости для них впредь держаться друг за друга еще крепче.

Вторая статья — Фэн Шаолэя (профессора Центра российских исследований Восточно-китайского педагогического университета, г. Шанхай) “Незаконченный “конец истории””.

В статье известный китайский политолог анализирует ситуацию в мире, сложившуюся после теракта 11 сентября 2001 г., главным образом новый этап развития взаимоотношений между Китаем, США и Россией, обыгрывая известный тезис Ф. Фукуямы о наступлении “конца истории”. Важнейшей особенностью возникшей новой ситуации является переход небывало усилившихся США к жесткой “односторонней” политике, которая в условиях столь страшно заявившего о себе международного терроризма получила твердую поддержку всей американской нации. Эта политика включает в себя стратегию “превентивного сдерживания” не только террористических сил, но и — шире — “враждебных (или “несостоявшихся”) государств”. Она прямо опирается на военную силу, в которой Вашингтон видит средство создания нового мирового порядка, обеспечивающего Соединенным Штатам “абсолютную безопасность”.

С превращением США в единственную сверхдержаву мир не стал более безопасным. Идет ли мировое сообщество к нарастанию конфронтации или, все-таки, к гармонизации интересов его участников? Каким образом можно было бы укрепить международную стабильность: “методами Римской империи” или посредством многостороннего сотрудничества — вот вопросы, которые явно тревожат Китай. Автор считает, что линия, избранная США, не находит поддержки мировой общественности. В частности, ООН и другие международные организации уже не станут служить инструментами Вашингтона, как это было в период “холодной войны”. Примечательно, что китайский политолог в своем анализе ставит рядом наши государства: Китай и Россия “гибко и спокойно” выступа-

ют против "одностороннего" курса, хотя, оговаривается он, в "большом треугольнике" никакие двусторонние отношения не направлены против третьей стороны.

Основной вопрос, занимающий автора: как обеспечить сохранение и укрепление международных позиций Китая после поворота США к новому стратегическому курсу и произошедшего в ходе событий 11 сентября 2001 г. сближения России и США — сближения, сделавшего их сотрудничество существенно более тесным, нежели китайско-американское?

Автор обеспокоен тем, что США рассматривают Китай как "потенциального конкурента". Взамен идеологического противостояния времен "холодной войны" в международные отношения внедряется новая система идеологических мифов, столь же конфронтационная по сути: постулаты свободы и демократии используются для обоснования и оправдания "глобальной экспансии капитализма". В Центральной Азии и других регионах, сопредельных Китаю, влияние России заменяется влиянием много более мощной американской сверхдержавы. По поводу сближения США и России автор, корректно отражая существовавшие в тот период в КНР опасения, острожно ссылается на распространенное на Западе мнение, будто бы одной из целей этого сближения является их совместное противодействие Китаю.

Однако целый ряд фундаментальных факторов обеспечивает поддержание международной стабильности. Так, у всех трех ведущих держав существуют сложные внутренние экономические проблемы, с которыми им предстоит разбираться. Им необходимо сотрудничество друг с другом для решения международных проблем. Что же касается сближения Запада и России, то Россия со своей самобытной историей и культурой не может так просто "стать членом западного сообщества", хотя об этом много говорится; экономическую помощь от Запада Россия получит не скоро, поскольку многие в западных странах этого не хотят; Западу важно, чтобы в российском обществе произошли определенные перемены, но ни российская элита, ни народ к ним не готовы.

Автор высказывает предположение, что в целях укрепления международной стабильности необходимо продвигаться в сторону многополярности. Внешнеполитическая линия Китая включает в себя содействие этому процессу.

Таким образом, в статье профессора Фэн Шаолэя явно просматривается осторожный призыв к России вместе с Китаем идти по пути противодействия американскому "одностороннему" курсу, не рассчитывая, что США окажут ей содействие в реализации ее собственных целей. Этим, в первую очередь, статья и интересна, заключает А.Г.Ларин.

С.н.с. В.Б.Кашин подробно проанализировал статью Юй Синвэя (Академия военных наук НОАК) "Обзор развития российско-китайских военных связей в новейший период".

Это — одна из немногих открыто опубликованных работ, посвященных политическим аспектам военных связей с Россией. Несмотря на то, что работа содержит минимум военно-технической конкретики, она, как представляется, отражает китайские политические подходы в отношении сотрудничества с Россией в военной сфере.

По мнению Юй Синвэя, военные связи между Россией и Китаем в новейший период можно разделить на 3 периода. Первый из них продолжался с декабря 1991 по декабрь 1992, когда российский президент Ельцин посетил Китай. В этот период две страны заложили основу для отношений доверия в военной сфере. Главным итогом этого периода стало начало обменов визитами военных делегаций и подписание "Меморандума о взаимопонимании между правительством России и Китая по вопросу о сокращении вооруженных сил и укреплении доверия в военной области в районе границы". В этот период стороны пытались главным образом нащупать формы для дальнейшего сотрудничества и оценить его перспективы, реальное же сотрудничество было крайне ограничено.

Как отмечает автор, несмотря на то, что Китай после распада СССР быстро признал Россию и установил с нею дипломатические отношения, первоначально существовали сомнения в отношении перспектив двусторонних связей, основанные на гигантских идеологических различиях между КНР и РФ начала 90-х. Поэтому и в политической, и в военной сферах неизбежно должен

был пройти длительный период взаимного изучения и оценки. К тому же Россия в начальный период своего существования проводила прозападную политику, а отношения с Китаем уделялось второстепенное значение. В связи с этим в двусторонних связях возникла короткая пауза. Однако уже в январе 1992 года во время саммита глав государств — членов СБ ООН в Нью-Йорке состоялась встреча премьера Госсовета КНР Ли Пэна с российским президентом Ельциным, в ходе которой китайский премьер подтвердил желание Пекина развивать сотрудничество с Россией и передал российскому лидеру приглашение посетить Китай. Ельцин, со своей стороны, заявил, что идеологические разногласия не должны мешать сотрудничеству двух стран. Эта встреча, считает Юй Синвэй, явилась отправной точкой для развития двусторонних военных контактов.

Второй период начался с декабря 1992 года и продолжался до визита Ельцина в Китай в 1996 году, когда Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан провели первую встречу “Шанхайской пятерки”. В этот период два государства осуществили меры по укреплению военного доверия и установили тесное сотрудничество. Одновременно были предприняты первые шаги для развития военного сотрудничества. В этот период был достигнут ряд договоренностей по мерам военного доверия и военным связям. В частности, в 1993 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве между министерствами обороны двух стран, а также о ненацеленности ядерного оружия друг на друга и неиспользовании ЯО первыми друг против друга. В июле 1997 г. во время визита министра обороны КНР Чи Хаотяня в Россию стороны подписали соглашение “О приостановке опасной военной деятельности”. В сентябре 1994 г. было опубликовано совместное российско-китайское заявление, в котором особо подчеркивалось, что необходимо развивать дружественные связи между расположенными в приграничных районах войсками и продолжать строить сотрудничество на принципах равноправия и взаимной выгоды. Фиксация принципов военного сотрудничества в официально опубликованном документе, по мнению Юй Синвэя, открыла широкие перспективы для его развития. В августе 1995 г. было подписано российско-китайское соглашение о сотрудничестве между пограничными службами. А в апреле 1996 г. пять государств, включая КНР и Россию, подписали “Соглашение о мерах по укреплению военного доверия в приграничных районах”, в котором были подтверждены такие принципы, как неиспользование вооруженных сил друг против друга, ограничение масштабов военных учений в приграничных районах, прозрачность в перемещениях войск в приграничных районах и т.п.

Третий этап развития связей начался с саммита “Шанхайской пятерки” в 1996 г. и продолжается до сих пор. Важнейшими событиями в этот период явились создание Шанхайской организации сотрудничества, постепенная институализация двусторонних военных контактов и их расширение, углубление военного сотрудничества, обогащения его содержания. Сотрудничество в этот период поднялось на новую высоту.

На саммите 1996 г. в Шанхае был создан механизм регулярных встреч руководителей 5 стран. Военное содержание саммитов “пятерки” неуклонно расширялось, регулярные встречи глав государств были дополнены регулярными встречами и министров обороны. В июне 2000 г. саммит “пятерки” принял решение расширять потенциал сотрудничества стран-участников в военно-политической, экономической и военной сферах, перейдя от мер доверия в военной сфере к созданию многосторонней системы безопасности. 15 июня 2001 г. на 6-м саммите стран-участников “пятерки” было принято решение о создании Шанхайской организации сотрудничества. В июне 2002 г. КНР, Россия и другие члены ШОС приняли устав организации, в ее состав вошел Узбекистан. Таким образом, организация продолжила эволюцию от структуры, нацеленной преимущественно на приграничное сотрудничество, к более универсальной, соединяющей политическую и военную сферы взаимодействия. Сформирован механизм регулярных консультаций между руководителями военных ведомств. Так, в мае 2002 г. министр обороны КНР Чи Хаотянь посетил Россию, а в конце того же месяца российский министр обороны С. Иванов нанес визит в Китай и проинформировал китайскую сторону о но-

вом характере отношений России и НАТО. На саммите ШОС в начале 2003 г. было принято решение провести совместные учения стран-участников организации и создать секретариат организации в Пекине. Было принято решение о создании регионального антитеррористического центра ШОС (открылся в сентябре того же года сначала в Бишкеке, затем был перенесен в Ташкент).

По мнению Юй Синвэя, важнейшим условием развертывания военного сотрудничества между Китаем и Россией стали глобальные изменения в мировой политике, связанные с распадом СССР. По мере распада Варшавского Договора и СССР, а также расширения НАТО на Восток стратегическое пространство России начало неумолимо сужаться. Хотя географически Россия — евроазиатское государство, в культурном отношении Россия — это европейская страна, близкая к США и странам Европы. Поэтому после распада СССР Россия, как считает Юй Синвэй, сделала ставку на вхождение в Европу, а потому начала проводить внешнюю политику, ориентированную на Запад, рассматривая часть сообществ развитых западных государств. Однако США не рассматривали Россию в качестве равноправного партнера, соглашаясь признать за ней лишь роль региональной державы. НАТО начала расширяться, включая в себя восточноевропейские страны, ранее входившие в советскую орбиту влияния, а затем и бывшие советские союзные республики. В этой обстановке Россия стала пересматривать свою внешнюю политику и активизировала связи с Китаем. Было принято решение строить сбалансированные отношения с Востоком и Западом. И, тем не менее, до 1995 г. США и другие страны Запада оставались приоритетом российской внешней политики. С декабря 1994 г. возглавляемый США Североатлантический альянс начал постепенно вбирать в себя восточноевропейские страны, что вызвало всплеск антиамериканских настроений в России. В отношениях России и США были и другие раздражители, такие как поставка российского атомного реактора Ирану. Понастоящему сбалансированной российской внешней политика стала после того, как прозападного министра иностранных дел Козырева сменил Евгений Примаков, выступавший за более жесткую политику в отношении Запада. В это время начали ускоренно развиваться и российско-китайские отношения.

Важное значение, по мнению автора, в развитии двусторонних военных связей играет экономическая составляющая. Под давлением западных стран многие традиционные российские рынки были утрачены, а платежеспособность государств, традиционно закупавших оружие у России, снизилась. Поэтому для России китайский оружейный рынок был просто неоценим. Китай вследствие введения западными правительствами ограничительных мер также сталкивался с трудностями в приобретении оружия и военных технологий на Западе. По мнению некоторых западных аналитиков, отмечает Юй Синвэй, в российско-китайской торговле оружием «обе стороны не доверяют друг другу, их отношения сосредоточены на реальных торговых проектах, которые напоминают брак по расчету.» С другой стороны, КНР нуждается в модернизации национальной обороны, вооружение армии должно быть заменено техникой нового поколения. Эта задача должна главным образом решаться за счет собственных разработок, подчеркивает Юй Синвэй, однако делать все своими силами не всегда рационально с точки зрения экономии времени и денег.

В целом, по мнению Юй Синвэя, российско-китайское военное сотрудничество находится под постоянным воздействием «разноплановых» факторов и ему присуща «неопределенность». Тем не менее, считает Юй Синвэй, в характере этого сотрудничества «в течение очень длительного времени не произойдет изменений», военное сотрудничество будет формализовываться, упорядочиваться, а его содержание станет богаче. Автор считает, что развитие китайско-российского сотрудничества соответствует интересам обеих стран и, более того, военные связи, могут способствовать продвижению контактов в других областях — политической, экономической, культурной и т.п.

В то же время военное сотрудничество двух стран «не может привести к возникновению союза, направленного против США». В обозримом будущем, по мнению Юй Синвэя, США останутся государством с самой сильной экономической системой, главным источником капиталов и высоких технологий, которые необхо-

димы и Китаю, и России в решении задач экономического развития. В этих условиях, противостояние с США не будет отвечать интересам ни России, ни Китая.

Кроме того, по мнению Юй Синвэя, российско-китайские военные связи "не могут постоянно развиваться по накатанной дорожке" и китайской стороне надо быть психологически готовой к возможному в будущем разрыву. Необходимо осознавать, что в отношениях России и Китая сохраняются некоторые проблемы, оставшиеся в наследство от истории, в том числе пограничная проблема (на момент написания Юй Синвэем своего доклада российско-китайский протокол о пограничном урегулировании еще не был подписан). Российские политики, по мнению Юй Синвэя, придерживаются "неоднозначных взглядов" на перспективы развития Китая, в руководстве дальневосточных районов России есть деятели, относящиеся к Китаю враждебно. Национальные интересы России не во всем совпадают с национальными интересами Китая, поэтому нельзя исключать, что однажды двустороннее военное сотрудничество столкнется с крупными проблемами, и к этому надо быть внутренне готовыми.

Д.и.н. Е.Д.Степанов коснулся статьи Юй Сяоли (научный сотрудник Центра изучения России Хэйлунцзянского университета) "**К вопросу о китайско-российских "спорных островах"**".

Автор акцентирует внимание на проблеме островов Большой Уссурийский и Тарабаров на Амуре в районе Хабаровска. При этом Юй Сяоли в авторской части доклада никак не увязывает принадлежность островов (территориальный вопрос) с вопросом прохождения на этом участке государственной границы (пограничный вопрос).

Юй Сяоли сетует, что в отличие от российских исследователей и журналистов, их китайские коллеги располагают явно недостаточной информацией по этому вопросу. Видимо, поэтому доклад носит в большей степени информативный, нежели аналитический характер, знакомя с позицией российской общественности по данному вопросу, и построен на максимальном использовании выдержек из выступлений российской печати — примерно 2/3 его общего объема представляют собой переводы отрывков из статей по данной теме, публиковавшихся в России. Цитаты подобраны так, что касаются они в основном двух вопросов: причины особой заинтересованности российской стороны в островах Б.Уссурийский и Тарабаров (их ценность для экономики Хабаровска и региона и важность их местоположения с военной точки зрения), а также существования в российском обществе мнения о наличии "китайской угрозы", "экономической экспансии" Китая, "ползучей экспансии" и о том, что острова ни в коем случае нельзя передавать Китаю.

В докладе ни словом не упомянуто о том, что русско-китайская граница на ее восточной части не только была полностью установлена еще в 1860 г., но и прохождение ее было проверено (т.е. она была редемаркирована) совместной российско-китайской комиссией в 1886 г. Упоминание же о Пекинском договоре 1860 г., установившем границу, присутствует в докладе только в приводимых выдержках из публикаций российской печати.

Отсутствие каких бы то ни было упоминаний об установлении в прошлом русско-китайской границы, во-первых, позволило автору доклада обойти вопрос о причинах возникновения и самой сути спора об островах. Впрочем, мимоходом автор замечает, что острова были просто захвачены Советским Союзом в 1929 г., во время событий на КВЖД.

Во-вторых, отсутствие всякого упоминания о русско-китайском разграничении в XIX в. дает автору доклада возможность утверждать, что соглашение 1991 г. о советско-китайской границе позволило впервые в истории русско-китайских отношений четко провести ее на всем 4200-километровом протяжении, исключая два речных участка с о-вами Б.Уссурийский и Тарабаров на Амуре и о.Большой (Абагайтуевский) на Аргуни.

Автор воздерживается от утверждений, что о-ва Б.Уссурийский и Тарабаров расположены в "дельте Уссури", принятых в китайских публикациях. Правда, вместе с тем он лишь мельком отмечает, что они располагаются на Амуре. Нет упоминания и о "Фуяоаньской протоке", хотя название протоки Казакевича несколько раз упоминается даже в авторской части доклада.

Характерно в этом плане и то, что все упоминаемые в авторской части доклада острова именуются их русскими названиями, которые, впрочем, дублируются китайскими, что представляется вполне естественным. Название города Хабаровска дается только в транскрипции с русского. Китайское "Боли" в докладе отсутствует.

В целом доклад выдержан в достаточно корректных тонах. В заключение автор ссылается на высказывание хабаровского губернатора Ишаева, который заявил, что подписанный недавно российско-китайский договор — автор называет его договором о дружбе — создает основу для сотрудничества двух стран. Что же касается еще нерешенных вопросов, существующих на границе, то они могут и должны быть урегулированы на основе поиска компромисса и общего согласия.

К.ю.в. В.Ф.Бородич выступил с анализом статьи Ван Сяоцзюя (Институт Всеобщей истории АОН КНР) "Общественное мнение России в отношении Китая: эволюция и особенности".

Автор акцентирует внимание на анализе отразившейся в российском общественном сознании проблемной стороны отношении России и Китая. Ван Сяоцзюй не стремится разобраться в существовании названных им негативных явлений, а делает упор на их вредности для настоящего и будущего российско-китайских отношений.

В первой части статьи автор констатирует, что китайско-российские отношения после их нормализации в 1989 г. получили дальнейшее развитие в ходе и после визита Б. Ельцина в КНР в апреле 1996 г. На новый уровень российско-китайские отношения поднялись после поездки председателя КНР Ху Цзиньтао на празднование 300-летия Санкт-Петербурга в мае 2003 г. Это событие продемонстрировало, замечает Ван Сяоцзюй, то большое значение, которое придают руководители КНР четвертого поколения отношениям с Россией, а также дружеские чувства китайского народа к народу России. Автор отметил неуклонное развитие двусторонних отношений в политической сфере, положительные изменения в общественном мнении россиян по отношению к Китаю. И российские политики, и чиновники, и ученые, говорится в статье, давали высокую оценку достижениям Китая в годы реформ, а директор одного из институтов Сибирского отделения РАН Челышев даже заявил, что "могущество и процветание Сибири зависит от опоры на Китай".

Общеизвестно, что в начале 90-х гг. XX века в отношениях между Китаем и Россией большую важность приобрел вопрос о миграции из Китая в Россию. Общественное мнение в России по этому поводу, считает автор, менялось преимущественно в положительную сторону. Он обосновывает этот вывод ссылкой на заявление полномочного представителя Президента РФ по Дальневосточному федеральному округу К. Пуликовского, назвавшего в конце 2001 г. "китайскую угрозу" надуманной и указавшего, что перемещения через российско-китайскую границу связано с развитием торговли, количество же перемещающихся через границу с российской и китайской сторон приблизительно равно (с. 597).

Автор пишет, что совсем не "желтая угроза", а разрушение внутренне-го российского рынка и экономический упадок в восточной части России опасны для России. При этом приводит согласующиеся с этой позицией высказывания Председателя Государственной Думы России Г. Селезнева, заведующего кафедрой востоковедения МГИМО А. Воскресенского и "других ученых".

Положительно влияла на отношение россиян к китайской миграции потребность России в китайской рабочей силе, которую отмечали и ученые, и государственные структуры.

В этой части статьи общественное мнение представлено экспертными оценками российских специалистов, занимающихся исследованиями по Китаю, позицией государственных чиновников регионального и центрального уровней. Данных о настроениях населения по изложенным вопросам автор не приводит, что заметно снижает доказательность его рассуждений.

Перейдя к тому, что автор называет "неадекватным освещением" (бу ээ сеинь) китайско-российских отношений, Ван Сяоцзюй утверждает, что с начала 90-х годов в России, словно "поднявшаяся со дна муть", возродилась вековой давности теория о "желтой опасности". Эта теория, продолжает автор,

действуя в противоположном официальной политике направлении, приняла форму пропагандистской кампании под лозунгом борьбы против китайской экспансии на российской территории. Особенно заметна эта кампания на Дальнем Востоке России. По неполным сведениям, с 1992 по 1995 гг. ряд центральных и региональных российских СМИ выступил с не менее чем 100 статей и передач относительно "китайской экспансии". Несмотря на подписание 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, пишет автор, муссирование идеи о "китайской экспансии" не только не уменьшилось, но еще больше стало "безответственно раздуваться" всеми возможностями, находящимися в распоряжении российских масс-медиа. "Независимая газета" в номере от 19 апреля 2002 г. спрогнозировала даже переход Китаем к военной экспансии в отношении российского Дальнего Востока сразу после начала войны США в Ираке.

Для специалиста, исследующего общественное мнение в России, не должно составлять тайны то обстоятельство, что кампании в современных российских СМИ организуются не только официальными властями, но и другими заказчиками внутри и вне страны: представителями различных группировок правящей элиты, контрэлиты (олигархами, например), региональной элиты, и общественностью на уровне и центра, и регионов. Разобраться в том, кто был инициатором "кампании", и является главной задачей исследователя. Версия Ван Сяоцзюя о проамериканской и проевропейской природе пропагандистской кампании представляется как минимум неполной, об этом можно судить из материалов той же статьи, излагающих, например, серьезную обеспокоенность некоторых региональных руководителей российского Дальнего Востока, складывающейся в сфере приграничных контактов с КНР ситуацией.

Ван Сяоцзюй приводит несколько основных положений "теории китайской экспансии". Первое — *демографическая экспансия*. В некоторых российских СМИ утверждается, что она инициирована китайским правительством и ведет к стремительному изменению соотношения численности коренного населения регионов Дальнего Востока и китайских мигрантов с положительной динамикой последних и отрицательной первых. Кроме того, в некоторых центральных и региональных СМИ, пишет автор, говорится о негативных проявлениях этой "экспансии", таких как наличие среди въезжающих в Россию китайцев уголовных преступников, больных и инфицированных. Ходят разговоры о китайской мафии в Благовещенске и других городах. В числе участвующих в пропаганде этой теории автор называет газеты "Правда" и "Комсомольская правда", персонально указывает на губернатора Хабаровского края В. Ишаева, который, говорится в статье, на заседании Госсовета РФ 22 января 2003 года, обращаясь к Президенту Путину, говорил об осуществлении Китаем "тайного освоения российской территории" (с. 600). Автор при этом не исследует динамику "кампании против демографической экспансии". Остается неясным, растет ли число выступлений в СМИ, как реагирует население на аргументы сторонников теории "демографической экспансии".

Автор не задается также целью проанализировать причины, согласно которым в выступлениях СМИ участвуют и те из них, которые контролируются КПРФ, и те, что выражают точку зрения крупного капитала ("Комсомольская правда"). Остается за пределами анализа доктора Ван Сяоцзюя и то обстоятельство, что СМИ, контролируемые государством, не числятся среди упоминаемых им участников того, что он называет "пропагандистской кампанией", направленной против Китая. Постановка и решение указанных вопросов могли бы существенно скорректировать выводы автора.

Вторым положением "теории китайской экспансии" Ван Сяоцзюй называет "экономическую экспансию". Ссылаясь на мнение "многих жителей" регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, он пишет, что люди видят во ввозе китайских товаров помеху развитию промышленности дальневосточных регионов России, что еще в начале 90-х годов XX века иркутяне высказывали опасения, что их город может превратиться во второй Шанхай. Многие полагают, что в Приморском крае легкая промышленность и вся торговля находится в руках китайцев.

Сходной точки зрения, говорится в статье, придерживаются и некоторые представители региональной политической элиты. Например, бывший мэр Владивостока Черепков считает, что Приморский край экономически уже захвачен Китаем на 30-40% и в случае трансформации экономического захвата в территориальный Россия потеряет весь Дальний Восток. Отмечаются такие виды экономической деятельности китайцев, наносящие большой экономический ущерб, как вывоз валюты, незаконная заготовка лекарственных растений, вывоз редких животных, добыча цветных металлов и стратегических материалов и т.п. Российские СМИ пишут о превращении дальневосточных регионов в канал международного наркотрафика. В этой, экономической, части "китайской экспансии" автор фактически не разграничивает мнение население, политиков и СМИ и также не показывает динамики общественного мнения.

К третьему виду "китайской экспансии" Ван Сяоцзюй относит "военную угрозу". Он приводит высказывания о такой угрозе, относящиеся к 2001-2002 гг. и принадлежащие представителям российской общественности: директору негосударственного Института военного анализа А. Шаравину, ветеранам Амурской флотилии, эксперту в области государственной и международной безопасности Евдокимову. По мнению директора Института военного анализа, высшее руководство министерства обороны РФ не замечает военной угрозы со стороны Китая из-за того, что находится "в оцепенении" под впечатлением от "устрашающей мощи" Китая.

Перечислив наиболее часто упоминаемые виды "китайской экспансии", нашедшие питательную почву в общественном мнении россиян, Ван Сяоцзюй высказывается по поводу причин. Ему импонирует, например, мнение директора Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного филиала РАН В. Ларина о наличии многих факторов, обуславливающих жизнестойкость "теории желтой угрозы", в том числе исторических и культурных. По мнению многих российских ученых, продолжает автор, растущее влияние Китая на дальневосточные регионы РФ свидетельствует также о начале возвращения "утраченных земель". Серьезно подпитывает "теорию китайской экспансии" и неблагоприятное для России изменение соотношения совокупной национальной мощи России и Китая, невыгодное соотношение численности населения приграничных территорий двух стран, промахи и недочеты российских партнеров в сфере делового общения с китайскими гражданами.

Ван Сяоцзюй отмечает также причину субъективного порядка — эксплуатацию "теории желтой угрозы" отдельными категориями чиновников и политиков, извлекающих из нее политические дивиденды. В этой части, однако, примеры автором не приводятся.

Рассматривая особенности эволюции негативного общественного мнения в России по отношению к Китаю, Ван Сяоцзюй обратил внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, общественное мнение регулируется извне России. Как правило, это заметнее всего в периоды оживления в российско-китайских отношениях. Во-вторых, усиливается настроенное отношение России к Китаю и китайцам, что выявлено в ходе социологических исследований, проведенных, Институтом истории, археологии и этнографии Дальневосточного филиала РАН. В-третьих, "теория китайской экспансии" подогревается успехами Китая в процессе проведения своих реформ. В-четвертых, на живучесть "теории китайской экспансии" влияют нюансы, которые улавливают российские ученые, изучающие современный Китай и обнаруживающие то занижение китайскими историками роли помощи России Китаю в развитии экономики Северо-Востока, то занижение роли Советской армии в освобождении Северо-Востока и т.п. В качестве примера внимательного отношения российских китаеведов к исследованиям китайских коллег Ван Сяоцзюй приводит статью А. Ларина в 6-м номере журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2004 г. В завершение перечня особенностей, питающих "теорию китайской экспансии", Ван Сяоцзюй указывает на исторические прецеденты, когда миграция приводила к переходу земель под контроль других народов.

Размышляя о негативном влиянии "теории китайской экспансии" на общественное мнение, автор предлагает их классификацию: настроения враждебности и недовольства по отношению к китайцам, бытующие в среде россиян; недоверие, вызванное долгими годами стагнации торгово-экономических связей между Китаем и Россией, а также трудности в экономическом сотрудничестве. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что Россия после распада СССР поменялась местами с Китаем, если принимать во внимание положение страны в мире и результаты социально-экономического развития.

Завершается статья адресованным китайской стороне призывом изучать не только позитивные стороны отношений между Россией и Китаем, но и быть внимательными к негативным аспектам общественного мнения россиян в отношении Китая и китайцев, информировать об этом китайский народ, чтобы минимизировать отрицательное влияние данных обстоятельств на контакты с Россией.

Работа доктора Ван Сяоцзюя представляется полезной: она ставит проблемы и делает предварительные шаги в поиске ответов на вопросы о характере и содержании общественного мнения россиян по поводу отношений России с КНР; работа выполнена добросовестно; в ней содержатся все основные положения представлений китайских русистов относительно настроений россиян по отношению к Китаю. Вместе с тем работа не дает представления о том, что заявлено в теме статьи — какова эволюция общественного мнения, каковы тенденции.

С.п.с. Ю.С.Песков представил анализ трех статей, касающихся китайско-советских отношений и перемен в политике СССР в период "холодной войны".

Ли Даньхуэй (Институт международных отношений Пекинского университета) "1964 год. Китайско-советские отношения: трансформация взглядов Мао Цзэдуна на внешнюю и внутреннюю политику страны".

К 1964 г. произошел раскол между КПК и КПСС и двумя странами — Китаем и СССР. Этот год стал поворотным вследствие изменения взглядов Мао Цзэдуна на проблемы внешнеполитической и оборонной стратегии, перемен в политическом и экономическом курсе КНР. Трансформация стратегических замыслов Мао Цзэдуна во внешней и внутренней политике была так или иначе связана с китайско-советскими отношениями. К тому времени идеологические разногласия между двумя странами перешли в сферу межгосударственных, заметно усилилась военная напряженность. Приводя многочисленные факты, свидетельствовавшие об обострении обстановки на границе двух стран, автор особо упомянул о передислокации советских войск в районе границы, усилении военного присутствия СССР в Монголии и попытках Н.С. Хрущева подключить МНР к Организации Варшавского Договора.

Ухудшение обстановки на китайско-советской границе побудило Мао Цзэдуна переосмыслить стратегию военной обороны Китая, направив ее не только против США, но и, прежде всего, против СССР. С этой целью были использованы средства массовой пропаганды. Еще в марте 1963 г. агентство Синьхуа начало открыто говорить о неравноправности Кяхтинского, Пекинского и Кульджинского договоров, якобы навязанных Китаю царской Россией.

По мнению автора, в 1960-е гг. проявились факторы столкновения национальных интересов двух стран. Прежняя борьба в сфере идеологии постепенно перерастала в борьбу за национальные интересы. Китай и СССР шаг за шагом пошли по пути взаимной вражды. Приведенные автором факты и аргументы наглядно показывают роль в этом процессе Мао Цзэдуна.

В феврале—августе 1964 г. состоялись переговоры о китайско-советской границе, в ходе которых стороны достигли взаимопонимания о прохождении линии границы на ее восточном участке и подготовили проект соглашения. Однако из-за того, что стороны не пришли к согласию относительно признания равноправными прежних договоров России и Китая, а также принадлежности островов у г. Хабаровска, соглашение, подготовленное делегациями на переговорах, официально подписано не было. По утверждению автора, китайская сторона в то время могла выбрать одно из трех направлений решения пограничного вопроса: 1) разрешить спорный вопрос о неравноправности договоров и вопрос о принадлежности островов у Хабаровска, а затем подписать соглашение и провести делимитацию границы; 2) оставаться на прежних позициях,

продолжая переговоры; 3) обострять противоречия, не допуская скорого достижения результатов и создавая при этом видимость хороших отношений. Мао Цзэдун избрал третий путь. В беседе с японскими парламентариями 10 июля 1964 г. он поднял вопрос о якобы захваченных царской Россией 1,5 млн кв. км территории, на которые Китай еще не предъявлял своего счета. СССР резко отреагировал на эти высказывания, опубликованные в печати. Впоследствии Мао Цзэдун объяснял, что он "делал холостые выстрелы", "говорил пустые слова", "прибегал к наступательной тактике", чтобы "держаться в напряжении советских людей и добиться разумного урегулирования вопроса о границе". Однако, по мнению Ли Даньхуэй, "нельзя отрицать, что у него был еще один замысел, а именно: временно не допускать заключения соглашения с СССР, продолжая оказывать на него определенное давление и поддерживая напряженность в китайско-советских отношениях; создавать ложное представление об СССР как о враге, угрожающем национальной безопасности Китая и, пользуясь обстановкой напряженности, начать политическую кампанию против так называемых представителей советского ревизионизма в Китае. К этому времени вся подготовительная работа к началу "великой культурной революции" — политической кампании, нацеленной на укрепление в стране власти Мао Цзэдуна — была уже завершена.

Утверждения Мао Цзэдуна о том, что советский путь развития является ошибочным и Китай должен следовать собственным путем, материализовались в развернутое по его инициативе в начале 1960-х гг. движение "большого скачка", повлекшее тяжелые последствия для китайской экономики. В КПК появилось течение, представители которого выступали за упорядочение экономического строительства страны и прекращение борьбы и споров во внешних делах. Перед страной, по мнению Мао, возникла угроза либо мирного перерождения по западному образцу, либо "просачивания советского ревизионизма в Китай".

Подводя итоги своей работы, основанной на многочисленных фактах, документах, публикациях и научных исследованиях в Китае и за рубежом, Ли Даньхуэй делает вывод, что в представлении Мао Цзэдуна в 1964 г. угроза безопасности Китая исходила не только со стороны США, но и со стороны СССР, в связи с чем он требовал изменить прежнюю стратегию развития Китая и взяться за строительство обороны. Вместе с тем он преднамеренно связал внутриполитическую обстановку в стране с влиянием СССР. Указывая на военное давление со стороны Советского Союза, Мао Цзэдун рассчитывал использовать этот аргумент в отстаивании своей стратегии обеспечения обороны страны от СССР, что было необходимо ему и для одновременного обеспечения успеха в развертывании массового политического движения внутри КНР, направленного против т.н. "советского ревизионизма". Такова была логика алармистского мышления Мао Цзэдуна, руководствуясь которой он принимал судьбоносные для Китая решения.

Цзо Фэнцай (Центр международных стратегических исследований при ЦК КПК) "Причины раскола китайско-советского союза".

Автор констатирует, что, подписав Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи с СССР в феврале 1950 г., Китай встал на сторону антиимпериалистического лагеря во главе с Советским Союзом, стал членом социалистического сотрудничества. Однако, начиная с середины 1950-х гг., эти отношения постепенно ухудшались, а в середине 1960-х гг. были фактически прерваны. Причины разрыва союза, по мнению руководителей и ученых КНР, заключались "в советском великодержавном и великопартийном шовинизме, неравноправном отношении к Китаю".

По утверждению автора, китайско-советский союз имел неравноправный характер и не мог в полной мере отвечать интересам обеих сторон. Раскол союза, по его мнению явился результатом его навязывания. Непосредственной причиной раскола, по мнению Мао Цзэдуна, стало то, что "они хотели повлиять на нас, а мы хотели повлиять на них". Влияние СССР на Китай началось со времен Коминтерна, а после образования КНР дело якобы дошло до прямого подражания и копирования советских форм организации и образа жизни. Начиная с 1956 г., после XX съезда КПСС и разоблачения культа личности И.В. Сталина, Китай начал поиски собственного пути социалистического строительства. Мао Цзэдун считал правильным лишь то, что отстаивает КПК и требовал, чтобы КПСС полностью принимала взгляды и позиции китайской ком-

партии. Это был вызов КПСС, ее лидерству в международном коммунистическом движении, который она не могла терпеть. Обострение отношений между двумя партиями естественно повлияло на отношения между странами.

Китайско-советские союзнические отношения, по мнению автора, — это нарушение основных принципов межгосударственных отношений. Первоначально СССР создавал социалистический лагерь для противоборства с США. Китай, встав на сторону СССР, оказался в положении испытываемого в борьбе с американской угрозой. Однако такие союзнические связи не были тождественны союзу двух равноправных государств, а строились на принципах пролетарского интернационализма. Интересы СССР Сталин приравнивал к интересам мирового пролетариата, а интернациональным долгом коммунистов всех стран была «защита СССР». Согласно убеждениям Сталина, революционные интересы других стран должны были подчиняться интересам СССР, который являлся главной опорой мирового революционного движения.

Таким образом, утверждает автор, союзнические отношения между СССР и КНР были построены на ложной основе. Стоявшие перед обеими странами проблемы были различными, их стратегические цели расходились и взгляды на многие процессы также не были едиными. Отношения между двумя государствами могли развиваться лишь на разных основах. Попытки подменить принципы, отстаивающие государственные интересы, принципами пролетарского интернационализма оказались несостоятельными.

Расхождения в стратегических интересах двух государств сыграли большую роль в расколе китайско-советских отношений. Когда в 1958 г. СССР предложил Китаю совместно построить длинноволновую радиостанцию и создать флотилию атомных подводных лодок для защиты восточных рубежей двух стран, Мао Цзэдун решительно отверг эти предложения.

Отрицательная реакция китайских руководителей на предложения Москвы оказалась неожиданной для советских руководителей, которые считали, что их идея одинаково выгодна как для СССР, так и для Китая. СССР считал, что в рамках единого социалистического лагеря такое военное сотрудничество является вполне нормальным делом. Создавая опорную военно-морскую базу на побережье Китая главным образом для противоборства с США, он не ставил цели контролировать Китай. Чтобы снять китайские подозрения, Хрущев в беседе с Мао Цзэдуном 31 июля 1958 г. объяснял, что СССР никогда не помышлял о совместном управлении китайским флотом и все права на длинноволновую станцию принадлежат Китаю. 3 августа 1958 г. стороны подписали Соглашение о строительстве, охране и совместном использовании длинноволновой радиостанции и Центра по радиоперехвату телеграфных сообщений. Был решен и вопрос о технической помощи морскому флоту. В 1959 г. было заключено соглашение о предоставлении советским правительством новой технической помощи Китаю в строительстве военных морских кораблей. Китай получил ожидаемую помощь, однако поворота к лучшему в китайско-советских отношениях не произошло.

После этого, как отмечает автор, каждая страна пошла своим путем. В 1958 г. НОАК обстреляла острова Цзиньмэнь, не уведомив предварительно руководство СССР и заставив его похолодеть от мысли о возможности оказаться втянутым Китаем в войну против США. Китайско-индийский конфликт усилил недовольство с обеих сторон. Руководители КНР продолжали безуспешно требовать от советского руководства изменения курса в международной стратегии. В июне 1959 г. СССР объявил об аннулировании соглашения о поставках Китаю новой оборонительной техники. Хрущев, посетив США, прибыл в КНР со своим планом мирного сосуществования, вызывая еще большее недовольство у китайских руководителей.

Вывод китайского исследователя состоит в том, что разрыв союзнических связей между КНР и СССР был предопределен особенностями этих связей. Стремясь добиться полного единства государственных интересов и идеологических взглядов, обе стороны не поняли особых требований своего партнера. В этом автор видит основную причину раскола союза.

Постановка идеологических интересов выше экономических — заключает автор — нанесла серьезный ущерб экономике Китая, что стало для него жестоким уроком.

В целом попытки автора выделить из советско-китайского Договора 1950 г. лишь одно положение о военном союзе, показав его несостоятельность без учета расстановки сил и реальной международной обстановки того времени, представляются не очень убедительными. Более того, автор по существу принижает и даже игнорирует значение Договора в целом, сыгравшего большую роль в укреплении дружбы и всестороннего сотрудничества народов двух стран.

На самом деле Договор 1950 г. о дружбе, союзе и взаимной помощи, заключенный после Второй мировой войны и образования КНР, сыграл важную роль в защите национальных интересов китайского народа. Он был гарантом безопасности и мирного развития КНР. В 1958 г. во время острого тайваньского кризиса предупреждение советского правительства о том, что нападение на КНР означало бы нападение на СССР и напоминание о советско-китайском военном союзе предотвратило крупномасштабную войну на Дальнем Востоке. Договор 1950 г. между СССР и КНР отвечал государственным интересам обеих сторон вплоть до окончания “холодной войны” и перехода их к политике, направленной на мирное сосуществование всех стран.

Гуан Гуйтай (Институт международных отношений Пекинского университета) “Этапы перемен в политике СССР в отношении США и западных стран в период холодной войны”.

Исследуя процесс изменений в политике СССР в отношении США и стран Запада после окончания Второй мировой войны, автор отмечает, что в первые месяцы после войны СССР стремился к достижению мира, согласия и к сотрудничеству с союзниками по антифашистской коалиции и одновременно упорно своих позиций на международной арене. Поскольку Англия, Франция и Германия уже не имели прежней силы, ослабев после войны, то СССР считал, что ему представился хороший случай для управления миром совместно с США. В то время СССР остро нуждался в продолжительном периоде мирного времени для восстановления собственной экономики, серьезно пострадавшей в ходе войны. Вместе с тем, поскольку США уже обладали ядерной бомбой, СССР стремился во что бы то ни стало добиться получения собственного ядерного оружия, чему всячески препятствовали западные страны. В ответ Сталин занял чрезвычайно жесткую позицию в отношении плана Маршала и пошел по пути раскола Европы на два лагеря — социализма и капитализма. Линия противостояния была определена, раскол Германии стал необратимым, Берлинский кризис оказался первым в “холодной войне”, которая оказалась неизбежной.

Автор выделяет четыре важных этапа в политике СССР в отношении США и Запада в целом, связывая их со сменой в руководстве страны — Сталиным, Хрущевым, Брежневым и Горбачевым. При Сталине германская проблема являлась центральной. Автор детально излагает процесс переговоров СССР с США и странами Западной Европы по определению зон военного контроля в Германии, историю возникновения берлинского кризиса и угрозы военного столкновения между бывшими союзниками.

Война в Корее — считает он — стала первым серьезным конфликтом интересов СССР с Западом, хотя СССР не принимал в ней непосредственного участия и стоял за спиной Китая и Кореи. Стратегический замысел СССР состоял в том, чтобы создать на Дальнем Востоке зону своего контроля и устранить угрозу со стороны США и Японии. Однако в начале 1950 г. Сталин поддерживал Ким Ир Сена в плане объединения Кореи, что привело к войне, а затем к трудным переговорам с США. Стремясь избежать непосредственного столкновения с США и учитывая ограниченность своих возможностей, СССР пошел на уступки. Однако его отношения с Западом после берлинского кризиса и корейской войны значительно охладилось.

С приходом к власти Н.С. Хрущева наступил этап одновременного примирения и противостояния с Западом. Хрущев выступал за мир и согласие между СССР и США, за мирное сосуществование двух систем, за отказ от ис-

пользования военной силы при решении спорных вопросов, за запрещение испытаний ядерного оружия, в том числе и Китае. СССР значительно сократил свои вооруженные силы, приложил большие усилия для улучшения отношений с западными странами. Он восстановил связи с Японией и поддержал ее вступление в ООН, отказался от требований по репарации и согласился на передачу ей двух островов после подписания мирного договора. Тем не менее противостояние двух систем в "холодной войне" сохранялось и иногда накалялось (инцидент с американским самолетом У—2, второй берлинский кризис, кубинский кризис и др.).

Третий этап в политике СССР в отношении Запада начался с приходом к власти Л.И. Брежнева, который продолжил начатые Хрущевым переговоры, эффективно используя возникшие у Запада трудности, в том числе войну США во Вьетнаме. Советская дипломатия приобрела по-настоящему глобальный характер. СССР и США заключили соглашения о нераспространении ядерного оружия и запрещении его испытаний, об ограничении вооружений, о создании системы безопасности в Европе и т.д. Автор считает, что в период правления Брежнева СССР стал сверхдержавой, а ее соперничество с Западом в борьбе за влияние в "третьем мире" побудило США протянуть руку Китаю с целью ограничить влияние СССР и оказать давление на его глобальную стратегию.

В период правления Горбачева началось свертывание наступательной стратегии СССР в отношении Запада. Внутренние силы государства и его международное влияние пошли на спад. Под лозунгом "нового мышления" Горбачев начал сворачивать стратегические планы по всем направлениям. Путем широкомасштабного сокращения армии и вооружений СССР, а также согласия на объединение Германии и вывод советских войск из ГДР он пытался добиться потепления и расширения сотрудничества в отношениях с Западом. В результате он потерял и власть, и свою страну — заключает автор.

(Окончание следует)

Политика

Китай в современной внешнеполитической стратегии США

© 2005

А. Давыдов

Соединенные Штаты Америки, оказавшиеся после развала мировой системы социализма в положении единственной глобальной сверхдержавы, активно инициировали реорганизацию и реструктурирование всемирного геостратегического пространства с целью сохранения и упрочения собственной гегемонии. Одним из главных способов достижения этой цели стало использование Америкой своего военного, экономического и культурного превосходства для обеспечения контроля в наиболее важных для нее регионах, которые, по утверждению американских политических и деловых кругов, составляют сферу интересов США.

Используя, а зачастую самостоятельно конструируя разнообразные конфликтные ситуации, США упорно продвигают современный мир в направлении монополярности, умело прикрываясь идеей "глобализации" и необходимостью борьбы с международным терроризмом. Афганистан и Ирак — лишь первые вехи на пути к повсеместному установлению "балансирующего" американского контроля. В будущем к этим странам может быть присоединена КНДР или любое другое государство, зачисленное США в разряд т.н. "стран-изгоев". Статус единственной глобальной сверхдержавы и стремление к окончательному закреплению монополярности предполагают дальнейшее распространение и усиление американского влияния не только в пределах отдельных стран или региональных зон, но и на трансрегиональных геостратегических пространствах от Пиренеев до Тихого океана, включая Евразию и Азиатско-Тихоокеанский регион.

И Евразия, и АТР являются зонами, где американские интересы тесно соприкасаются — при всей их разновекторности — с интересами крупнейшей евразийской державы России и самой многонаселенной страны мира Китая. И если на евразийском пространстве в последние 15 лет происходили все основные глобально значимые события, начиная с ликвидации социалистической системы, укрепления силы и роли НАТО и связанных с ней европейских структур, стремящихся постепенно вытеснить со всемирной авансцены ООН и ее Совет Безопасности в попытке "приватизировать" те директивные политические функции, которые эта международная организация осуществляла в послевоенном мире на протяжении полувека, то АТР, по мнению ряда экспертов, в

недалеком будущем станет, если уже не начал становиться, ареной экономического соперничества КНР и США и плацдармом противоборства американского доллара и китайского юаня.

С каждым годом доля этого региона в мировой экономике растет, одновременно увеличивая его удельный вес в мировой политике. На АТР приходится 50% всей международной торговли и 60% мирового суммарного ВВП. Поэтому в военно-политических и деловых кругах США активно ищут способы закрепления американского влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который, как убеждены в Вашингтоне, будет играть важную роль в XXI веке и станет одним из самых быстрорастущих рынков для американского бизнеса.

На протяжении более полувека военно-политическая ситуация в районе Азии и Тихого океана отличалась чрезвычайной напряженностью. Здесь имели место наиболее продолжительные и интенсивные агрессии и войны (Японии против Китая, США против Кореи и Вьетнама, КНР против Вьетнама). Сформированная после Второй мировой войны система военно-политических блоков и союзов при главенстве США привела к возникновению целого ряда региональных конфликтов. Соединенные Штаты не переставали подчеркивать первостепенное значение АТР для своих "жизненно важных" интересов. Даже "уходя" из Азии в начале 1970-х гг. в соответствии с положениями т.н. "доктрины Никсона", США, хотя и сократили там в определенной степени свое военное присутствие, тем не менее, продолжали сохранять в своих руках — где это было возможно и целесообразно — рычаги экономического и политического контроля.

В США давно культивируется идея переноса центра тяжести американской политики и стратегии в Азиатско-Тихоокеанский регион. Однако именно в АТР набирает силу Китай — соперник, конкурент, вероятный противник, уже сейчас способный поставить под вопрос претензии Вашингтона на гегемонию в этой части мира.

Признавая АТР и "даже в какой-то мере Дальний Восток" регионами влияния Китая, который "по меньшей мере не допустит там доминирующей роли Соединенных Штатов", американские аналитики, тем не менее, мотивируют необходимость "возвращения США в Азию" стремлением откликнуться на призывы расположенных там государств о создании экономического и стратегического противовеса возрастающей роли КНР.

С другой стороны, по их признанию, Америку настораживает то, что многие лидеры динамично развивающихся азиатских стран, даже те из них, кто категорически не приемлет идеологических постулатов Пекина, солидаризируются с ним в отстаивании общих для населения региона цивилизационных ценностей, собственного азиатского пути развития и "совершенно не приветствуют американские лекции по поводу того, как им нужно обустроить свою жизнь"².

В проявлениях этой "азиатской солидарности" некоторым американским политикам уже мерещатся, как в кошмарном сне, первые признаки будущей материализации нового биполярного мира, только разделенного на этот раз не по идеологическому, а по расово-этническому принципу при главенстве на противостоящем США и их союзникам полюсе демографически довлеющего над всеми остальными Китая.

Таким образом, выбор сбалансированного курса китайской политики имеет определяющее значение для США не только с точки зрения двусторонних связей, но и в плане поиска наиболее верной "тональности" в отношениях с большинством азиатских стран. При этом американцы не вправе забывать и о "факторе России", у которой, помимо глобальных, имеются, как отмечалось выше, свои собственные региональные азиатские интересы.

В этой связи можно констатировать, что бывший "большой треугольник" СССР — КНР — США, который на протяжении последней трети XX ве-

ка будоражил умы многих политиков и политологов, ныне лишь несколько видоизменился, трансформировавшись в конструкцию "Россия — КНР — США" и одновременно приобретаю некое новое качество. При этом в значительной степени он по-прежнему влияет на вектор стабильности в современной системе мировых связей.

* * *

На протяжении 1990-х гг. курс США в отношении КНР колебался в диапазоне от яростного изоляционизма при администрации Дж. Буша-старшего, вызванного июньскими событиями 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, до умеренного прагматизма периода правления второй администрации Б.Клинтон, исходившей из того, что КНР является важным фактором международной жизни и при определенных обстоятельствах могла бы стать одним из основных партнеров США в решении таких важнейших проблем АТР, как безопасность, экономическое развитие и т.д. Поистине знаменательным стало решение администрации Клинтон об отказе от увязывания торгово-экономических аспектов отношений с Китаем с вопросами прав человека, явившееся еще одним подтверждением формирования в недрах американских правящих структур более гибкого подхода к разработке основ их китайской политики, опирающейся не на идеологизированные и догматизированные принципы, а на трезвое признание геополитической реальности.

Одновременно обозначилось известное расхождение позиций Пекина и Вашингтона по проблемам развития отношений с Россией. В планы США явно не входило чрезмерное расширение российско-китайских контактов, особенно в военной области. КНР же, в свою очередь, была не заинтересована в сохранении "прозападного" крена в российской внешней политике. В этой связи Пекин начал выдвигать на первый план общность интересов России и КНР в установлении нового мирового порядка, основанного на принципах мирного сосуществования и противоречащего курсу Вашингтона на сохранение за США лидирующей роли на мировой арене.

Наступление нового XXI века ознаменовалось в США приходом в Белый дом новой республиканской администрации во главе с Дж. Бушем-младшим, которая резко раскритиковала внешнеполитический курс своих предшественников-демократов, в том числе и по отношению к КНР.

Республиканцы назвали поиск правильного баланса в американской политике по отношению к России и Китаю "самой пугающей задачей", обвинили Клинтон в неспособности выработать для этих двух стран стратегию, подкрепленную конкретными действиями, и констатировали, что наследием клинтоновской политики является напряженность и подозрительность в отношениях как с Китаем, так и с Россией.

Основы курса республиканцев на российском и китайском направлениях были в общих чертах сформулированы ими еще до прихода к власти в одобренном на 37-м съезде этой партии внешнеполитическом разделе ее программы, где как об одной из основных задач говорилось о необходимости "добиваться сотрудничества России и Китая в формировании реалистичной стратегии на основе использования политических, экономических и военных средств для сдерживания и прекращения попыток распространения оружия массового поражения, предпринимаемых другими странами". При этом Россия, по мнению республиканцев, более не являлась серьезным противником Соединенных Штатов, а Китай они охарактеризовали как своего "стратегического конкурента, а не партнера". Практические шаги администрации Дж. Буша-сына на российско-китайском "фланге" в первые месяцы нахождения у власти обнаружили попытку США "растачить российско-китайскую связку". На фоне категорического отказа в тот период со стороны Белого дома от определения хотя бы

приблизительных сроков встречи российского и американского президентов состоялись разнообразные китайско-американские внешнеполитические контакты, вершиной которых стал визит в США тогдашнего вице-преьера Госсовета КНР Цянь Цичэня. Его встречи и переговоры в Вашингтоне не привели, однако, к радикальному изменению американской позиции по Китаю и потеплению в двусторонних отношениях. Обнаружились существенные различия по тайваньской проблеме, вопросам ПРО, прав человека и ряду других.

Американо-китайский инцидент 1 апреля 2001 года, приведший к гибели китайского летчика и временному задержанию экипажа американского разведывательного самолета на острове Хайнань, резко обострил отношения двух стран. Естественной реакцией на него стало ужесточение курса американской администрации на китайском направлении. Жесткие заявления в комиссиях американского сената госсекретаря К. Пауэлла и директора ЦРУ Дж. Тенета о том, что КНР представляет в данный момент наиболее серьезную угрозу интересам США и является возможным источником дестабилизации в Восточной Азии, были подкреплены обращенным к Международному олимпийскому комитету призывом американских конгрессменов отклонить заявку Китая на проведение летней Олимпиады в Пекине в 2008 году.

Первая администрация Дж. Буша-младшего, ключевыми фигурами которой выступали патриархи, чей расцвет политической карьеры пришелся на пору "холодной войны", не видя достойного соперника в экономически ослабленной России, стала акцентировать опасность, якобы исходящую от политически монолитного и экономически мощно развивающегося Китая. В апреле-мае 2001 г. Буш предпринял ряд серьезных шагов в направлении ужесточения своей китайской политики, в том числе в связи с продажей оружия Тайваню. Самым резким из них стало его заявление от 25 апреля о том, что Соединенные Штаты окажут Тайваню мощную поддержку в случае нападения на него Китая и предпримут все, что потребуется, чтобы помочь острову защитить себя.

Тем самым президент фактически заявил об отказе от проводившейся США на протяжении десятилетий "стратегии неопределенности" в отношении их возможных действий в случае нападения Китая на Тайвань. В этом же русле следовало рассматривать состоявшиеся встречи американских законодателей с президентом Тайваня Чэнь Шуйбянем во время транзитных остановок последнего в США 21-23 мая и 2-3 июня 2001 г. Тогда же в конце мая состоялась встреча Дж. Буша с далай-ламой, что было расценено Пекином как очередное вмешательство во внутренние дела КНР. К тому же в начале мая 2001 г. президент США отдал распоряжение пересмотреть все межправительственные программы сотрудничества с Китаем, что логично укладывалось в канву значительного охлаждения американо-китайских отношений. В целом, опираясь на эскалацию враждебности в отношениях с Китаем в первые месяцы пребывания у власти, новая республиканская администрация США всерьез рассматривала возможность объявления КНР своим противником.

Однако сдержанность, проявленная в тот период Пекином по отношению к США, и факт проведения в июле в Москве российско-китайского саммита, в ходе которого лидеры двух стран подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, заставили Америку предпринять шаги по смягчению отношений с КНР. По признанию американских СМИ, урегулирование кризиса в американо-китайских отношениях произошло по инициативе Дж. Буша-старшего, отца президента США, в прошлом первого главы американской дипломатической миссии в Пекине, который уделял много времени и внимания отношениям с КНР в свою бытность американским президентом.

Как известно, вопрос о подходе к Китаю был источником разногласий на начальном этапе деятельности первой администрации Дж. Буша-младшего. Вице-президент Чейни, министр обороны Д. Рамсфельд и их аппараты, выступая за установление глобальной стабильности на основе безусловного господ-

ства США, полагали, что в отношении Китая необходимо проводить политику если не сдерживания, то активного принуждения, которая предполагала расширение американского военного присутствия в Азии, увеличение политической и военной помощи Тайваню, укрепление политических отношений с союзными и дружественными США странами, а также подход к Китаю как к потенциальному стратегическому противнику.

Госдепартамент во главе с К. Пауэллом, хотя и поддерживал многие элементы подхода Рамсфельда—Чейни, в то же время полагал, что Вашингтону необходимо снизить уровень недоверия и антагонизма между двумя странами. Как считали в Госдепартаменте, дальнейшее участие США в экономической и технологической модернизации Китая, растущее влияние Пекина в регионе и в международных организациях, а также неопределенность политической ориентации Китая в будущем — все эти факторы указывают на необходимость наращивания двустороннего сотрудничества в решении все большего числа общих проблем. Продолжительное сосуществование в администрации Буша двух указанных подходов к отношениям с КНР и предопределило непоследовательность, а порой и ошибочность политики в китайском вопросе.

Трагические события 11 сентября 2001 года привнесли новые нюансы в отношения Америки и Китая и, как это ни парадоксально, стали основой для существенного их улучшения: необходимость заручиться немедленным сотрудничеством со стороны основных держав заставила Вашингтон отвлечься от своих давних опасений по поводу подъема Китая. Таким образом, подход Пауэлла получил поддержку со стороны не только президента Буша, но и вице-президента Чейни и в конечном итоге лег в основу республиканской политики США в отношении КНР.

Принятое одновременно Китаем решение снизить уровень напряженности в отношениях с США и пойти на сотрудничество с ними в войне против террора и в других важных сферах объяснялось, по-видимому, прежде всего тем, что в китайском руководстве осознали, какие новые возможности создает для Китая коренная переориентация стратегии США после 11 сентября. В совместной борьбе против терроризма Китай занял положение, позволявшее ему оказывать Америке значительное содействие при относительно низких издержках. В Вашингтоне оценили как политическую и экономическую поддержку со стороны КНР в ООН, так и полученную из Пекина ценную разведывательную информацию о террористической деятельности. Таким образом, события 11 сентября открыли Пекину значительный простор для политических маневров и в то же время заставили США больше ценить дружественные отношения с Китаем.

В основу изменения политики Пекина легло и осознание им того факта, что и экономическая привлекательность КНР для Тайваня, и внутренняя стабильность самого Китая зависят от развития связей с США в таких сферах как торговля, инвестиции и технологии. Америка во многом стала главным локомотивом, который помогает Китаю в решении задачи по достижению высоких темпов экономического роста. Антагонизм в отношениях с США, напротив, повредил бы жизненно важным связям, ослабил китайскую экономику и сделал бы Китай менее привлекательным для внешних, в том числе и тайваньских инвесторов.

Спокойное внешнее окружение, в центре которого находятся стабильные китайско-американские связи, позволяет Китаю сконцентрировать усилия на решении многочисленных внутренних проблем и задач (смена поколений в руководстве, коррупция, социальные волнения, банковский кризис, экологическая деградация, реализация мер по коррекции экономики в соответствии с требованиями ВТО и успешное проведение Олимпиады-2008).

Лидеры Китая очевидно осознали, что постоянная конфронтация с Вашингтоном по поводу Тайваня или “американской гегемонии” не несет никаких выгод, а, напротив, провоцирует жесткие ответные меры со стороны США.

Растущее политическое и экономическое влияние КНР на региональном и глобальном уровнях ослабило ее давнее ощущение собственной незащищенности на международной арене. Китайское руководство начало все более уверенно взаимодействовать с другими державами и расширять возможность использования более тонких рычагов в противодействии американскому давлению. Именно поэтому Пекин стал менее склонен к открытой конфронтации с США по тем или иным вопросам.

В целом, в отношениях обеих стран наметилась тенденция к определенной стабилизации. Далеко не последнее место среди факторов, способствовавших ей, заняло вступление в силу с 1 января 2002 г. указа президента Дж. Буша об отмене в отношении КНР действия поправки Джексона-Вэника, которая с 1974 г. ограничивала торговые связи США с “коммунистическими государствами”. В официальном заявлении Белого дома решение Буша, ставшее возможным после официального вступления Китая в 2001 г. в ВТО, было названо “последним шагом в нормализации американо-китайских отношений и приглашением КНР в международную торговую систему”³.

Основным итогом развития американо-китайских отношений в период пребывания у власти в США первой администрации Дж. Буша-младшего стало то, что стороны смогли постепенно снизить обоюдный конфронтационный накал, заменив его умеренным продвижением по встречным направлениям. Двусторонние контакты США и КНР на самом высоком уровне, включая встречи Дж. Буша с Цзян Цзэмином и новым китайским лидером Ху Цзиньтао, состоявшийся в апреле 2004 г. визит вице-президента США Р. Чейни в КНР, а также посещение Пекина 8-9 июля 2004 г. советником президента США по национальной безопасности Кондолизой Райс, консолидировали эту тенденцию, обнаружив при этом сохранение существенных разногласий между сторонами по тайваньской проблеме.

* * *

Однако даже на фоне сохраняющейся определенной стабилизации политических отношений между США и КНР в американских политикоформирующих кругах, тем не менее, не прекратились дискуссии по поводу перспектив развития американо-китайских связей и роли “фактора Китая” в глобальной внешнеполитической стратегии США в XXI веке. По этим проблемам часто высказываются в СМИ и научных изданиях видные представители американской общественной и деловой элиты, ведущие специалисты-синологи, политики и журналисты. Суммируя эти высказывания, можно вычленить некоторые общие ключевые положения, дающие определенное представление о возможных вариантах развития американо-китайских отношений в обозримые 15-20 лет.

Прежде всего, обращает на себя внимание скептицизм оценок в отношении возможностей Китая достигнуть в течение этого периода статуса мировой державы. Так, по мнению З. Бжезинского, для сохранения на протяжении двух грядущих десятилетий бурных темпов экономического роста, которые могли бы гарантировать Китаю указанный статус, “потребуется необычно удачное сочетание эффективного национального руководства, политической стабильности, социальной дисциплины внутри страны, высокого уровня накопленных, сохранения очень высокого уровня иностранных вложений и региональной стабильности”, что в комплексе рассматривается им как проблематичное⁴. К негативным факторам, препятствующим превращению КНР в ближайшие 20 лет в ведущую мировую державу, З. Бжезинский относит также зависимость

от импорта сырья и продовольствия, которая делает Китай более уязвимым к внешнему давлению; отсутствие возможности оказания военного влияния за пределами азиатского региона; влияние неравномерности развития отдельных районов КНР на политическую стабильность в стране, отсутствие признаков осуществления политических реформ, которые должны соответствовать “социальным императивам” реформируемой экономики; отсутствие демократии в китайском обществе и, наконец, реальную бедность значительной части гигантского населения страны⁵.

Одновременно американские политологи исходят из того, что за указанный период КНР вполне в состоянии стать доминирующей региональной державой Восточной Азии и наиболее влиятельным в геополитическом плане государством на азиатском материке.

Практически все американские концептуалисты полагают, что идеологическое поведение Китая в гораздо большей степени определяется идеалами китайского национализма, чем постулатами марксизма-ленинизма, развитием которых для КНР стали идеи Мао Цзэдуна. “Провозглашенные коммунистические цели... во все большей степени перестают быть делом идеологической приверженности и... становятся вопросом имущественных интересов бюрократического аппарата”, а политическая элита Китая “ритуально заявляющая о своей верности догме”, больше не претворяет ее в жизнь в социальном плане⁶. Приход к власти в Пекине в 2003 г. “четвертого поколения” руководителей КНР, в состав которого входят технократы, еще менее обремененные идеологическими догмами, чем люди Цзян Цзэминя, лишь подтверждает обоснованность таких выводов.

На базе этих основополагающих точек зрения к началу нынешнего века в американском обществе сформировались две основные позиции по вопросу будущих взаимоотношений с Китаем. Странники одной из них исходят из вильсонской предпосылки, согласно которой в мире, состоящем из демократических государств, не может быть врагов — по крайней мере, стремящихся отстаивать свои взгляды силой. Они считают, что развитие контактов в области торговли, охраны окружающей среды, науки и технологий способствует укреплению тех сил в Китае, которые выступают за международное сотрудничество и плюрализм внутри страны. К приверженцам подобного подхода относились, в частности, некоторые видные деятели предыдущей демократической администрации Б. Клинтона.

Странники противоположной позиции предлагают рассматривать Китай как морально безупречного неизбежного соперника, угрожающего сегодня Тайваню, завтра — всем странам западной части Тихого океана, а со временем — мировому балансу сил. Согласно этой точке зрения, Соединенные Штаты должны действовать в отношении Китая так, как во времена “холодной войны” они действовали в отношении Советского Союза — соперника, бросившего им вызов, торговлю с которым следует, по возможности, ограничить нестратегическими товарами. В этой связи, считают они, необходимо создать союз азиатских стран для сдерживания Китая или, если это не удастся, подвинуть Японию на союз с Америкой для того, чтобы разделить возложенное на США бремя обороны Азии и сдерживания КНР. Странники этой позиции готовы относиться к Тайваню как к независимому государству и военному форпосту и, таким образом, отбросить политику “одного Китая”, на которой базировались китайско-американские отношения со времени восстановления дипломатических контактов в 1971 году.

Примечательно, что их мнение, как оказалось, находит понимание и поддержку среди ключевых деятелей второй администрации Дж. Буша-младшего. Менее чем через месяц после ее приведения к присяге, 19 февраля 2005 года в Вашингтоне состоялось заседание японо-американского консультационного комитета по вопросам безопасности с участием министров иностранных

дел и обороны обеих стран — госсекретаря США Кондолизы Райс, главы Пентагона Дональда Рамсфельда, руководителя МИД Японии Нобутэки Матимурэ и начальника управления национальной обороны (УНО) Японии Йосинори Оно. В принятом на встрече документе под названием “Общие стратегические цели” Япония впервые в письменной форме признала, что готова нести вместе с США всю полноту ответственности за защиту общих интересов в зоне Корейского полуострова и Тайваня. Это означает, что Вашингтон и Токио признали, что их обоих беспокоит рост военной мощи Китая, который готов бросить вызов экономическому и политическому влиянию США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. “Чтобы оправдать этот шаг, глава УНО Эсинори Оно напомнил о свидетельствах роста китайской угрозы: случившемся в конце прошлого года заходе в японские территориальные воды китайской атомной подлодки и высоких (около 10% бюджета) расходах КНР на оборону в последние два десятилетия”. Принятие “Общих стратегических целей” явилось, однако, в определенной степени упреждающим шагом в отношении состоявшегося спустя три недели утверждения ВСНП КНР Закона о предотвращении раскола страны, который обязал правительство КНР отдать приказ о применении военной силы против Тайваня, если последний провозгласит независимость.

Некоторые американские аналитики заявили, однако, что США, стремящимся превратить Японию из политического союзника в военного, следует быть очень осторожными, чтобы не раздражать Китай. Критикуя подобные действия, Г. Киссинджер, в частности, подчеркивал, что современная ситуация в Азии не схожа со временами “холодной” войны, когда “один идеологический противник угрожал всем странам Западной Европы, активно искавшим американской помощи. В Азии же, если не принимать в расчет возможность крупных провокаций со стороны Китая, Соединенным Штатам придется осуществлять политику сдерживания в одиночку и неопределенно долго... Политика, в соответствии с которой Китай считается врагом только потому, что его экономика растет, а его идеология неприятна, закончится изоляцией Соединенных Штатов”⁴.

Китаю, по убеждению Г. Киссинджера, необходимо дать понять, “что, выступая против [его] гегемонистских устремлений, США все же предпочитают конструктивный характер отношений и что Америка будет не мешать, а напротив, способствовать участию Китая в создании устойчивого мирового порядка. Конфронтация с Китаем должна допускаться лишь как крайняя мера, а не как стратегический выбор.” Таким образом, считает Г. Киссинджер, “перед американской внешней политикой стоит вопрос о том, как вести себя перед лицом китайского национализма, чтобы его не разжигать, и как не пасовать перед ним, если он перейдет к угрозам”¹⁰.

По утверждениям некоторых исследователей, в том числе и российских, в Вашингтоне, тем не менее, очевидно пришли к выводу об отсутствии перспектив возникновения войны с Китаем, по крайней мере до 2030 г. Такой результат проведенного Пентагоном моделирования большой войны XXI в., в которой в качестве противника американских вооруженных сил была взята армия КНР. Согласно прогнозам ЦРУ, приблизительно до 2015 года Китай не будет представлять непосредственной военной угрозы для Америки, поскольку не сумеет полностью модернизировать свою армию, поэтому Соединенные Штаты вполне могут рассчитывать на то, чтобы пользоваться плодами одноплюсности. Однако, в принципе, прямое противостояние с Китаем через двадцать лет может вполне стать реальностью, считают эксперты.

В отличие от СССР, проповедовавшего универсальность коммунистической идеологии и провозгласившего конечной целью своей политики мировой триумф коммунизма, руководство КНР не заявляет о подобных глобальных притязаниях и не критикует внутривнутриполитические системы других стран по идеологическим причинам. Поэтому, как полагают некоторые американские

аналитики, включая Г. Киссинджера и З. Бжезинского, причиной конфронтации Китая с Соединенными Штатами станет не коммунистическая идеология, а национализм, "порожденный не вопросами глобального господства, а проблемой Тайваня". Они исходят из того, что на протяжении двух первых десятилетий правления КПК ее легитимность основывалась на заслугах в объединении страны и изгнании японских и западных колонизаторов. Следующие двадцать лет после "культурной революции" эта легитимность оправдывалась способностью партии добиться впечатляющих экономических успехов, которые, вопреки ее желанию, привели к ослаблению политической монополии КПК. По мере дальнейшего укоренения процесса рыночных реформ у правящей китайской элиты может возникнуть искушение опереться на национализм в своих притязаниях на монопольное правление в стране, положив в основу таких притязаний проблему Тайваня. При этом, считают американцы, мирное объединение острова и материка по уже опробованной ранее в отношении Гонконга и Макао формуле "одна страна (нация) — две системы" будет привлекательным для Тайваня и не вызовет возражений со стороны Америки только в том случае, если Китаю удастся, не теряя нынешних темпов экономического роста, провести коренные демократические реформы. В противном случае противодействие США может стать причиной обращения КНР к военным средствам.

Поскольку геополитический вызов, который США способны бросить Китаю, рассматривается Пекином не в контексте покорения ими соседних с КНР стран, а в свете возможного объединения их против КНР, китайская сторона будет продолжать предпринимать шаги по предотвращению такого объединения. Симптоматичен в этой связи интерес Китая к созданию союза с Пакистаном и обеспечению своего военного присутствия в Бирме. В первом случае целью является ограничение возможностей Индии претендовать на роль лидера в Южной Азии. Во втором — в распоряжении КНР могут оказаться дополнительные стратегические рычаги в Юго-Восточной Азии и, особенно, в Малаккском проливе, что позволяло бы контролировать подходы Японии к ближневосточной нефти и европейским рынкам.

Географический и геополитический факторы диктуют интерес КНР к Корее, мирное объединение которой синонимично для нее расширению зоны распространения американско-японского влияния. Отсюда следует вывод, что разделенная Корея больше устраивает Китай, который, по мнению американцев, "по всей видимости будет выступать за сохранение северокорейского режима"¹¹.

Одновременно потребность в новых энергетических источниках заставляет Китай стремиться к обеспечению своих периферийных интересов в эксплуатации месторождений прибрежного шельфа в Южно-Китайском море и в пользовании ресурсами стран Центральной Азии, включая Киргизию, Казахстан и Таджикистан, а также — российского Дальнего Востока.

Подход к КНР как потенциальному геополитическому противнику на азиатском континенте заставил США еще в середине 1990-х гг. начать поиски новой стратегии, учитывающей особенности расположения на нем Китая.

Об этом более всего свидетельствовала дипломатическая активность Соединенных Штатов в ту пору в соседних с КНР странах: в 1996-1997 гг. Вашингтон обновил содержание военного союза с Японией, добившись расширения ее функций и распространения ответственности ВМС японских сил самообороны на Тайваньский пролив, а также взаимодействия сил самообороны с НАТО; отказался от намерения сократить свой 37-тысячный военный контингент в Южной Корее; изменил политику у южных границ Китая, где стала фактом нормализация отношений с Вьетнамом на фоне ослабления его связей с Россией и не до конца изжитой настороженности по отношению к Китаю. Эти шаги американской дипломатии можно понять как желание найти каналы влияния на соседние с КНР страны, чей геополитический потенциал при опреде-

ленных условиях мог бы быть обращен против КНР, как в 1970-е гг. предполагалось направить геополитический потенциал Китая против Советского Союза.

К такого рода мерам можно отнести и то внимание, которое Вашингтон оказывает Казахстану, а также давний интерес США к Монголии. Геополитическое значение этих граничащих с Китаем государств очевидно: и то и другое имеет этнические, культурно-исторические, конфессиональные связи с приграничными провинциями Китая. На территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР проживает многочисленное население этнических казахов и дунган (одно из национальных меньшинств Казахстана, исповедующее ислам). До образования КНР синьцзянские казахи были носителями антикитайских настроений и неоднократно участвовали в вооруженных выступлениях против гоминьдановских властей. Что касается Монголии, то она граничит с автономным районом КНР Внутренняя Монголия, причем оба региона связаны общей историей, этническими корнями, языком, культурой, вероисповеданием. Монголия длительное время находилась под властью маньчжурско-цинской династии и входила в состав Китая. У ее народа существуют также исторические и конфессиональные связи с Тибетом как центром ламаизма, который составляет чувствительную проблему в отношениях Пекина с Вашингтоном и Дели. Все это делает Казахстан и Монголию заманчивой частью "большой игры" на сепаратистских настроениях отдельных групп населения, проживающего в национальных районах КНР.

Безусловно, американская политика учитывает и то, что китайское население, исповедующее ислам, достигает в КНР 20 млн человек, причем в Синьцзян-Уйгурском автономном районе уйгуры (около 8 млн человек) составляют около половины населения, в то время как в некоторых примыкающих к Синьцзяну провинциях Северо-Западного Китая (Ганьсу, Нинся, Цинхай) мусульмане проживают компактными массами и играют важную роль в жизни этих провинций. Известно, вместе с тем, что Соединенные Штаты пользуются сравнительно устойчивым влиянием в Пакистане и в течение ряда лет ведут работу по достижению влияния на те или иные исламские группировки в Афганистане. С начала 1990-х гг. полем активности США стали также центральноазиатские республики СНГ.*

При выработке современной внешнеполитической стратегии США в отношении Китая американские аналитики не могут не учитывать роль российского фактора. Отмечая актуальность налаживания отношения двух стран, особенно для России, которая "в настоящее время слабее Китая"¹², они сомневаются в возможности возникновения долгосрочного и всеобъемлющего китайско-российского альянса, направленного против США, который лишь упрочил бы американо-японский союз, что по сути противоречит китайским интересам и может оторвать Китай "от жизненно важных для него источников получения современной технологии и капитала"¹³.

Кроме того, американские стратеги полагают, что нынешние китайско-российские отношения далеко не столь безоблачны, как может показаться на первый взгляд. В частности, в США обращают внимание на разрыв, образовавшийся между продвинутым уровнем политических контактов Москвы и Пекина и значительно уступающим ему по темпам продвижением в экономической области. Кроме того, принимается во внимание высказываемое в России опасение неконтролируемой китайской экономической и демографической экспансии в Сибирь и на Дальний Восток. Китай, со своей стороны, обеспокоен прозападным креном российской внешней политики и невнятной позицией рос-

* В этом отношении события в Бишкеке в марте с.г. можно трактовать как очередное, после Украины, опробование руководимыми США политтехнологами модели смены власти в стране.

сийского руководства в отношении проникновения США в Центральную Азию и укрепления их позиций в этом регионе.

США безусловно не желают политического и экономического усиления КНР, которая по ряду позиций в мировом рейтинге уже начинает обходить американцев, и не исключают того, что за словесной завесой о стремлении Китая к многополярному миру скрывается намерение добиваться в ближайшем будущем статуса сверхдержавы и возвращения к миру, по крайней мере, биполярному, полюсами которого должны стать, естественно, США и КНР. Среди рычагов, с помощью которых США рассчитывают противодействовать этому стремлению, первым безусловно является Тайвань. Вторым при определенных условиях может стать Россия, а третьим — нефть. Теперь уже для всех очевидно, что глубинной сутью иракской проблемы была не попытка Запада обезопасить мир от ядерных амбиций Саддама Хусейна, а обеспечение широкого доступа американских компаний к огромным нефтяным запасам Ирака, от которых они были фактически отлучены при Саддаме. Добившись перераспределения нефтяных ресурсов, США еще больше укрепили свои экономические и политические позиции и начинают оказывать непосредственное и все усиливающееся влияние на страны-импортеры нефти, среди которых находится и Китай. России как одному из ведущих нефтяных экспортеров мира вряд ли выгодно расширение американского сегмента на глобальном нефтяном рынке. В этом ее позиция совпадает с китайской. Однако, в отличие от Китая, она заинтересована в поддержании высоких мировых цен на нефть. Китай, в свою очередь, испытывает определенное разочарование в связи с отказом России после возбуждения “дела ЮКОСа” использовать предлагавшийся ранее руководителями этой компании маршрут поставок нефти на его территорию. По мнению китайских специалистов, американо-китайское соперничество в нефтяной сфере является частью более широкого экономического и политического противоборства этих двух стран на мировой арене¹⁴.

И в России, и в Китае понимают, что их интересам в корне противоречит расширение военного и иного присутствия США в Центральной Азии, однако тесного взаимодействия для недопущения этого Москве и Пекину наладить не удалось: пока еще не в полной мере оправдались в этом плане надежды, возлагавшиеся на Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и формирование стратегического треугольника с участием КНР, России и Индии. Поняв, что все крупные азиатские проблемы будут решаться не на региональном уровне и не в ШОС, а в треугольнике США — КНР — Россия, Китай в настоящее время несколько дистанцировался от обеих этих стран, чтобы понаблюдать за развитием отношений между ними, а впоследствии предпринять выгодные для себя шаги. Из них Россия оказалась в наиболее сложном геополитическом положении. Она фактически не имеет союзников и зажата между двух гигантов, которые при определенных условиях могут действовать вместе, чтобы попытаться еще больше ослабить ее. Россия может поправить это положение, укрепившись экономически, однако при этом следует учитывать, что на подъем ее Дальнего Востока трудно будет рассчитывать без американо-японских денег и иностранной рабочей силы.

Тем не менее, несмотря на все нюансы взаимоотношений внутри “треугольника”, после 11 сентября 2001 г. стало совершенно очевидно, что именно США, Россия и Китай должны консолидироваться для того, чтобы находить совместные ответы на любые вызовы и угрозы. Шансы на новые отношения в треугольнике Россия — США — Китай увеличились, “потому что в условиях глобализации мировой экономики дивиденды сотрудничества выглядят предпочтительнее рисков противоборства”¹⁵.

Хотя в американо-китайских отношениях продолжают сохраняться “болевые точки”, главные из которых — Тайвань и американское военное присутствие в АТР, и именно Китай мыслится политическими и военными стратега-

ми США главным американским противником, тем не менее в американском подходе к Китаю появились новые нюансы. Высокопоставленные военные чины стали выступать в пользу налаживания тесного военного взаимодействия с КНР, вплоть до совместных учений и действий, направленных на предотвращение реальных угроз, включая терроризм, пиратство, транспортировку наркотиков, гуманитарные последствия стихийных бедствий.

Анализ публикаций в американских и зарубежных СМИ в период развернувшейся в 2004 г. в США президентской избирательной кампании позволяет сделать вывод, что определенные рычаги влияния на американскую политику в АТР как среди республиканцев, так и демократов имеют и Китай, и Тайвань. И хотя смены президента не произошло, и кардинальных изменений курса США в отношении КНР не предвидится, ослабление или, наоборот, усиление влияния той или иной стороны Тайваньского пролива в Вашингтоне может существенно повлиять на политические инициативы американских политикоформирующих кругов.

* * *

Возникновение единой всемирной экономической системы, тесное и непрерывное взаимодействие континентальных рынков, развитие средств коммуникации, создание глобальной компьютерной сети Интернет заставили говорить о наступлении эпохи глобализации, которая содействует стремительному росту богатства и еще большему ускорению технологического прогресса.

Хотя можно оспаривать утверждение Г. Киссинджера о том, что "успеху глобализации сопутствовало принятие американской рыночной модели экономики в большинстве регионов мира", вполне очевидно то, что в какую бы словесную оболочку не облакалось наименование этой модели в Китае, вполне очевидно, что он также ориентируется на нее. Поэтому до тех пор, пока Китай всерьез озабочен проведением экономических и социальных реформ, его заинтересованность в поддержании активных связей с США будет сохраняться, поскольку они для КНР, прежде всего, — гарантия стабильного инвестиционного климата и притока современных технологий. Возникновение серьезной напряженности в отношениях между двумя странами неизбежно приведет к сокращению, если не прекращению инвестиционных потоков, закрытию доступа к американским технологиям и наукоемкой продукции, а также к американскому рынку. Серьезная конфронтация с США чревата для КНР ростом военных расходов и оттоком средств из гражданской экономики.

В своем подходе к отношениям с Китаем США, со своей стороны, исходят как из экономических, так и политико-идеологических соображений. Однако чисто прагматические расчеты предполагают, что Вашингтон устраивал бы сценарий, при котором КНР удалось бы решить свои экономические и политические проблемы. При этом США ни в коем случае не заинтересованы в сильном Китае, обладающем мощным ядерным потенциалом и проводящем курс, противоречащий американским интересам. Однако стабильный и предсказуемый Китай, открытый для торговли и диалога, гораздо более приемлем для Вашингтона, чем страна, погрязшая в непрерывном экономическом кризисе и раздираемая социальными противоречиями. Дестабилизация ситуации в КНР негативно сказалась бы на положении в Азии и на позициях США в этом регионе. Экономический коллапс Китая парализовал бы экономику стран Азии и оказал бы серьезное негативное воздействие на американскую экономику. Крах рыночных тенденций в китайской экономике неизбежно привел бы к укреплению тоталитаризма и антиамериканизма, прямым следствием чего было бы усиление военного противостояния двух стран.

Кризисная ситуация в КНР может увеличить агрессивность Пекина по отношению к Тайваню и вызвать ухудшение американо-китайских отношений,

которое чревато серьезной дестабилизацией политической и военной ситуации уже не в региональном, а в глобальном масштабе.

Для США более выгодны нормальные контакты с Китаем, чем отношения, построенные на конфронтации. Даже в случае экономического или политического кризиса КНР не остановит модернизацию ядерного оружия, что рано или поздно создаст потенциальную угрозу безопасности США. Известно, однако, что поддержание дружественных или, как минимум, нормальных отношений между ядерными державами есть лучшая и наиболее надежная гарантия безопасности.

В то же время, конструируя модели вероятного будущего американо-китайских отношений, нельзя полностью игнорировать исторический опыт прошлого.

Патернализм американских миссионеров способствовал в свое время формированию комплекса превосходства в подходе к Китаю и китайцам. Присчеты американской политики в этой стране, в том числе попытки навязать Китаю демократию американского образца, "потеря Китая", ассоциировавшаяся с приходом к власти в Пекине коммунистов, горечь военных поражений в Корее и Вьетнаме — породили чувства разочарования, недоверия и враждебности к Китаю у значительных групп американского населения.

Китайское население, сталкиваясь с высокомерием американцев и их пренебрежительным отношением к китайским ценностям, отвечало на это неприязнью к Западу вообще и к американцам в особенности. Антиамериканские чувства стали доминировать в Китае в результате американского вмешательства в гражданский конфликт и в войны на Корейском полуострове и во Вьетнаме.

Усвоенные американцами формы мышления и поведения, характерные для представителей метрополии, и антиамериканизм, исторически закрепившийся в сознании значительной части китайского населения, составляют психологический фон современных американо-китайских отношений¹⁶.

Даже нормализовав межгосударственные связи с КНР, Вашингтон сохранил идеологическую нетерпимость и стратегические цели политики по отношению к Китаю, которые в конечном итоге состоят в замене социального строя и политической системы в этой стране и утверждении благоприятного для США режима.

Вашингтон, очевидно, видит прямую угрозу своим интересам в том, что эта в недавнем прошлом бедная полузависимая страна превращается в гиганта, вступившего в XXI век с потенциалом развития, могущим поставить под вопрос способность США удерживать мировое первенство, в эффективного конкурента и опасного потенциального противника. Это обстоятельство может стать одной из первопричин накопления конфликтного потенциала в отношениях между двумя державами¹⁷.

Дополнением к американо-китайской двусторонней конфронтации является международная составляющая. Так, по мнению американского исследователя Э.А.Фейгенбаума¹⁸, существует шесть фундаментальных вопросов мирового устройства, по которым китайские и американские взгляды все больше расходятся. Он утверждает, что в последние 50 лет китайские руководители привязывали свою внешнюю политику к так называемым "ценностям гиперсуверенитета". На протяжении 1990-х годов по мере того, как внешняя политика США постепенно отказывалась от понятия, что суверенитет является нерушимым (вмешательство в Панаме, Гаити и Косово), позиция Китая в отношении суверенитета оставалась жесткой и почти всегда непоколебимой на практике.

Китайский и американский подходы к мировому порядку расходятся также в отношении правил поведения, которые должны направлять действия государств. Китай продолжает придерживаться принципов "невмешательства и территориальной самообороны".

Китайские аналитики с готовностью соглашаются, что военные средства могут быть необходимы для защиты суверенитета и территориальной целостности. Односторонние действия, выходящие за пределы защиты суверенитета, даже при заявлениях о том, что под угрозой находятся жизненно важные интересы, приравняются к агрессии.

Подобный подход предполагает, что Китай не склонен применять силу за пределами тех границ, на которые он в настоящее время претендует, и считает почти любое применение силы Соединенными Штатами незаконным с точки зрения международного права.

Следующий пункт расхождений между Китаем и США состоит в том, как государства должны организовывать свои отношения друг с другом. Китай был ярким сторонником дипломатии союзов. В 1950-е гг. он сам был союзником СССР. Позже рассматривал американские союзы в Азии как служащие стратегическим целям сдерживания советской экспансии и ремилитаризации Японии. В последние годы его энтузиазм в отношении союзов ослабел, и китайские специалисты все больше рассматривают структуры союзов как угрозу миру, агрессивную по своей природе. Поэтому в качестве альтернативы союзам Китай настойчиво выступает за мирное сосуществование, меры доверия, за различные формы сотрудничества в области безопасности. Такой подход противоречит американской стратегии в Тихом океане, которая продолжает лелеять азиатские союзы США в качестве центрального пункта сохраняющегося американского военного присутствия, а также "основы регионального мира и стабильности".

Еще один вопрос, касающийся расхождений Китая и США, состоит в том, через какие международные структуры государства могут легитимно прибегать к военным действиям.

Аргументы Китая в пользу увеличения роли механизмов Совета Безопасности ООН основываются на том, что мир и гегемония несовместимы. Одна страна или несколько стран, действующих в одиночку, не способны сохранить мир. Китайские дипломаты подчеркивают необходимость придерживаться правил процедуры, полагая консенсус в СБ ООН существенно важным для решения вопросов глобальной безопасности.

Китай и США расходятся также в вопросе о том, каким должно быть соотношение между наступательными, оборонительными и сдерживающими вооружениями и стратегиями.

Американские дебаты о роли ядерного оружия все больше концентрируются на будущем сдерживания и перспективах ПРО. Китай же призывает к возврату к более обычным принципам сдерживания в качестве основы стратегической стабильности, пытаясь защитить идею контроля над вооружениями и предотвратить новую гонку вооружений, а также милитаризацию космического пространства.

Наконец, еще один вопрос, по которому позиции Китая и США расходятся, состоит в том, изменила ли глобализация принципиально роль государства. Свободная торговля и глобализация, по мнению западных либералов, полностью несовместимы с концепциями суверенитета и невмешательства, которых Китай продолжает придерживаться в сфере безопасности. Однако в рамках режима ВТО Китай взял на себя широкие обязательства по экономической реструктуризации.

Не все китайские политики положительно воспринимают глобализм, который стал тесно ассоциироваться с политикой США в 1990-е гг. Некоторые публично беспокоятся, что глобализация оставит развивающийся мир позади. Другие пытаются сохранить в руках государства важные рычаги, особенно в высокотехнологических областях. Многие в дальнейшем будут зависеть от исхода борьбы Китая за перестройку его экономической структуры.

Кроме того, КНР неизменно занимает солидарную позицию с развивающимися странами по таким общим вопросам, как требование справедливого международного экономического порядка, поддерживает движение неприсоединения и отдельные страны третьего мира, оказавшиеся в немилости у Вашингтона, предоставляет некоторым из таких государств экономическую и техническую помощь. К болевым точкам отношений с США в этом аспекте относятся военно-технологические поставки Ирану и Пакистану, военный союз с КНДР, торговля оружием и др. Все это дает основания предположить, что американо-китайская напряженность в случае ее углубления может развиться в международное противостояние.

По утверждению консультанта "РЭНД корпорейшн" К.Лейна, "внутри стратегического сообщества США существует группа, которая полагает, что Соединенные Штаты должны предотвратить превращение Китая в мировую державу, стимулируя внутренние противоречия, и, если это не поможет, прибегнуть к превентивной войне"¹⁹.

Для Китая, учитывая его планы модернизации, рассчитанные на всю первую половину нынешнего столетия, преждевременное обострение конфликта с США могло бы обернуться катастрофой, способной отбросить развитие страны далеко назад.

Движение Китая к статусу сверхдержавы происходит на фоне перегруппировки международных сил, вызванной потребностью восстановить геополитическое равновесие, нарушенное в 1990-е гг. В результате, в силу своего геополитического веса, военной мощи, политического статуса и социальной притягательности для большой группы стран третьего мира, Китай превращается в фактор сдерживания или, по крайней мере, ограничения агрессивных тенденций, набирающих силу во внешней политике США и Запада в целом. Есть признаки того, что именно Китай может сыграть существенную роль в процессе становления нового стратегического равновесия и геополитической стабильности и в создании новой системы международных отношений. Как мировая держава Китай переходит от забот о региональных проблемах АТР на новый уровень международной ответственности, соответствующий масштабам политических, экономических и военных средств воздействия на ситуацию, складывающуюся в мире.

Со своей стороны, США, мирясь с неизбежным усилением Китая, делают ставку на дальнейший переход КНР на рельсы рыночной экономики, одновременно подталкивают ее к постепенной смене идеологии и политической системы в соответствии с западными образцами. Вторая задача состоит в том, чтобы, ассимилируя КНР в качестве "ответственного члена мирового сообщества, побудить ее соотносить свои действия с интересами Запада и выработанными им же правилами международной жизни"²⁰.

Руководители КНР в свою очередь избрали своей тактикой сглаживание противоречий с США, пошли на символические уступки в области прав человека. Китайские специалисты-международники характеризуют китайско-американские отношения как "сочетание сотрудничества и конкуренции" и при этом подчеркивают, что речь идет об "обычной межгосударственной конкуренции, это не конфронтация и тем более не поворот к войне" в то время как "главным течением остается сотрудничество"²¹.

Они исходят из того, что в отношениях между Китаем и США видное место занимают общие интересы, которым стороны должны придавать важное значение и при этом с осторожностью подходить к расхождениям. На состоявшейся 3 марта 2005 года регулярной пресс-конференции в МИД КНР было объявлено, что по итогам опроса, проведенного в пяти крупных городах Китая, 70,9% респондентов были довольны нынешним состоянием китайско-американских отношений, однако 56,7% опрошенных считают, что США "подавляют" КНР²².

Таким образом, для сотрудничества КНР и США имеется достаточно прочная основа. В то же время нельзя пока говорить о возможности превращения американо-китайского взаимодействия в какую-либо форму союзнических отношений, хотя на экспертном и отчасти политическом уровнях в США порою встречаются подобные взгляды. Список объективных и субъективных противоречий, разделяющих страны, как указывалось выше, достаточно внушительен. Кроме того, Китай никогда не согласится играть роль младшего партнера Вашингтона, а говорить о равноправном партнерстве в обозримом будущем несколько преждевременно.

Каким бы ни был грядущий курс США в отношении КНР, американские аналитики и политологи предлагают определенный набор принципов, которыми вторая администрация Дж. Буша-младшего и последующие правительства страны могли бы руководствоваться в своей китайской политике. Некоторые из них полностью отвечают интересам Китая. В соответствии с этими принципами США должны:

— быть заинтересованными во внутренней стабильности в КНР во избежание серьезных потрясений, которые могут стать следствием проводимых в стране экономических реформ;

— содействовать процессам демократизации внутри Китая путем поощрения развития в КНР рыночной экономики через ВТО и другие организации;

— добиваться соблюдения Китаем общепринятых международных норм и стандартов поведения, включая уважение принятых на себя обязательств, соблюдение прав человека и т.п.;

— убедить Китай в том, что Америка не рассматривает его в качестве своего врага и не будет предпринимать никаких шагов, угрожающих территориальной целостности и внутренней стабильности КНР;

— придерживаться политики "одного Китая", имея в виду, что Тайвань является его частью. Однако осуществление американской дипломатией этого принципа не должно противоречить традиционным интересам и ценностям, приверженность которым является основополагающей для Америки, поскольку их игнорирование может не только нанести серьезный ущерб ее отношениям с Тайванем, но и существенно ослабить способность США к успешному осуществлению политики, базирующейся на четырех вышеупомянутых принципах.

При этом США следует не только поощрять конструктивную экономическую и дипломатическую активность Китая в Азии, но и извлекать из нее для себя определенные выгоды, будучи одновременно в постоянной готовности дать отпор, если действия КНР будут представлять угрозу благополучию Азии и роли в ней Соединенных Штатов.

Для реализации вышеизложенных принципов и преодоления возможных проблем американскими экспертами изначально предложено соблюдение следующих правил "управления двусторонними отношениями"²³:

1) признать безальтернативность долгосрочной стратегической основы отношений с Китаем для реализации продуктивных двусторонних связей;

2) прийти к пониманию взаимной ответственности двух великих держав — США и КНР;

3) признать, что ключ к будущей возможности поддержания порядка и стабильности в Восточной Азии — во взаимодействии четырех великих держав: России, Китая, США и Японии, регулярные консультации которых необходимо наладить;

4) исходить из того, что концепция сдерживания стала ныне неадекватным фактором, а ее логика является абсолютным антиподом экономической взаимозависимости и открытости глобальных систем;

5) руководству каждой страны следует признать важное значение сдержанного поведения в чувствительных для другой стороны сферах и действовать в них крайне осмотрительно;

б) выполнять данные друг другу обещания.

В политикоформирующих кругах США надеются, что если указанные принципы и подходы будут хотя бы отчасти реализованы, то американо-китайские отношения смогут по-прежнему сохранять позитивный вектор развития.

1. Саймс. Д. 1997 год прошел без драматических потрясений// Международная жизнь. 1997. № 11-12. С. 9.
2. Там же. С. 11.
3. www.strana.ru, 28.12.2001.
4. Бжезинский. З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2000. С. 191.
5. Там же. С. 192-194.
6. Там же. С. 192-193.
7. Коммерсант. 2005. 21 февраля.
8. Киссинджер. Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Научно-издательский центр "Ладомир", 2002. С. 141.
9. Там же.
10. Там же. С. 142.
11. Бжезинский. З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2000. С. 197.
12. Там же. С. 203.
13. Там же.
14. Бергер. Я. Об энергетической стратегии Китая// Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 132.
15. См.: Михеев. В. Треугольник Россия-США-Китай после 11 сентября// Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1.
16. См.: Занегин. Б.Н. США и Китай: конфликтный потенциал// США-Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 3-4.
17. Там же.
18. Feigenbaum Evan A. China's Challenge to Pax Americana. The Washington Quarterly. Summer 2001. Vol. 24. N 3. P. 31-43.
19. Независимая газета. (Сценарии). 1998. № 12.
20. Ларин. А. Американский фактор в российско-китайском стратегическом партнерстве// Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6. С. 27.
21. Сяньдай гоцзи гуаньси. 2000. № 1-2. С. 93.
22. Жэньминь жибао он лайн // <http://russian1.peoplecom.cn/31521/3217998.html> 04.03.2005.
23. См.: Лэмптон. Д. Американо-китайские отношения: жизнь на краю обрыва. Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1.

КНДР сейчас — сталинизм, застой или ползучая перестройка?

© 2005

К. Асмолов

Окончание. Начало см. в ПДВ №2, 2005 г.

Экономическая деятельность государства после природных катаклизмов 1997 г.

Главной задачей властей КНДР стали попытки добыть необходимое количество иностранной валюты в качестве платежного средства с одной стороны, и обеспечить себе льготные условия импорта — с другой. Однако пока основным средством получения валюты для КНДР является не внешняя торговля, а туризм.

Основная часть туристов прибывает в КНДР из КНР. Одновременно Китай является основным торговым партнером КНДР, и в стране появляется все больше предметов китайского производства¹. Второй источник твердой валюты — южнокорейские туристы, посещающие Кымгансан.

Северокорейские власти пытались зарабатывать валюту даже на доставке тел американских военнослужащих, погибших во время Корейской войны, открыв границу для представителей их поисковых групп с тем, чтобы те за соответствующую плату могли вывезти переданные им останки соотечественников.

В попытке обеспечить себе льготный импорт Ким Чен Ир делает ставку на две вещи. Во-первых, это гуманитарная помощь. Поставки в Северную Корею топлива, продовольствия или удобрений являются неформальным, но важным условием многих внешнеполитических мероприятий с участием КНДР. Не случайно большинство подвижек в северокорейской позиции и элементах переговорного процесса приходится на осенне-зимний период, когда проблемы с топливом обостряются. Во-вторых, налицо стремление получать помощь по линии просеверокорейской диаспоры в Японии (*Чхонгрен*).

Есть ли у Ким Чен Ира представление о том, какой должна быть экономика новой Кореи? Китайский путь кажется ему достаточно опасным, так как строится на ослаблении информационного контроля и критике прежней власти. В разговоре с М. Олбрайт Ким Чен Ир проявлял интерес к шведской экономической модели и тайландскому варианту, где рыночная экономика сочетается с сильной королевской властью². А. Воронцов считает, что политика приоритета армии (*сонгун*) прикрывает собой переходный период к многоукладной экономике на фоне армейского самообеспечения и участия армейских структур во внешнеэкономической деятельности.

М. Брин отмечает интерес Ким Чен Ира к проектам свободных экономических зон³, среди которых наиболее известны зона в районе Раджин — Сонбон, которую предполагалось разрабатывать совместно с Россией, и "госу-

дарство *Синьйчжу*”, где речь шла не только о создании свободной экономической зоны, но о превращении этого приграничного города в нечто большее. Город планировалось практически перестроить заново, привлечь туда полмиллиона квалифицированных рабочих, а специальные законы вводили на территории этой свободной экономической зоны свободу печати, совести и вероисповедания, а также частную собственность и право на забастовки⁴. По сути, это была попытка создать с нуля в Северной Корее “свой Гонконг”⁵, но создание такого района на границе с Китаем без предварительных консультаций с Пекином определило негативную судьбу этого плана⁶.

Характерная черта северокорейских экономических преобразований — либеральная валютная политика. С середины 1990-х “империалистические деньги” заметно потеснили местную валюту в качестве платежного средства при крупных сделках⁷, а в последнее время и в повседневном обращении⁸.

Некоторые мероприятия проводятся и по оздоровлению сельского хозяйства. В частности, речь идет о попытках внедрения новых культур, в первую очередь картофеля как замены риса. Так как на высоте выше 100 м он растет значительно лучше, чем рис, его активно внедряют в северных районах и в горах, однако население привыкает к новому типу пищи с определенным трудом, и особенного развития эта практика не получила⁹.

1 июля 2002 г. КНДР провела целую серию “государственных мероприятий”, направленных на реорганизацию экономической жизни. Во-первых, была изменена ценовая политика. Повышение цен сопровождалось повышением зарплаты и закупочных цен на сельхозпродукцию. При этом в сельском хозяйстве оплата труда стала не натуральной, а денежной. Однако если цены на потребительские товары выросли примерно в 25 раз, то зарплата — примерно в 20 раз для занятых на стратегических направлениях производства и в 17-19 раз — для всех остальных. В результате северяне стали тратить на еду не 3,5% зарплаты, как это было раньше, а все 50¹⁰.

Во-вторых, власти официально разрешили то, что до поры существовало нелегально, в том числе — уличную торговлю. В результате с 2004 г. на пхеньянских улицах появилось достаточное количество государственных и частных уличных торговых платок¹¹. В-третьих, было введено материальное стимулирование производства и повышена материальная самостоятельность предприятий и сельхозкооперативов: выполнение плана остается обязательным, однако сверхплановой продукцией/ излишками сельскохозяйственного производства можно распоряжаться по своему усмотрению.

О т.н. придворной экономике

Западные и некоторые российские СМИ очень любят эксплуатировать эту тему, рассказывая о существовании в КНДР особых экономических организаций, занимающихся с разрешения ее высшего руководства нелегальной/ криминальной деятельностью, доходы от которой, как утверждает, идут на поддержание армии и спецслужб, а также — на удовлетворение личных потребностей Ким Чен Ира и его окружения.

Цифры таких нелегальных доходов оцениваются, как правило, в 10-12 млрд долларов¹². Однако более убедительные подсчеты Н. Эберштатдта указывают, что максимальная прибыль КНДР от всех нелегальных операций составляет в лучшем случае 100 миллионов долларов в год, что очень мало даже для бедной страны.

Существование своего рода “придворной экономики”¹³ в лице ряда компаний, работающих не столько на бюджет страны, сколько на обеспечение жизнедеятельности той или иной властной группировки (будь то армия, спецслужбы или ближнее окружение Ким Чен Ира), подтверждает в ряде своих

работ и В. В. Михеев. При партийных структурах возникают хозяйственные отделы, так что тот или иной партийный или государственный орган превращается в крышу для той или иной компании.

Наиболее известны армейские структуры данного типа. Б. Камингс открыто упоминает о том, что Корейская народная армия имеет свои фабрики и шахты, а также — подчиненные ей торговые компании, ведущие самостоятельную экономическую деятельность¹⁴. Власть обеспечивает “капиталисту” режим наибольшего благоприятствования, а тот в ответ выполняет стратегические указания этой структуры и делится с ней долей прибыли.

Представления об исключительно криминальном характере придворной экономики КНДР не соответствуют действительности. Как пример причастности высшего руководства КНДР к наркоторговле любят упоминать эпизод с задержанием в апреле 2003 г. австралийским спецназом северокорейского судна “Понсу”, на борту которого было обнаружено 125 кг героина¹⁵, однако зарегистрированное в Пхеньяне судно было куплено на Тайване и следовало из Бирмы в Малайзию (маршрут не связан с КНДР, но хорошо накладывается на трассы вывоза наркосырья из стран Золотого треугольника). Команда судна говорила по-корейски, но состояла из корейских беженцев в Китае (готовых за незначительную оплату подрядиться на любую работу), а найденный на борту партбилет на имя члена политбюро указывает на провокацию с еще большей определенностью, — подобно советским морякам, корейские моряки всегда сдают личные документы перед выходом в море.

Экономическая активность масс

После катаклизмов 1995-1997 гг. значительное число северокорейцев оказалось в ситуации, когда государство уже не могло их прокормить, и нужно было самим искать способы выживания. В этом смысле рост мелкого предпринимательства в КНДР заслуживает сравнения не столько с горбачевской перестройкой и начавшимся на ее фоне кооперативным движением, сколько с “эпохой челноков”, порожденной падением уровня жизни на постсоветском пространстве.

В стране действуют тысячи частных гостиниц, закусовых, швейных мастерских и тому подобных заведений — не говоря уже о корейцах, которые торгуют на рынках или занимаются кустарным промыслом¹⁶. В десятки и сотни раз выросли рынки (по словам Б. Камингса, на большом рынке в Пхеньяне торгует до 10 тысяч человек¹⁷), и к концу 1990-х примерно 60% продуктов и почти все потребительские товары покупались на них. Правда, до июльских реформ 2002 г. рыночные цены были огромными: килограмм риса стоил около 40-50 вон — при средней зарплате в 200 вон в месяц¹⁸.

Другой способ заработка — работа за рубежом. Для многих жителей приграничных районов КНДР нелегальные поездки в Китай сейчас превратились в систематический промысел¹⁹, но жизнь нелегалов тяжела. Их статус формально является поводом к выдворению их с территории КНР, что заставляет соглашаться на любые условия существования, и потому на беженцах наживаются не только коррумпированные пограничники по обе стороны границы, но и преступные группировки. Речь идет не только о торговле людьми (большинство женщин-беженек попадают в китайские бордели²⁰), но и о наркотрафике или коммерческой процедуре получения политического убежища²¹.

Общая характеристика современного уровня жизни в КНДР

С 1999 г. северокорейская экономика начала показывать признаки роста. По данным Банка Южной Кореи, в 2003 г. северокорейский ВВП вырос на

1,8%. Таким образом, экономика КНДР растет пятый год подряд, хотя этот медленный рост, безусловно, не сможет компенсировать потери предыдущих лет²². Жизнь тоже начала налаживаться. Во всяком случае, последствия голода были преодолены, и, по свидетельству Камингса, который ссылается на данные ООН за 1997 г., средняя продолжительность жизни в Северной Корее составляла 70,7 лет, а на Юге — 70,4.

Медленный рост хорошо виден на примере ситуации с электроснабжением. Ранее круглосуточное электрическое освещение наблюдалось только в праздники, но по свидетельству ряда российских ученых и дипломатов, посетивших Пхеньян в конце 2003 — начале 2004 гг., в отличие от ситуации трех — пятилетней давности, свет в городе в целом есть, причем восстановлено и уличное освещение. Горячая вода тоже есть не всегда и не везде.

Ручной труд в сельском хозяйстве встречается достаточно часто, хотя там, где это возможно, власти прибегают к техническим инновациям. Б. Камингс ссылается на речь Ким Чен Ира в 2001 г., в которой тот призывал к технической модернизации, говорил о том, что на дворе не 60-е годы, и не следует держаться стратегий и методик прошлого²³. Так, в пхеньянском метрополитене оплата проезда производится с помощью жетонов или специальных проездных карт со штрих-кодом (что, вероятно, является проявлением стремления к большей технической модернизации)²⁴. По приглашению МФ КНДР группа крупных английских инвесторов намеревается создавать в КНДР систему кредитных карточек.

Строительство в горных районах продолжается, и взрывы горных пород, которые осенью 2004 г. чуть не приняли за ядерные испытания, бывают там достаточно часто, являясь рутинной работой по расчистке площадей под строительство объектов и коммуникаций к ним. Отмечается и активизация деятельности строительных компаний, которые начали ремонтировать и обновлять городские здания уже не только к праздникам.

Заметен и некоторый рост индивидуального уровня жизни. Например, в обеденное время к ресторану "Оннюгван" съезжается такое количество машин, что рядом с ним не хватает места для парковки²⁵.

Понятно, что процесс выхода из кризиса идет очень медленно и требует стабильной обстановки и благожелательного отношения внешнего мира. Хотя, по данным экспертов ЮНИСЕФ, число детей с дефицитом веса и недостаточным питанием сокращается, практически все молодое поколение КНДР выросло в условиях того самого "весеннего голода", который был характерным для страны до 1945 г.²⁶ В 2002 г. 40% северокорейских детей хронически недоедали, а 10% страдали дистрофией²⁷.

Изменения в состоянии массового сознания

Ситуация в идеологии и культуре

Трансформация традиционной системы не сопровождается явной трансформацией государственной идеологии, которая остается главным источником легитимности режима. Северокорейская элита не может разыграть вариант "прозрения и признания ошибок прошлого", который позволил бы ей перечеркнуть определенный этап истории своей страны и начать все заново. Обожествление Ким Ир Сена исключает всякую возможность критиковать его деятельность.

Поэтому вместо развенчания старых элементов идеологии новые возникают как бы одновременно с ними и поверх них с тем, чтобы новая структура вытесняла старую постепенно.

Как определенные подвижки в области идеологии можно рассматривать повысившуюся частоту употребления лозунга “Сильной и могущественной державы” (кор. “*Кансон тэгук*”)²⁸. Создание таковой включает три основных элемента: создание могучей идеологии, которая должна овладеть массами (в качестве таковой упоминается именно *чучхэ*), превращение страны в неприступную крепость и строительство мощной экономики²⁹.

Непонятно, накладывается ли эта тенденция на сокращение употребления собственно термина “*чучхэ*”, но важно другое: лозунг “державы” выдвигает на первое место именно государство как структуру, что можно рассматривать как продолжение курса на изменение структуры власти и отход от партийной диктатуры.

Некоторые авторы, в том числе А. Мансуров, отмечают новый язык северо-корейской прессы — классическую риторику заменяют выражения типа “баланс сил” или “национальный интерес”. Давно используются слова “реформа” и “рынок”. Возник новый термин “*силлиджуйи*” как учение о выгоде. Появились намеки на прозрачность процесса принятия решений и его описания.

Меньше, вроде бы, стало ощущаться и пропагандистское давление. Большинство респондентов, бывавших в последнее время в КНДР, отмечало, что объем государственной пропаганды в форме лозунгов, плакатов, песен и т. п. давит на психику гораздо меньше, чем агрессивная реклама в современной Москве.

Продолжается усиление националистического компонента идеологии, в том числе — намерения развивать науку, культуру, образование и т. п.³⁰ “*Нодон синмун*” 4 января 2001 г. писала: “С началом новой эры в 2000 годах следует подвергнуть полному пересмотру и перепроверке старые образцы и старую практику, которым следовали другие страны, а все дела нужно вершить нашими собственными методами”³¹. В общественных науках очень большое место занимает продвижение идеи превосходства корейской нации над остальным миром, однако (за исключением сферы, относящейся к государственной идеологии), дискуссии между учеными проходят достаточно свободно, без предварительной подготовки. По сообщению С. Курбанова, ученые-обществоведы могут гораздо свободнее высказывать свое мнение, чем это представляется из-за рубежа. Научный мир КНДР желает активного сотрудничества с внешним миром, однако чрезмерная централизация системы принятия решений значительно затрудняет проявление личной инициативы ученых в организационной сфере³².

Во внешних проявлениях культа вождя и посвященных ему ритуалам особенных изменений нет. Правило, по которому ни один кореец не может выйти из дома без приколотого к одежде значка с портретом вождя, никто не отменял³³. Вывешивание его портретов во всех жилых помещениях тоже остается обязательным. С другой стороны, северяне усвоили руководящие указания Ким Чен Ира о том, что иностранцам надо показывать не только хорошее, и потому элементы ухудшения жизни страны, связанные с катаклизмами 1995-1997 гг., стали затушевывать гораздо меньше. Начала признаваться и роль гуманитарной помощи, которую стали представлять именно как акт гуманизма, без политических спекуляций и “смены упаковки”³⁴.

Суммируя оценки изменений в сфере идеологии, можно согласиться с мнением С. Курбанова о том что “несмотря на известный застой, КНДР показывает стремление к большей открытости внешнему миру и реформам”³⁵, однако интересно проанализировать не только изменения в самой идеологии, но и изменения в реакции на нее, иллюстрирующие распространение двоемыслия.

Понятно, что, с одной стороны, при общении с иностранцами северо-корейцы не выходят за рамки. С другой, та категория людей, с которыми обща-

ется большинство иностранных граждан, безусловно, в состоянии адекватно оценивать обстановку в стране, даже находясь под гнетом идеологических догм. В тоже время привычку в общении с иностранцами "прятаться за лозунги" (вместо того, чтобы излагать то же самое своими словами) можно расценить и как своего рода проявление двоемыслия: "Вы понимаете, что я думаю по этому поводу, но поскольку я не могу этого сказать, я буду говорить штампами".

Внешние правила лояльности соблюдают все, однако в некоторых проявлениях лояльности режиму начинаются сбои. Так, по информации А. Ланькова, все больше людей не посещает ранее обязательные собрания³⁶.

Изменения в репрессивном аппарате и формах манифестации власти

Еще в выступлении перед членами Чхонрена Ким Чен Ир уделил значительное внимание модернизации правовой структуры северокорейского общества и повышению роли Закона. Он открыто говорил и о том, что "партийные органы, правительство и общественные организации много занимаются идеологическим воспитанием, но при этом мало внимания уделяют законам... Партийные кадры и работники органов безопасности все без исключения действуют вне законных рамок".

Несмотря на подобные заявления, Ким Чен Ир, однако, понимает, что введение в КНДР правовой системы, характерной для современного общества, сопряжено с целым рядом сложностей. Северная Корея остается строго ранжированным обществом, где высокий ранг дает дополнительные привилегии и иммунитеты, что частично нарушает принцип равенства перед Законом. Кроме того, для современной модели требуется большое количество образованных и компетентных юристов, которых на Севере нет.

Серия реорганизаций органов госбезопасности, создание собственной службы охраны и выделение ее в отдельное ведомство со своей техникой и многотысячным штатом говорит о желании Ким Чен Ира создать структуру, лояльную лично ему. Если это так, то государство сомневается в лояльности госбезопасности, учитывает возможность бунта в одном из ее структурных подразделений и принимает меры предосторожности.

В отношении нынешней деятельности репрессивных органов можно отметить следующее. Их хватка заметно ослабла. Конечно, действительные преступления против режима (расклейка листовок, создание кружков) или нарушения правил поведения, которые воспринимаются как прямое оскорбление вождя, быстро расследуются и эффективно караются. Однако менее явные факты правонарушений остаются без внимания. Рассказанный не к месту анекдот или просто продолжительный разговор с иностранцем на пхеньянской улице уже больше не являются безусловным основанием для ареста³⁷. В последние годы почти прекратились и выборочные ночные проверки частных домов³⁸.

Власти перестали контролировать передвижение людей по стране. В 1997-1998 гг. были отменены ограничения на поездки по всем регионам страны, кроме Пхеньяна, въезд в который по-прежнему контролируется³⁹. Когда на фоне голода многие занялись челночной торговлей, правительство стало смотреть на подобную экономическую самостоятельность сквозь пальцы.

Послабления произошли и для иностранцев. Судя по впечатлениям большинства из них, посещавших КНДР в последние годы, контроль за ними был не таким уж плотным, и они могли достаточно свободно и самостоятельно перемещаться по городу, в том числе — и на метро.

Ослабление контроля видно и в том, какие масштабы приобрело "бегство" в Китай. До 1990-х гг. через северокорейско — китайскую границу перебе-

гало 1-2 человека в год. В 2002 г. число перебежчиков достигло 1200 человек⁴⁰, а сегодня на территории Китая находится от ста (по утверждению А. Ланькова) до трехсот (по южнокорейским данным) тысяч нелегальных эмигрантов⁴¹.

Если до начала 1990-х годов попытка перехода границы каралась смертной казнью, в последние годы она стала рассматриваться как достаточно мелкое правонарушение: если задержанный при попытке перехода границы или выданный Китаем перебежчик не был замечен в политически подозрительной деятельности и нежелательных контактах, он, скорее всего, отделается несколькими месяцами заключения в исправительном лагере⁴². Жестоко наказывают в основном пойманных контрабандистов и тех беглецов, которые во время пребывания в Китае общались с южнокорейцами, миссионерами или иностранными журналистами (не говоря уже о тех, кто пытался просить политическое убежище)⁴³.

Похожая ситуация касается информационного контроля. Опросы последних лет показывают, что заметное и постоянно растущее количество перебежчиков в Китай регулярно слушало южнокорейское радио еще тогда, когда находилось на Севере⁴⁴. Дело в том, что через китайскую границу в страну ввозится большое количество портативных транзисторных приемников. Из-за небольших размеров их легко прятать от властей, и при этом понятно, что в условиях глобализации и информатизации общества этот процесс неостановим: при отсутствии должного рвения и сотрудничества со стороны масс тотальный контроль над населением стоит недешево и в силу этого возможен лишь на достаточно солидной экономической базе⁴⁵.

Изменения в менталитете. Социальные проблемы и социальное расслоение

Б. Камингс постоянно называет КНДР страной-крепостью, считая, что невиданные лишения, которые пережил регион во время Корейской войны, наложили четкий отпечаток на поведение всего общества. Однако экономические трудности последних лет стали катализатором перемен. В решении проблем материальные стимулы преобладают над морально-идеологическими, а роль денег как способа накопления материальных благ и средства общения резко возросла, что тоже является определенным признаком новой ментальности.

Массовый голод может очень сильно повлиять на традиционную ментальность, изменив ее, ибо те, кто и в этой ситуации будет пытаться оставаться честными и принципиальными, могут просто умереть с голоду. В этих условиях на смену "верности строю" приходит психология социал-дарвинизма, согласно которому выживают наиболее удачливые, хитрые или беспринципные.

Отметим, что голод особенно сильно бьет по горожанам, в отличие от элиты, которая в состоянии себя обеспечить, или деревенских жителей, которые могут хоть как-то обходиться подножным кормом. Таким образом, максимально переменам подвергается наиболее социально активная категория населения.

Ситуация сказывается и на молодежи, которая вынуждена выживать или помогать выживать семье вместо того, чтобы учиться. Известно, что среди юных перебежчиков с Севера на Юг 22% вообще не учились, 19,4% не получили даже полного начального образования, а 44,6% бросили свои школы, когда учились в средних или старших классах⁴⁶.

Социальные процессы в обществе дали толчок новому для страны типу социального/имущественного расслоения, уже заметного внешне⁴⁷. Наверху оказались те, кто имел доступ к валюте или родственников за границей, способных ее прислать, принимал участие в лицензировании или распределении помощи, "красные директора". Среди потерявших — военные, пенсионеры,

крестьяне и большинство бюджетников. В стране начинает формироваться новая социальная группа, состоящая из дельцов полулегального рынка и работников сферы элитных для КНДР услуг (владельцы ресторанов и т. п.).

Очень важно при этом то, что среди “новых корейцев” Севера оказались не только представители партноменклатуры. Многие деятели черного рынка, сколотившие немалые состояния, вышли из тех слоев, которые в рамках традиционного разделения считались враждебными. В качестве наиболее явного примера этого А. Ланьков указывает на роль репатриантов из Японии, которых вместе с их местными родственниками сейчас насчитывается примерно 150-200 тысяч⁴⁸. Отношение к этой социальной группе всегда было двойственным. С одной стороны, их воспринимали как полезный источник поступления валюты и технологической информации, с другой — эти люди, получившие иное воспитание, обладали “идеологически сомнительной” репутацией и находились под колпаком компетентных органов. Сейчас политические риски отодвинуты на второй план, и репатрианты играют в северокорейском обществе все более заметную роль.

Как не прямое признание наличия социального расслоения можно трактовать замечание Ким Чен Ира, который в беседе с представителями Чхонрена еще в 1998 г. говорил, что урезание продовольственных пайков для жителей Пхеньяна сопровождалось повышением их для представителей остальных регионов. Не означает ли такое выравнивание попытку властей выправить или остановить процесс расслоения регионов на богатые и бедные или признать тот факт, что жители большого города имеют возможность прокормить себя сами, пусть и не совсем легальным образом?

Вопрос о “внутрипартийных кликах” и оппозиции Ким Чен Иру

Большинство западных авторов исследует этот вопрос с точки зрения поисков либеральной оппозиции, ставящей своей целью проведение в КНДР более демократических реформ. Таких не находят, но пытаются выдать за них ряд представителей номенклатуры, которые сначала “засветились” на ниве руководства экономикой, а затем ушли в тень или были репрессированы. К такому “либеральному крылу, репрессированному Ким Чен Иром”, относят, например, сосланного в провинцию председателя Госплана Ким Даль Хена и казненного по обвинению в коррупции секретаря ЦК ТПК по сельскому хозяйству Со Гван Хи⁴⁹.

Обердорфер выставляет лидером реформистов бежавшего на Юг Хван Чжан Епа, считая, что разработанная им “философия красного флага” задумывалась как своего рода альтернатива *чучхэ*, а пассажи северокорейской прессы относительно карьеристов и заговорщиков, которые проникли во власть и без устранения которых нельзя вывести систему из кризиса, касались именно его. С этим не согласен Б. Камингс, отмечающий, что, хотя бегство Хван Чжан Епа больно ударило по престижу режима, Хван никогда не относился к числу людей, обладавших реальной властью⁵⁰, а растиражированная прессой версия о том, что Хван был главным разработчиком государственной идеологии и “отцом *чучхэ*” в его традиционном виде, несколько не соответствует истине⁵¹.

Прежде чем ставить вопрос о существовании реформистов, следовало бы подумать о том, есть ли основа для их возникновения. “Массовая истерия” и церемониальные мероприятия КНДР заставляли европейцев не верить в то, что северокорейцы относятся ко всему этому серьезно, и искали двоямыслие и диссидентов еще до того, как эти явления появились.

Даже такой специалист по поискам демократической оппозиции, как Мадлен Олбрайт, сделала в своих мемуарах вывод о том, что наличие в КНДР людей, которые “лелеют надежду на обретение свободы и только и ждут возможности выразить свое стремление к демократической форме правления” — это фантазия, и в Северной Корее не было ничего похожего на Пражскую весну. По ее мнению, северокорейцы “настолько озабочены элементарным выживанием, что им не до сомнений в правильности устройства, которое, как им кажется, они не могут изменить”⁵².

Между тем, наличие определенной оппозиции правительственному курсу признавал даже сам Великий Руководитель. В разговоре с Мадлен Олбрайт он отметил, что “армия разделилась на две равные части, и раскол касается вопроса о том, стоит ли улучшать отношения с США”. Ким Чен Ир пояснил, что хотя в его стране нет такой оппозиции, как в Америке, люди, чья точка зрения не совпадает с точкой зрения Ким Чен Ира, есть, и они даже советовали ему не встречаться с Олбрайт⁵³.

На Севере, как и на Юге, речь идет не столько об объединении людей вокруг какой-то идеи, сколько о кликах, защищающих корпоративные интересы, но, в отличие от РК, не имеющих лидеров, способных быть альтернативой Великому Руководителю. Кроме того, неустанная деятельность Ким Ир Сена по искоренению фракций привела к тому, что борьба между подобными кликами протекает, в основном, под ковром, на уровне аппаратных интриг или соперничества за влияние на вождя.

Точных источников информации по этому вопросу немного, и занимающиеся этой темой по преимуществу просто тасуют известные имена. Мы попробуем действовать немного по-иному и выделить “заинтересованные группы”, проанализировав их вероятную “раскладку” как по “профессиональным корням”, так и по отношению к нынешнему курсу.

Ближний круг. Те, чье влияние на вождя распространяется как бы в обход официальной иерархии и является не столько институциональным, сколько неформальным. Можно допустить, что, представители этой группы тоже понимают необходимость реформ, тем более что у приближенных Ким Чен Ира уже выработался вкус к западным стандартам поведения и развлечений. Это не значит, что они поддерживают реформы из идейных соображений, но необходимость внешне соблюдать рамки старых традиций должна их тяготить и выступают за перемены хотя бы потому, что в “новой стране” им будет проще жить по потребностям.

С другой стороны, ближний круг отличает достаточно высокая лояльность по отношению к Ким Чен Иру. Он их возвысил и приблизил, и потому их статус и благосостояние самым тесным образом связаны с Ким Чен Иром как главой государства.

Наиболее заметным представителем этой группы в окружении Ким Чен Ира был секретарь ЦК ТПК Ким Ен Сун, которого считали любовником сестры Ким Чен Ира и называли одним из отцов межкорейского диалога.

Партработники старой школы. Можно предполагать, что они не хотят перемен, так как изменение ситуации лишает их прежнего статуса и привычных привилегий, но следует помнить, что особенности корейской административной культуры, воспитывающей определенную косность, в сочетании со слабой осведомленностью о внешнем мире не дают чиновникам возможности хорошо понимать нынешнее положение дел.

Именно эта прослойка стала основной мишенью кадровых перестановок и пострадала от нового курса, однако теоретическая возможность вернуться во власть через некоторое время у нее есть. Кроме того, сокращение влияния партийного аппарата еще не означает сокращение влияния партии как тако-

вой. Северная Корея пока не доросла до введения во власть поколения беспартийных руководителей. Все без исключения члены Комитета Оборона являются членами ТПК.

Технократы (младокимченировцы-условнореформаторы). Это сравнительно молодые люди, не занимавшие ранее высоких постов в партии или армии. Возможно, именно к ней принадлежит большинство относительно молодых выдвинутых Ким Чен Ира последнего времени. А. Жебин выделяет несколько новых групп номенклатуры из числа новоизбранных депутатов: оргработников из аппарата Ким Чен Ира, помогавших ему в повседневной работе; лиц, отвечавших за контакты с Южной Кореей и дипломатов, работающих на американском и китайском направлениях. Видимо, основа данной группировки состоит именно из представителей вышеупомянутых структур.

Представляется, что, как и ближний круг, эти аппаратчики также поддерживают новый курс и являются сторонниками расширения международных связей, но не из корыстных, а из прагматических соображений. По долгу службы они лучше других знают международную ситуацию и должны понимать, что ресурс командно-административной системы в достаточной степени выработан, а попытка законсервировать ситуацию в условиях глобализации обречена на неудачу.

Тем не менее, судя по ограниченности реформ и отсутствию ярких представителей этой группы в высшем эшелоне власти, их сравнительные позиции пока достаточно слабы и даже при поддержке Ким Чен Ира, они не могут противостоять аппаратчикам старой закалки в одиночку. Поэтому они вынуждены действовать в союзе с недовольными деятельностью гражданской номенклатуры "старыми" военными. Сейчас они пользуются благосклонностью Ким Чен Ира, поскольку могут, подхватив его настроение или ощущения, воплотить их в теоретические постулаты и практические действия.

Армия. Точнее, военные кадры. Для нанесения удара по гражданской номенклатуре Ким Чен Ир воспользовался недовольством военных в целом и военных политработников, в частности, вызванным безраздельным хозяйничаньем в армии партийной бюрократии и ее привычкой использовать армию как универсальную затычку для хозяйственных дыр. Последнее отнюдь не способствовало повышению боеготовности КНА.

Однако все не так просто, и среди военных тоже не может быть полного единства. Хотя северокорейская армия, скорее всего, не имеет разделения корпоративных интересов по родам войск, было бы логично разделить "военных технократов" и принадлежащих к относительно новому поколению офицеров от генералов "старого образца".

Хотя, в отличие от партаппарата, где почти все функционеры были возвышены Ким Ир Сенем, генералы получили свои генеральские погоны и новые назначения из рук Ким Чен Ира и лояльны ему, их военная доктрина и стратегическое отношение к миру сформировались давно. Они привыкли жить, затянув пояса в обстановке осажденной крепости, а "открытие" страны могут понимать как нечто "неправильное", выступая против курса на интеграцию в международное сообщество.

Серия армейских реформ, проведенная Пхеньяном (сокращение численности армии, уменьшение сроков службы и т. п.) и последние перестановки в КО говорят о том, что влияние молодых постепенно растет, а влияние генералитета сокращается. Министр обороны Ким Иль Чхоль был снят с должности заместителя председателя ГКО, уступив ее Ён Хён Муку, которого причисляют к технократам. Ряд представителей высшего офицерства был выведен из депутатского корпуса.

Насколько армия является политической силой и насколько возможен военный переворот? Повышение благосостояния армии связано с тем, что Ким Чен Ир видит в ней угрозу власти⁵⁴, но вероятность переворота кажется автору малореалистичной. Традиционно армия не лезла в политику.

Известно и то, что в аппарате и в армии периодически проводятся чистки прокитайских элементов⁵⁵. Дело в том, что на Китай были традиционно ориентированы военные кадры, с Китаем ведут бизнес представители прилегающих к нему регионов, да и китайский путь, наверняка, кажется многим достаточно соблазнительным.

К тому же Китай действительно является единственной страной, обладающей должным влиянием для того, чтобы осуществить смену режима в КНДР. Добавим к этому то, что в китайском руководстве, особенно в среде его более молодых представителей, недовольство нежелающим идти в их кильватере Ким Чен Иром достаточно велико.

Очень важно проанализировать позицию группировки, возникающей на базе силовых структур. Корпоративные интересы этой фракции кардинально противоположны процессу реформ. Любая демократизация означает сокращение полномочий спецслужб и удар по их привилегиям. В случае объединения они — наиболее вероятная мишень южан и международных правозащитников, ибо не настолько близки к правящему клану, чтобы рассчитывать на то, что и их охватит “аура неприкосновенности”. И если у военных или гражданских партийных функционеров шанс найти себе применение при новом порядке есть, то спецслужбы вероятнее всего окажутся теми “стрелочниками”, на которых отыграются все желающие сделать карьеру или “выпустить пар”.

Иными словами, в случае демократизации и последующего объединения Кореи им более всего есть что терять, а значит, есть за что бороться. С внешнеполитической точки зрения им гораздо выгоднее ситуация жесткого противостояния и огненного кольца, при которой их власть не падает, а укрепляется.

Вопрос в том, насколько острым является противостояние между властными группами сейчас, очень сложный и единой точки зрения по нему нет. Ряд ученых предполагает, что оно не вышло за рамки аппаратных интриг и борьбы за доступ к телу вождя и влияние на него, в то время как другие полагают, что фракционная борьба в руководстве КНДР уже переросла рамки “чистой интриги” и ведется куда более жестко.

Американский политолог А. Мансуров, наиболее последовательный сторонник этой версии, считает главным признаком жесткой борьбы за власть в ближайшем окружении Ким Чен Ира две автокатастрофы осени 2003 г., итогами которых стали смерть Ким Ён Суна и тяжелая травма Ко Ён Хи⁵⁶. По его мнению, в КНДР была отработанная система борьбы с политическими противниками, и вздумай Ким Чен Ир репрессировать кого-то, он воспользовался бы стандартными способами. Значит, инициатива покушения исходила не от него, а от северокорейских спецслужб, которые уже достаточно давно преследуют свои собственные цели, или старой гвардии Ким Ир Сена, традиционно ориентированной на Китай и недовольной курсом на интеграцию с теми странами, которые занимали нишу врагов. Четкого подтверждения какой-либо из этих версий, однако, нет.

Может возникнуть вопрос, насколько сегодня вероятно покушение на самого Ким Чен Ира. Это представляется мне крайне маловероятным как потому, что “особа государя священна”, так и потому, что ни один из представителей упомянутых групп не обладает должной легитимностью, чтобы, сменив его, удержаться у власти. Именно потому Б. Камингс воспринимает продолжительную поездку Ким Чен Ира в Россию как признак того, что глава государ-

ства может на долгое время покинуть страну, не опасаясь того, что в его отсутствие там что-то случится³⁷.

Выводы, или к вопросу об уровне системного кризиса

Всякая успешно функционирующая командно-административная система держится на нескольких опорах. Одна из них — это страх перед мощью репрессивного аппарата и неадекватностью наказания. Другая — сила традиций, благодаря которым существующий порядок воспринимается как нечто неизблемое. Третья — высокий моральный дух функционеров системы и их энтузиазм. Не менее важными опорами являются информационный контроль, позволяющий поддерживать пресловутый “железный занавес”, и государственная система распределения.

Насколько эффективны эти рычаги влияния на массы в современной КНДР? Страх перед репрессивным аппаратом меняется на умение грамотно “соблюдать правила игры”, не привлекая к себе внимания, и направлять внимание органов в другое русло. Армия и силовые структуры начинают прорастать корпоративными интересами, а в организации спецслужб явно видны элементы системы сдержек и противовесов. Энтузиазм и моральный дух функционеров системы упал и уступил место психологии выживания. Государственная функция распределения фактически отменена. Значение руководящей и направляющей роли партии, равно как и влияние “гражданской” партийной номенклатуры, существенно сократились. Информационный контроль с приходом глобализации постепенно слабеет. Нововведения принесли новые проблемы: инфляцию, 80-процентную безработицу среди женщин, социальное расслоение.

Все это значит, что система достаточно сильна, чтобы противостоять внешнему нажиму или иной критической ситуации подобного рода, но на бытовом уровне способность государства контролировать население заметно уменьшилась. Такая ситуация говорит о том, что нам целесообразно отказаться от восприятия современной Северной Кореи как цитадели сталинизма. Созданная Ким Ир Сенем система проявила чудеса выносливости, но жизненный ресурс ее исчерпан, и северокаорейская верхушка ищет иные варианты развития страны, больше соответствующие требованиям времени.

1. Курбанов С. О. Краткое сообщение о поездке в Пхеньян 03-07 августа 2004 г.
2. Госпожа Госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт. При участии Билла Вудварда. [Madeleine Albright. Madam Secretary]. М., 2004. С. 603.
3. Breen, Michael. Kim Jong-Il: North Korea's Dear Leader. Who He is, What He Wants, What to Do about Him. New York, 2004. С. 99.
4. Ibid. С. 162-163.
5. Cumings, Bruce. North Korea. Another Country. New York, London, 2004. С. 183.
6. Мансуров А. Подходы Северной Кореи к Китаю: настороженность под маской поклонения // Корус Forum. 2004/1-2 (№ 22). С. 17-21.
7. Ланьков А. Эпитафия обществу контроля. К 55-летию образования КНДР // Русский журнал, <http://www.russ.ru>, 9.09. 2003.
8. Ланьков А. Слабое звено северокаорейской пропаганды // Русский журнал. 2003. 13 августа.
9. Панин А., Альтов В. Северная Корея. Эпоха Ким Чен Ира на закате. М., 2004. С. 207.
10. Vreen M. Op. cit. С. 156-157.
11. Курбанов С. О. Краткое сообщение о поездке в Пхеньян 03-07 августа 2004 г.
12. Панин А., Альтов В. Северная Корея. Эпоха Ким Чен Ира на закате. М., 2004. С. 168, 261-262.
13. Михеев В. В. называет такую экономику “придворной” потому, что образующийся при ней замкнутый цикл обслуживает только определенные структуры, ничего не давая всей стране. Ведь речь идет лишь о дополнительной подпитке этих структур,

- а госрасходы на них при этом не сокращаются. Кроме того, создание не зависящих от государства источников финансирования дополнительно подстегивает развитие корпоративности.
14. Breen M. Op. cit. С. 44.
 15. Breen M. Op. cit. С. 168.
 16. Ланьков А. Слабое звено северокорейской пропаганды.
 17. Cumings Op. cit. С. 191.
 18. Ланьков А. Эпитафия обществу контроля.
 19. Ланьков А. Слабое звено северокорейской пропаганды.
 20. Breen M. Op. cit. С. 151.
 21. Мансуров А. Указ. соч. С. 19.
 22. Сеульский вестник. № 86. Июнь-июль 2004 г. С. 6.
 23. Cumings В. Op. cit. С. 189.
 24. Курбанов С. О. Краткое сообщение о поездке в Пхеньян 03-07 августа 2004 г.
 25. Там же.
 26. Cumings Op. cit. С. 182.
 27. Breen M. Op. cit. С. 150.
 28. Жебин А. КНДР — Итоги 2003 г. и вызовы 2004 года // Корус Forum. 2004/1-2 (№ 22). С. 33.
 29. Панин А., Альтов В. С. 209 со ссылкой на редакционную статью в "Нодон синмун".
 30. Жебин А. Указ. соч. С. 33.
 31. Нодон синмун. 2001. 4 января.
 32. Курбанов С. О. Указ. соч.
 33. Ланьков А. Слабое звено северокорейской пропаганды.
 34. Ранее иностранные продукты специально перепаковывали в упаковку без опознавательных знаков с тем, чтобы их зарубежное происхождение не было видно рядовым потребителям.
 35. Курбанов С. О. Указ. соч.
 36. Ланьков А. Указ. соч.
 37. Там же.
 38. Ланьков А. Эпитафия обществу контроля.
 39. Ланьков А. Слабое звено северокорейской пропаганды.
 40. Breen M. Op. cit. С. 152.
 41. Breen M. Op. cit. С. 151.
 42. Ланьков А. Указ. соч.
 43. Breen M. Op. cit. С. 151.
 44. Ланьков А. Указ. соч.
 45. Ланьков А. Эпитафия обществу контроля.
 46. Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, 08.12.2003.
 47. Курбанов С. О. Указ. соч.
 48. Ланьков А. Эпитафия обществу контроля.
 49. Панин А., Альтов В. С. 298.
 50. Cumings В. Op. cit. С. 188.
 51. Breen M. The Koreans. Who they are, what they want, where their future life. N-Y, 1998. С. 127.
 52. Госпожа Госсекретарь. С. 605-606.
 53. Там же. С. 602.
 54. Там же. С. 604-605.
 55. Мансуров А. Указ. соч. С. 20.
 56. utro.ru/news/2003/10/19/241945.shtml
 57. Cumings В. Op. cit. С. 188.

Национальная безопасность Австралии и внешняя политика правительства Дж. Ховарда на рубеже XX — XXI вв.

© 2005

В. Тимошенко

В начале 2004 г. правительство Джона Ховарда в Австралии объявило о планах беспрецедентного наращивания вооруженных сил страны, которые позволят превратить ее в одну из ведущих военных держав с целью "стать ключевым союзником Вашингтона в конфликтах во всем мире"¹. Столь неоднозначное решение явилось результатом серьезных изменений произошедших во внешней политике Австралии на рубеже XX — XXI веков.

В конце 80-х гг. сложная экономическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе и осознание экономической уязвимости привели к появлению новой стратегии Австралии в области внешней политики и национальной обороны. Ради достижения экономического благополучия Австралия решила пожертвовать многими своими традиционными ориентирами во внешней политике и по иному взглянуть на место и роль страны в системе экономических и политических международных отношений.

В бесконечных политических дискуссиях того времени прослеживались две главные идеи, завладевшие умами и общественности, и правительственных кругов Австралии — идеи регионализма и мультикультурализма. Суть их сводилась к тому, что Австралия как географически, так и политически является частью Азии, а австралийское общество — частью азиатского общества. Творцами "азиатского направления" внешней политики бывшие премьер-министры Австралии Г. Эванс и П. Китинг предполагали через систему азиатской коллективной безопасности создать благоприятные условия для экономической и политической стабильности в регионе. Впервые в истории Австралии правительство страны предлагало не просто наладить тесные военные связи со странами ЮВА, но и связывало с установлением таких связей будущее страны и ее безопасность.

Идея новой региональной безопасности не являлась чисто австралийским изобретением. Она вполне вписывалась в концепцию "коллективной безопасности", утвердившуюся в Европе в 80-е годы. Европейский лозунг "достижение безопасности вместе с нациями, но не против них" положительно был воспринят в Австралии. Г. Эванс говорил, что ограниченные военные возможности Австралии и ее географическое положение не оставили иного выбора, кроме как добиваться создания своеобразной системы коллективной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе по образцу ОБСЕ в Европе².

Однако в марте 1996 г. в Австралии к власти приходит коалиция либеральной и национальной партии во главе с Дж. Ховардом, которая поставила

Тимошенко Валерий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Хабаровского педагогического университета.

под сомнение правильность проводимой либералами внешней политики. "Азиатский путь" все чаще стал подвергаться критике. Отмечалась тенденция к сокращению активности в регионе австралийской дипломатии. Американские специалисты из Центра "Восток-Запад" отмечали, что "азиатское направление" внешнеполитического курса коалиции представлялось менее ясным, чем у лейбористов, особенно по вопросам участия австралийцев в региональных операциях¹.

Главным приоритетом Австралии в области безопасности правительство Ховарда провозгласило отношения с Соединенными Штатами Америки, Японией, Китаем и Индонезией как "определяющие в региональной безопасности"². Причем на первое место выдвигались отношения именно с США. Как отмечал новый министр иностранных дел А. Даунер: "Австралия должна гарантировать, что обязательства по АНЗЮС помогут Соединенным Штатам поддерживать их передовое военное размещение в регионе"³. Уже в мае 1996 г. во время визита в Австралию командующего ВМФ США Дж. Дальтона австралийское правительство предложило использование северной территории страны для временного размещения американских сил быстрого реагирования. Австралия также выдвинула идею более интенсивного использования уже имевшихся американских военных баз. Об этом, в частности, шла речь в Вашингтоне на переговорах министра обороны Австралии Я. Маклахлена с американскими коллегами. В июле 1996 г. в Австралию для участия в австрало-американских министерских консультациях прибыла представительная делегация США, в которую входили государственный секретарь У. Кристофер, министр обороны У. Перри, начальник объединенных штабов генерал Дж. Шаликашвили и другие высокопоставленные фигуры администрации и вооруженных сил США. Такое представительство было обусловлено, во-первых, необходимостью продления на очередной срок соглашения по аренде военных объектов на территории Австралии, а во-вторых — стремлением заключить дополнительные соглашения в русле новой тихоокеанской политики США. По результатам переговоров были приняты "Совместная декларация по безопасности" и документ под названием "Австралия — США: стратегическое партнерство в XXI веке", более известные как "Сиднейское заявление". Обе стороны провозгласили главными направлениями стратегического сотрудничества борьбу за нераспространение оружия массового поражения и взаимную поддержку при проведении операций "на дальних подступах"⁴.

Правительство Ховарда приветствовало любые шаги, направленные на усиление американского присутствия в регионе. В этом случае появлялась возможность, по выражению политолога М. Бхатиа, "отдохнуть от азиатских проблем, пока американцы в городе"⁵. Тем более, что по соглашению предусматривалось также проведение целой серии военных учений на территории Австралии с участием почти 17 тысяч американских военнослужащих. Дж. Ховард с удовлетворением отмечал, что с подписанием нового соглашения у австралийцев отпала необходимость "выбирать между нашей историей и нашим географическим положением"⁶. Отныне роль страны в системе безопасности определялась как "служба в качестве "южного якоря" американского присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе"⁷.

Вторая половина 1997 г. и весь 1998 год ознаменовался драматическими изменениями в окружающем Австралию экономическом и политическом пространстве. В Азиатско-Тихоокеанском регионе разразился экономический кризис. Вслед за обвалом фондовых рынков практически во всех странах АСЕАН последовало снижение экономических показателей Японии, Южной Кореи и других стран, относящихся к так называемым "азиатским тиграм". Кризис привел к банкротствам крупных азиатских компаний, разорению мелких и средних производителей, массовой безработице. Вслед за экономическим кризисом неминуемо последовал кризис политический. В Индонезии он привел к

свержению режима Сухарто, в Малайзии возник конфликт между премьер-министром и его заместителем, приведший к массовым уличным беспорядкам. Рост ксенофобии в Южной Корее, массовая высылка иммигрантов из Малайзии, погромы китайского населения и всплеск исламского фундаментализма в Индонезии также явились следствием кризиса. Прошедший в Маниле в июле 1998 г. Азиатский региональный форум констатировал, что сложившаяся ситуация создала реальную угрозу безопасности во всем регионе¹⁰.

Австралия также испытала на себе последствия азиатского экономического кризиса. Многие азиатские рынки для страны были потеряны, рос торговый дефицит и иностранный долг, обесценивалась национальная валюта. В обществе развернулись широкие дебаты, в ходе которых предпринимались попытки уяснить причины и последствия данного явления. Дискуссии выявили, что азиатский экономический кризис поставил под сомнение многие жизненно-важные для Австралии утверждения относительно экономической и политической ситуации в регионе. Стало очевидным, что эйфорические заявления специалистов о региональной стабильности не соответствовали действительности. Широко разрекламированная “азиатская экономическая модель” в реальности представляла собой “смесь капитализма с коррупцией и финансовой некомпетентностью, основанной на иностранных инвестициях и экспортно-ориентированной экономике в государствах авторитарного типа”¹¹. “Азиатская демократия”, основанная на конфуцианских и исламских ценностях, подверглась критике за триадизм, кумовство и элитарную систему власти, которые способствуют массовому недовольству и легко могут привести к политической нестабильности, демонстрациям, восстаниям и даже революциям¹². В ходе дискуссий также выявилась несостоятельность таких региональных организаций как АТЭС, АСЕАН и РФБ при решении проблем выхода из сложных экономических и политических ситуаций. Отмечен рост противоречий между входящими в них странами. В частности, возникли трения между Малайзией и Индонезией по проблемам нелегальных иммигрантов, между Таиландом, с одной стороны, Малайзией и Индонезией — с другой, по вопросу сотрудничества с МВФ, между Малайзией и Сингапуром — из-за отказа последнего превратить сингапурский доллар в коллективную валюту АСЕАН.

Большую тревогу у австралийской общественности вызвал рост национализма и религиозного экстремизма в регионе. История показывает, что национализм, как правило, возлагает ответственность за собственные внутренние неудачи на некие внешние силы. Поиск внешнего врага — обычная практика националистов. Руководитель Центра стратегических и оборонных исследований П. Дибб в связи с этим отмечал, что в случае экономического кризиса “национальные лидеры начинают искать “козлов отпущения”, чтобы поддержать собственную ослабленную позицию”¹³. Австралия с ее колониальным прошлым и широким присутствием в регионе в настоящем вполне могла бы претендовать на роль такого “козла отпущения”.

Вполне объяснимо, что столь негативная оценка причин и последствий азиатского экономического кризиса привела к изменению отношения австралийского общественного мнения к политике страны, проводимой в последние годы в регионе. Курс на “вхождение в Азию” и лозунги вроде “Австралия — часть Азии” уже не находили поддержки у большинства австралийцев. В обществе вновь возникли дебаты относительно национальной идентичности австралийцев и места Австралии в мировой системе. Усилились расистские и антииммигрантские настроения. Большинство австралийцев находилось под влиянием в первую очередь расовых, исторических и культурных, а не географических факторов и национальных интересов¹⁴. Это еще раз подтвердил конституционный референдум по вопросу о республике 1999 года, когда большинство австралийцев высказали свою лояльность “великой старушке-матери” и “дяде Сэму”, подтвердив “старую фундаментальную особенность

австралийской внешней и оборонной политики опираться на далекого большого и мощного друга”¹⁵.

Удачный выход Австралии из кризиса, сохранение страной высоких темпов роста временно даже породили среди австралийской правящей элиты некое чувство превосходства над своими азиатскими соседями. Правительство Ховарда в назидательном тоне стало демонстрировать великодушие и благородство своей страны, оказавшей азиатским странам существенную экономическую помощь. Действительно, Австралия участвовала во всех трех программах МВФ по кредитованию Таиланда, Южной Кореи и Индонезии, она пошла на отсрочку платежей по индонезийским долгам, лоббировала смягчение условий предоставления кредитов азиатским странам, неизменно подчеркивая при этом, что истинный друг познается в беде. Дж. Ховард, демонстрируя свое отмежевание от политики Эванса-Китинга, заявлял, что благополучное прохождение Австралии через кризис сделало утверждение о зависимости страны от Азии устаревшим, неуместным и ошибочным. Австралия перестала быть для Азии “попрошайкой, вымаливающей внимание и признание, а стала искренним близким партнером и региональным другом”¹⁶.

Существенной ревизии подверглась политика в области национальной обороны и безопасности. Изменения в этой сфере прослеживались уже в Стратегическом обозрении министерства обороны Австралии за 1997 год. В нем отмечалось, что экономический кризис замедлил темпы модернизации вооруженных сил в странах Азии и значительно повысил стратегический вес Австралии¹⁷. В этих условиях австралийские вооруженные силы призваны решать более широкие задачи в регионе. Как заявил министр обороны страны А. Даунер: “Мы не уверены, что нынешний уровень вооруженных сил будет достаточен для разрешения конфликтов за пределами нашей территории. Мы должны быть уверены, что силы, которые мы развиваем, действительно дадут нам возможность разрешать кризисы, угрожающие нашим интересам”¹⁸. Отсюда делается вывод, что австралийские вооруженные силы должны быть модернизированы и стать “более напористыми перед лицом потенциальных военных угроз в регионе”, к которым в первую очередь относились угроза морским коммуникациям, атаки баллистических и крылатых ракет и распространение оружия массового уничтожения¹⁹.

Впервые в национальной оборонной стратегии не уделялось большого внимания возможности атаки с моря на непосредственно австралийский континент. В Стратегическом обозрении союз с США рассматривался как “политический инструмент эффективного противодействия любому потенциальному агрессору”, в том числе и в случае возможных ядерных атак, а на региональном уровне блок АНЗЮС определялся как “важный компонент, способствующий сохранению военного присутствия США в Юго-Восточной Азии”²⁰.

“Реанимация АНЗЮС” во многом способствовала политика администрации Клинтона в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Соединенные Штаты, стремясь сохранить стабильность в регионе, усилили свою политическую и дипломатическую активность. Претворение в жизнь новой “тихоокеанской доктрины Клинтона” по утверждению “логики и порядка” в АТР с целью “устранения региональных трудностей для американских интересов”, требовало в АТР надежных и сильных союзников”²¹. К числу таких союзников в первую очередь относились Япония и Австралия. При этом из-за возраставшего давления со стороны японской оппозиции против американских баз на Окинаве Вашингтон искал альтернативные варианты для размещения своих вооруженных сил²². После неудачных попыток расширить военное сотрудничество с Таиландом и Малайзией особое место в политике США стала занимать Австралия.

Экономический рост Австралии на фоне азиатского кризиса, усиление ее политического и экономического веса в регионе породили среди правящей

элиты страны мнение о некоей исключительной миссии Австралии если не во всемирном масштабе, то, по крайней мере, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом Дж. Ховард и другие видные деятели правящей коалиции неустанно повторяли, что Австралия никогда не была и не будет "азиатской страной", а ее культурные и политические идеалы связаны с западной цивилизацией. Более того, она призвана взять на себя ведущую роль в сохранении стабильности в Юго-Восточной Азии, предотвращении гуманитарных кризисов и распространении западных идеалов демократии и прав человека.

Стремление правящих кругов по-новому определить роль и место Австралии в регионе и мире привело к появлению так называемой "доктрины Ховарда". В журнале "Бюллетень" от 28 сентября 1999 г. было опубликовано интервью с Дж. Ховардом, в котором он заявил о новой роли Австралии. Согласно этой доктрине, страна должна стать "помощником шерифа", под которым подразумевались Соединенные Штаты Америки, для всего Азиатско-Тихоокеанского региона²³. Хотя Дж. Ховард впоследствии отрицал это приписываемое ему определение, большинство аналитиков тем не менее не сомневались, что в упомянутом интервью излагалась точка зрения правительства на будущую модель австралийской внешней политики.

Последующие внешнеполитические шаги австралийского правительства свидетельствовали о начале реализации "доктрины Ховарда". В первую очередь Австралия отказалась от главного принципа регионального сотрудничества, установленного в АСЕАН, согласно которому не допускалось вмешательство во внутренние дела соседей. Так, австралийское правительство резко критиковало премьер-министра Малайзии М. Махатхира за действия против Анвара Ибрагима, лидера так называемого "реформаторского движения" страны²⁴.

Но наиболее наглядно новые подходы австралийской внешней политики были продемонстрированы в период кризиса вокруг индонезийской провинции Восточный Тимор. Отношения с Индонезией имели для Австралии первостепенное значение среди всех стран АТР. Заключенное в 1995 г. австралийско-индонезийское соглашение явилось кульминацией усилий правительства Китинга по интеграции страны в региональные экономические и политические структуры. В период правления генерала Сухарто экономические, политические и военные связи между двумя странами развивались стабильно. Во многом этому способствовала позиция Австралии по Восточному Тимору. Как известно, в 1976 г. эта бывшая португальская колония была оккупирована индонезийской армией и включена в состав Индонезии. Сделано это было с молчаливого благословения США, видевших в режиме Сухарто оплот борьбы с коммунизмом в регионе. Австралия тогда не только поддержала индонезийскую позицию, но и оказалась практически единственным государством Запада, которое признало Восточный Тимор индонезийской территорией. Кроме того, в 1989 г. был подписан австралийско-индонезийский договор о разделе континентального шельфа, принадлежавшего Восточному Тимору, и создана так называемая "Тиморская зона" для совместного освоения богатых нефтегазовых месторождений. Ситуацию осложняло только возникшее на острове движение сопротивления во главе с Революционным фронтом освобождения Восточного Тимора (ФРЕТИЛИН). Партизанское движение в Восточном Тиморе особенно усилилось после экономического кризиса 1998 г. и падения режима Сухарто. Организация Объединенных Наций при поддержке США стала требовать пересмотра статуса Восточного Тимора и проведения на острове референдума по вопросу о его будущем.

Австралийская позиция по Восточному Тимору также стала меняться. С 1998 г. в заявлениях министерства иностранных дел Австралии постоянно упоминалась необходимость пересмотра статуса этой территории. В декабре 1998 г. Дж. Ховард направил личное послание президенту Индонезии Хабиби, в котором предлагал провести референдум по вопросу о статусе провинции²⁵.

Более того, Австралия выразила готовность предоставить свои вооруженные силы для проведения на острове миротворческой операции в нарушение достигнутых ранее соглашений с Индонезией о признании границ и невмешательстве во внутренние дела.

Изменение австралийской позиции по отношению к Индонезии объяснялось по-разному. Часть аналитиков полагала, что на правительство Дж. Ховарда было оказано давление как внешнее (позиции США и ООН), так и внутреннее (возмущение общественности нарушением прав человека). Другие называли экономические и гуманитарные причины. Российский исследователь С. А. Полхов считает, что политика Австралии в Восточном Тиморе полностью соответствовала “доктрине Ховарда” и являлась попыткой закрепить за собой лидерство в региональных отношениях с помощью новых методов, не исключая применения силы в ограниченных масштабах, при условии создания соответствующей коалиции и поддержке США²⁶. Соглашаясь с этой точкой зрения, следует добавить, что за действиями правительства Дж. Ховарда прослеживался определенный расчет. Совершенно очевидно, что будущее правительство Восточного Тимора в экономическом, политическом и военном отношении полностью оказалось бы зависимым в первую очередь от Австралии, а Индонезия со слабым правительством и деморализованной после антимилитаристских студенческих выступлений армией вряд ли пошла бы на военную конфронтацию с Австралией, США и ООН.

В конце 1999 г. согласно резолюции Совета Безопасности ООН № 1243 на Восточный Тимор стали прибывать первые подразделения Международных сил для Восточного Тимора (ИНТЕРФЕТ). Вопреки позиции Индонезии, выступившей против участия Австралии в операциях, австралийские подразделения составили более половины всего многонационального контингента ООН. Более того, во главе Международных сил был поставлен австралийский генерал П. Косгроув. К операции также были подключены австралийские военноморские и военно-воздушные силы. Помимо военных расходов, Австралия обязалась предоставить Восточному Тимору экономическую помощь на сумму 48,8 млн долларов США²⁷.

Позиция Австралии по Восточному Тимору вызвала негативную реакцию в большинстве стран ЮВА, опасавшихся повторения аналогичных “гуманитарных интервенций” на территории собственных стран. Премьер-министр Малайзии М. Махатхир, резко критикуя австралийскую политику, заявил: “Австралия уже заговорила, что она — азиатский помощник американского полицейского. Это — нескрываемое высокомерие. Когда австралийцы претендуют на то, чтобы быть азиатами, это значит — они хотят господствовать в Азии”²⁸.

Резко ухудшились австралийско-индонезийские отношения. Индонезия рассматривала политику своего южного соседа как неожиданный “удар в спину”, нанесенный, казалось бы, старым и проверенным партнером. Она обвинила австралийское правительство в поощрении сепаратистских тенденций в других индонезийских провинциях и выразила опасение относительно возможности повторения тиморского варианта в других частях страны. Индонезия также разорвала договор о безопасности и рекомендовала своим предпринимателям переориентироваться с Австралии на поставщиков из других стран.

В дальнейшем австралийское правительство допустило еще ряд ошибок в отношениях с этой крупнейшей мусульманской страной. В середине октября 1999 г. Дж. Ховард поддержал кандидатуру Мегавати Сукарнопутри (дочь первого президента Индонезии) на пост главы государства. Он выступил с заявлением об этом накануне выборов Народной Консультативной Ассамблеей Индонезии нового лидера. Однако на следующий день оказалось, что Ассамблея избрала президентом исламиста Абдурахмана Вахида. Между новым индонезийским руководителем и австралийским правительством сразу же уста-

новились натянутые отношения. А. Вахид, выступая перед деловыми кругами в Пекине, заявил, что отношения между его страной и Австралией могут ухудшиться, если австралийское правительство не откажется от своего "детского" отношения к Индонезии²⁹.

В этой напряженной обстановке правительство Дж. Ховарда получило еще один неожиданный удар. Лидер Восточного Тимора Санана Гусмао вдруг начал демонстрировать свою лояльность к Индонезии, исходя из того, что дружеские отношения с этой страной гораздо важнее финансовой поддержки Австралии. Он попросил уменьшить военное присутствие ИНТЕРФЕТ на острове и даже покинуть столицу страны Дили. Более того, по мнению С. Гусмао, Восточному Тимору не нужны такие огромные суммы, которые обязалась предоставить Австралия. Кроме того, Национальный Совет Тиморского сопротивления объявил незаконным договор о разграничении морских зон в Тиморском море, подписанный между Австралией и Индонезией еще в период правления Сухарто. Австралия хотела продлить этот договор по умолчанию и министр иностранных дел А. Даунер убеждал восточнотиморцев в выгоде получения Восточным Тимором индонезийской доли от разработки нефти и газа в проливе. Но С. Гусмао заявил о необходимости проведения новой серии переговоров³⁰.

Действия на Восточном Тиморе были не единственным случаем участия австралийских вооруженных сил в миротворческих операциях в регионе. Главной болью для австралийских политиков стали события на острове Бугенвиль, входившим в состав бывшей австралийской колонии Папуа — Новая Гвинея. В 1989 г. на острове местное население подняло восстание против хищнической эксплуатации природных богатств иностранными компаниями (главное богатство острова — крупные залежи меди, содержащие золото и серебро). В апреле 1998 г. многолетняя партизанская борьба закончилась подписанием соглашения между правительством ПНГ и повстанцами о прекращении огня. Австралия послала в качестве наблюдателей персонал из 240 человек. Однако часть повстанцев отказалась признавать соглашение и пригрозила открывать огонь на поражение, если в контролируемой ими зоне появятся австралийские наблюдатели³¹. Схожие проблемы имели место и в ряде провинций Соломоновых островов. Как отмечают обозреватели, миротворчество обходится Австралии слишком дорого. Только на поддержание мира в Бугенвиле в 1999г. было израсходовано 24 млн долларов³².

Миротворческие операции на Восточном Тиморе и на острове Бугенвиль явились крупнейшим событием в австралийской истории. Они свидетельствовали о воплощении в жизнь новой австралийской внешней политики. Но в то же время претворение в жизнь "доктрины Ховарда" требовало внесения серьезных изменений в государственный бюджет. Многие австралийцы стали задаваться вопросом, а выдержит ли увеличение военных расходов экономика страны. Ответы на эти и другие вопросы правительство попыталось дать в "Белой книге" министерства обороны за 2000 год.

В "Белой книге" выделяются три главных приоритета оборонной политики: "опора на собственные силы" в обороне Австралийского континента, вовлеченность в региональные дела (Восточный Тимор, Бугенвиль, Папуа-Новая Гвинея, Соломоновы острова), а также выдвижение на дальние рубежи обороны (поддержка США в возможных конфликтах как в регионе, так и за его пределами). При этом в документе указывалось, что никакая страна не имеет намерения или способности использовать вооруженную силу против Австралии³³. Поэтому к числу потенциальных конфликтов, которые могли бы угрожать интересам страны, были отнесены внутренние беспорядки практически во всех странах региона, международные конфликты вокруг Кореи и Тайваня, а также распространение оружия массового уничтожения. К решению именно этих проблем и должны быть готовы австралийские вооруженные силы совместно с главным стратегическим союзником — Соединенными Штатами Амери-

ки, которые "будут оставаться доминирующей экономической, культурной и военной мощью в Азиатско-Тихоокеанском регионе в течение следующих, по крайней мере, 20 — 30 лет"³⁴. Поэтому союзнические отношения в рамках АНЗЮС будут подтверждены в полной мере, включая сотрудничество по сдерживанию возможного ядерного нападения. В "Белой книге" также отмечается, что австралийские интересы включают в себя установление "новых оборонных отношений" с Индонезией, что Новая Зеландия по-прежнему рассматривается как "ценный военный партнер", а ключевым стратегическим партнером в Южной части Тихого океана будет Папуа-Новая Гвинея"³⁵.

В связи с новыми задачами особое место в структуре будущей австралийской армии должны будут занимать профессиональные, хорошо обученные и хорошо вооруженные силы быстрого реагирования, приспособленные и для осуществления миротворческих операций, и для операций по принуждению к миру"³⁶. Это касается не только близлежащих к Австралии территорий, но и всего Азиатско-Тихоокеанского региона, что соответствует духу "доктрины Ховарда". Действительно, в новой стратегии значительный приоритет отдается развитию сухопутных войск, штурмовой авиации, подразделениям разведки и обеспечения. Предполагалась также более тесная координация с гражданскими структурами по развитию прибрежной системы наблюдений, борьбе с незаконной иммиграцией, контрабандой, незаконным морским промыслом и терроризмом.

Реорганизация вооруженных сил потребовала от правительства Дж. Ховарда последовательного увеличения расходов на оборону в течение ближайших десяти лет. Только в 2000-2001 году военный бюджет был увеличен до 10, 42 млрд ам. долл. Планируется последующее увеличение военных расходов на три процента в год"³⁷. Многие специалисты выражали сомнения, что программа будет выполнена из-за возможных финансовых проблем. Однако последующие события опровергли эти сомнения. Правительство Ховарда, получив кредит доверия избирателей на очередных парламентских выборах, постоянно наращивало оборонные расходы. Это позволило Австралии принять активное участие в операциях США в Афганистане и Ираке, проводить жесткую антииммиграционную политику, даже угрожать соседним государствам военными акциями в случае террористической опасности. Объявленная в начале 2004 г. новая оборонная концепция не оставляет сомнения в приверженности Австралии "доктрине Ховарда", только на сей раз в еще более усиленном варианте. Роль "американского шерифа" постепенно приобретает не региональный, а всемирный характер.

1. The Guardian, 5 February 2004
2. Foreign Relations Journal: Philippine Council for Foreign Relations. Manila, 1990. Vol. 5. No 3. P. 13.
3. Asia-Pacific Security Outlook./ Ed. by Charls E. Morrison: East-West Center. Honolulu, 1997. P. 14.
4. White Paper 1997: Department of Foreign Affairs and Trade. Canberra 1997// <http://www.dfat.gov.au>
5. Australia and the United States: A Vital Friendship. A speech by the Minister for Foreign Affairs, Alexander Downer. May 29, 1996// <http://australiapolitics.com/foreign/anzus/96-05-29downer.shtml>
6. See: Tow W. T. Assessing U.S. Bilateral Security Alliances in the Asia Pacific's "Southern Rim": Why the San Francisco System Endures// <http://rspas.anu.edu.au/ir/publications.html>; Robin Lim. Australian Security after the Cold War // Orbis. Philadelphia, 1998. Vol.42. No 1. P. 99.
7. See: Manjit Bhatia. Advance and Retreat: The Domestic Sources of Australia's Foreign Policy Turmoil// Pacific Focus. Vol. XIII. No. 1 (Spring 1998). Inhon, Korea. P. 89.
8. The Weekend Australian. 27 August 1996.
9. The Australian. 28 August 1996.

10. ARF Ministerial Meeting, 26-27 July 1998//Australian Member Committee of Security Cooperation in the Asia-Pacific. Strategy and Defence Study Center: Australian National University. Canberra, 2001// <http://ausCSCAP.anu.edu.au>
11. See: Mohan Malik. Recent Security Development in Asia-Pacific// Australian Member Committee of Security Cooperation in the Asia-Pacific: Strategy and Defence Study Center, Australian National University. Canberra, 2001// <http://ausCSCAP.anu.edu.au>
12. See: Christopher W. Hughs. Globalization and Security in the Asia-Pacific: An Initial Investigation// CSGR Working Paper No 61/00: University of Warwick, UK. 2000. P. 10.
13. Paul Dibb. The End of Asian Miracle? Will the Current Economic Crisis Lead to Political and Social Instability?// Australia National University. Strategy and Defence Study Center Newsletter. Spring 1997/summer 1998// <http://ausCSCAP.anu.edu.au>
14. See: Cavan Hogue. Perspectives on Australian Foreign policy, 1999// Australian Journal of international affairs. Vol. 54. No.2. 2000. P. 142.
15. Ibid. P. 141.
16. See: Garry Smith. Perspectives on Australian Foreign policy, 1998// AJIA. Vol.53. No 2. July 1999. P. 195.
17. Australia Department of Defense. Australia's Strategic Policy. Canberra: Commonwealth of Australia, 1997. P. 5// <http://www.dod.gov.au/minister/sr97/welcome.html>
18. See: Garry Smith. Op. cit. P. 201.
19. Australia Department of Defense... Pp. 30-31, 37-38// <http://www.dod.gov.au/minister/sr97/welcome.html>
20. Ibid. Pp. 18-19.
21. See: Robin Lim. Australian Security after the Cold War // Orbis. Philadelphia, 1998. Vol.42. No 1. P. 99.
22. See: Manjit Bhatia. Op. cit. P. 88.
23. See: Cavan Hogue. Perspectives on Australian Foreign policy, 1999// Australian Journal of International affairs. Vol.54. No 2. 2000. P. 148.
24. Age. 16 November 1998.
25. Australian government. Department of Foreign Affairs and Trade// Annual Report. 1998-1999// www.dfat.gov.au
26. См.: Полхов С. А. Восточный Тимор в контексте американо-австралийских отношений// США и Канада. Экономика. Политика. Культура. № 1. 2003. С. 45-58.
27. Asia-Pacific Security Outlook./ Ed. by Charls E. Morrison: East-West Center. Honolulu, 2000. P. 28.
28. Цит. по: Полхов С. А. Указ. соч. С. 61.
29. Восточный Тимор и внешнеполитический курс Австралии// <http://political.narod.ru/ARCHIVE/timor.html>
30. Там же.
31. Азия и Африка сегодня. № 1. 1999. С. 37-38.
32. Defender. The National Journal of the Australia Defence Association. Autumn 2001. P. 14 -15// www.ada.asn.au
33. Defence Review 2000 — Our Future Defence Force: Department of Defence. Canberra, June 2000. P. viii.
34. Defence Review. P. 10.
35. Ibid. P. 19-36.
36. Ibid. P. 47.
37. Ibid. P. 59.

Экономика

Интеграция российской экономики в мировую экономику как общее условие обеспечения безопасности

© 2005

А. Чиркин

Преодоление последствий длительного пребывания СССР в условиях фактической изоляции от капиталистического мира стало важнейшим условием успешного проведения рыночных реформ. Для его создания требовалось, с одной стороны, найти пути и способы интеграции в мировую экономику, а с другой, — не превращая это в самоцель, использовать внешний фактор для вывода своей экономики из состояния кризиса и направить ее в русло рыночного развития. Поскольку экономическая безопасность зависит, в первую очередь, от состояния и возможностей национальной экономики, в условиях кризиса обеспечить ее подъем только за счет внутренних ресурсов является задачей малореальной. Состояние российской экономики в начале реформ было таково, что выход из тяжелейшего социально-экономического кризиса и обеспечение общей национальной безопасности требовали самого широкого использования внешнего фактора. Требовалось как можно скорее и эффективнее "вписаться" в мировое разделение труда, предпочтительнее в тот его сектор, который сформирован промышленно развитыми странами. Неотложность решения задачи проистекала из необходимости повышения уровня национальной безопасности в целом, а необеспеченность экономической безопасности способна подорвать все ее остальные аспекты. Поэтому с первых же дней существования РФ российское руководство приняло курс на интеграцию в мировую экономику через установление и расширение масштабов внешнеторгового и экономического сотрудничества на двусторонней и многосторонней основах. Провозглашение курса на открытость экономики сразу открыло перед Россией перспективу рано или поздно быть принятой в число стран с рыночной экономикой, реализующей свою продукцию на мировых рынках по нормам и правилам, установленным ранее. Вместе с тем открытость экономики стала представлять существенную угрозу. Но, хотя в стратегическом плане открытость относится к положительным факторам, требовалась осторожность в определении степени такой открытости.

Использовать возможности, открываемые глобализацией, Россия и другие развивающиеся страны могут, активно развивая региональные и более широкие связи. С одной стороны, Российская Федерация в целом является участником глобальных, общемировых политических и экономических процессов, а с другой, — европейская часть российской экономики объективно и преимущественно тяготеет к Европе, к сотрудничеству с ЕС. Сибирь также больше ориентирована на европейскую часть России и на ЕС. Но одновременно она заинтересована и в доступе к восточноазиатским и тихоокеанским рынкам. Но Дальний Восток геоэкономически и с точки зрения вектора хозяйственных связей ближе к Северо-Восточной Азии и АТР. Поэтому место России в Восточной Азии можно представить в двух измерениях — как глобализирующейся экономики, и как экономики региональной, представленной в этом своем качестве экономикой российского Дальнего Востока и части Сибири. Иначе говоря, России требуется региональная интерпретация глобальных российских интересов и глобальная трактовка региональных интересов субъектов Российской Федерации. Задача проведения такой политики в жизнь усложняется по мере приближения момента вступления России в ВТО.

Возникала и другая трудность, препятствующая интеграции российской экономики в мировую. Либерализация требовала определенной прозрачности государственных границ. В России же урегулирование государственных границ требовало времени и сил, к тому же по мере решения такой задачи происходили изменения в приграничных районах. Протяженность граничных линий всегда затрудняет их охрану, а у России не хватало средств на их необходимое обустройство. Помимо перечисленных проблем, России нужны были средства на организацию собственных вооруженных сил, проведение военной реформы и т.п. Ей предстояло также присоединиться к ряду международных валютно-финансовых организаций, реорганизовать собственную банковско-финансовую систему с учетом изменений в экономической и социальной структурах.

Кроме того, в отношениях между РФ и другими странами СНГ возникли проблемы, связанные с торговыми и платежными балансами, введением национальных валют, зачетом взаимных долгов, распределением активов и пассивов бывшего СССР по внешнему и внутреннему долгу, налаживанием таможенного регулирования. В России же продолжались экономический спад и рост цен, началась непродуманная конверсия предприятий военно-промышленного комплекса. Запасы валюты и продовольствия были на исходе, углубился бюджетный дефицит, нарушались платежные балансы. Но при этом в январе 1992 г. в стране началось проведение экономических реформ методом “шоковой терапии”, к чему наша страна оказалась не готова. Она не располагала необходимой законодательной базой, которая действительно отражала бы российские реалии, отсутствовал опыт развития экономики в условиях всеобщей либерализации экономических устоев, государство, освобожденное от командно-административных функций, не овладело по сути дела регулирующими функциями. В результате национальная и экономическая безопасность страны оказались под угрозой.

Все эти обстоятельства требовали новых подходов к проблемам безопасности в целом.

Утверждение новой государственности в России связывали в первую очередь с обеспечением общей национальной безопасности, созданием благоприятных внешних условий для проведения внутренних экономических реформ. В 1992 г. был принят действующий по настоящее время Закон Российской Федерации “О безопасности”, в котором категория безопасности была сформулирована на основе общенациональных интересов. Безопасность в дан-

ном законе трактуется как "состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз"¹.

В тот момент внешняя политика России стала важнейшим механизмом реализации задач по обеспечению безопасности государства от внешних угроз.

Вскоре, однако, под влиянием трудной ситуации, которая складывалась в российской экономике, возникла потребность определить и сформулировать главную задачу государства по защите экономических интересов. В правовом отношении эта задача была решена путем принятия федерального Закона о государственном регулировании внешнеторговой деятельности Российской Федерации от 13 октября 1995 г., который в дальнейшем претерпел ряд изменений. Экономическая безопасность в Законе 1995 г. рассматривалась с точки зрения защиты РФ от внешних угроз. Об этом свидетельствуют цели данного закона, ранжированные по степени убывания их значения. В документе зафиксировано, что такими целями являются "защита экономического суверенитета, обеспечение экономической безопасности Российской Федерации, стимулирование развития национальной экономики при осуществлении внешнеторговой деятельности и обеспечение условий эффективной интеграции экономики РФ в мировую экономику"².

Важным положением данного закона являлась задача обеспечения интеллектуальной собственности, что означало официальное признание личного права на литературные, художественные и научные произведения, программы для ЭВМ и базы данных, на изобретения, промышленные образцы и т.п.

Указанным законом государство было обязано руководствоваться соблюдением следующих принципов регулирования внешнеэкономической деятельности:

- единство внешнеторговой политики как составной части внешней политики РФ;
- единство системы государственного регулирования и контроля над внешнеэкономической деятельностью;
- единство политики экспортного контроля в целях обеспечения национальной безопасности, политических, экономических и военных интересов, а также выполнения международных обязательств РФ по недопущению вывоза оружия массового уничтожения и иных, наиболее опасных видов вооружений;
- единство таможенной политики РФ;
- приоритет экономических мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности;
- защита государством прав и законных интересов участников внешнеэкономической деятельности;
- исключение неоправданного вмешательства государства и его органов во внешнеторговую деятельность, нанесения ущерба его участникам и экономике РФ в целом.

Согласно данному закону, правительство РФ должно было обеспечивать проведение единой государственной внешнеторговой деятельности, принимать временные меры по защите внутреннего рынка и решения об определении величины ставок таможенного тарифа, вводить количественные ограничения экспорта и импорта, принимать в пределах своей компетенции решения о проведении переговоров и подписании международных договоров РФ.

Значение указанного закона заключается также в том, что в нем впервые было представлено официальное определение понятия "экономическая безопасность". Законодатель утверждал, что "экономическая безопасность — состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического и оборонного существования и прогрессивного развития Российской

Федерации, неуязвимость и независимость ее экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям"³.

Однако в этом законодательном акте были, на наш взгляд, некоторые существенные пробелы. Ни в этом, ни в каком-либо другом законе не было в то время прописано, кто и каким образом возглавляет и координирует работу государственных органов в области экономической безопасности, какие действия надлежит предпринимать в той или иной конкретной ситуации. Организационная работа по вопросам экономической безопасности на федеральном уровне велась также недостаточно эффективно. Так, до последнего времени существовала только комиссия по экономическим вопросам при Совете безопасности РФ. Тем не менее, нельзя и утверждать, что работа в этом направлении не велась совсем. В результате многочисленных доработок и дополнений, необходимость в которых была вызвана практикой, был отменен Закон 1995 г. Его заменил новый Федеральный закон "Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности", принятый Государственной Думой Российской Федерации 21 ноября 2003 г.⁴

В новом законе отсутствует формулировка понятия экономической безопасности РФ, но сказано (статья 1), что "настоящий Федеральный закон определяет основы государственного регулирования внешнеторговой деятельности, полномочия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области внешнеторговой деятельности в целях обеспечения благоприятных условий для внешнеторговой деятельности, а также защиты экономических и политических интересов Российской Федерации"⁵.

Однако фактически суть экономической безопасности в законе толкуется в отдельных пунктах статьи 6, определяющих функции Российской Федерации в области внешнеторговой деятельности:

- формирование концепции и стратегии развития внешнеторговых связей и основных принципов торговой политики Российской Федерации (пункт 1);
- защита экономического суверенитета и экономических интересов Российской Федерации, экономических интересов субъектов Российской Федерации и российских лиц (пункт 2);
- установление обязательных на всей территории Российской Федерации требований и критериев безопасности для жизни или здоровья граждан имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества, окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений при ввозе в Российскую Федерацию товаров и правил контроля над ними (пункт 4);
- определение порядка вывоза из Российской Федерации и ввоза в Российскую Федерацию делящихся (расщепляющихся) ядерных веществ, отравляющих, взрывчатых, ядовитых веществ, опасных отходов, сильнодействующих, наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, биологически активных материалов (донорской крови, внутренних органов и других материалов), генетически активных материалов (культур грибов, бактерий, вирусов, семенного материала животных и человека и иных материалов), животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения, их частей и дериватов, а также иных товаров, которые могут оказать неблагоприятное воздействие на жизнь или здоровье граждан, жизнь или здоровье животных и растений, окружающую среду (пункт 5);
- определение порядка вывоза из Российской Федерации товаров, составной частью которых является информация, составляющая государственную тайну (пункт 11).

В новом варианте закона более детально разработаны основные принципы государственного регулирования внешнеторговой деятельности, которыми должна сейчас руководствоваться Россия (статья 4). Ими являются:

- 1) защита государством прав и законных интересов участников внешнеторговой деятельности, а также прав и законных интересов российских производителей и потребителей товаров и услуг;
- 2) равенство и отсутствие дискриминации участников внешнеторговой деятельности, если иное не предусмотрено федеральным законом;
- 3) единство таможенной территории Российской Федерации;
- 4) взаимность в отношении другого государства (группы государств);
- 5) обеспечение выполнения обязательств Российской Федерации по международным договорам Российской Федерации и осуществление возникающих из этих договоров прав Российской Федерации;
- 6) выбор мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности, являющихся не более обременительными для участников внешнеторговой деятельности, чем необходимо для обеспечения эффективного достижения целей с помощью мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности;
- 7) гласность в разработке, принятии и применении мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности;
- 8) обоснованность и объективность применения мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности;
- 9) исключение неоправданного вмешательства государства или его органов во внешнеторговую деятельность и нанесения ущерба участникам внешнеторговой деятельности и экономике Российской Федерации;
- 10) обеспечение обороны страны и безопасности государства;
- 11) обеспечение права на обжалование в судебном или ином установленном законом порядке незаконных действий (бездействия) государственных органов и их должностных лиц, а также права на оспаривание нормативных правовых актов Российской Федерации, ущемляющих право участника внешнеторговой деятельности на осуществление внешнеторговой деятельности;
- 12) единство системы государственного регулирования внешнеторговой деятельности;
- 13) единство применения методов государственного регулирования внешнеторговой деятельности на всей территории Российской Федерации.

Таким образом, в РФ на сегодняшний день имеется законодательство, защищающее ее экономические интересы на международной арене. Останемся теперь, как этого требует логика исследования, на внешних факторах, которые влияют на уровень обеспечения экономической безопасности в рамках общей национальной безопасности России, так как после распада СССР первоочередной задачей Российской Федерации было сохранение ее независимости и суверенитета.

Мировой опыт свидетельствует, что страна сохраняет свою экономическую независимость в том случае, если доля импорта к внутреннему потреблению колеблется в пределах 20-25%. Любое ее повышение угрожает стабильности национальной экономики.

В РФ положение было совсем иным: в 1991 г. доля импорта в структуре внутреннего потребления России составляла 47,5%, и даже в 2000 г. она превышала 40%⁶. Исправить это было возможно двумя путями: во-первых, развивая отечественное производство и, повышая конкурентоспособность своих товаров на внешних рынках и, во-вторых, налаживая более сбалансированные и экономически эффективные отношения с внешнеторговыми партнерами путем увеличения экспорта и привлечения инвестиций, осваивая новые нормы и прави-

ла международной рыночной торговли. Иначе говоря, ситуация объективно подводила к тому, что переход России к утверждению и развитию рыночных отношений внутри страны не может обойтись без диверсифицированных внешних связей и шагов по пути интегрирования в мировую экономику.

Внешняя политика новой России с самого начала складывалась как асимметричная — приоритет в ней отдавался атлантическому, западному направлению. В значительной степени это было оправдано. Европейским путем идет не только Америка, но значительная часть Азии, особенно ее восток и юго-восток. Но РФ в то время не располагала четкой сформулированной доктриной внешней политики, ее концепции были расплывчаты, цели недостаточно четко определены ввиду того, что политический консенсус в РФ достигался с большим трудом, и внешняя политика нового российского государства испытывала на себе влияние, как левых, либеральных, так и правых консервативных сил. Официальные документы и политические заявления российских руководителей говорили в пользу сохранения такого важного направления советской внешней политики как сохранение мира и безопасности, в том числе на европейском континенте. Критика дисбаланса российской внешней политики, нацеленной, прежде всего, на развитие отношений с Западом в ущерб отношениям с Востоком, почти не принималась в расчет политической элитой России. Немаловажную роль здесь играли такие факторы, как превращение России в крупного международного должника. Основы ее задолженности, которую она должна была погашать как правопреемница Советского Союза, закладывались в советское время. Масштабные заимствования советского правительства под "перестройку" привели к увеличению внешнего долга с 30 млрд долл. США в середине 1980-х гг. до суммы, превысившей 60 млрд долл. в начале 1990-х гг.¹

В связи с высокой задолженностью усилилось и влияние западных стран на экономическую безопасность России, чей долг превратился в важнейший фактор ее привязки к западноевропейскому направлению. Под нажимом "Большой семерки" 28 октября 1991 г. от имени Союза и восьми союзных республик в Москве был подписан так называемый меморандум о взаимопонимании, которое рассматривалось Западом как необходимое условие для утверждения пакета финансовой помощи, основным компонентом которого было предоставление отсрочки платежей по внешнему долгу СССР.

В сентябре 1991 г. по кредитному рейтингу СССР занимал 111-е место в мире против 18-го места в 1988 г.²

Инвентаризация задолженности Российской Федерации как правопреемницы СССР показала, что по состоянию на конец 1991 г. внешний долг России в СКВ, то есть без задолженности в переводных рублях и других замкнутых валютах, составлял более 65 млрд долл., в том числе более 5 млрд просроченных платежей. Краткосрочная задолженность (сроком менее одного года) составляла 20% суммарной задолженности. Из средне- и долгосрочных кредитов на долю официальных кредиторов — членов Парижского клуба приходилось более половины этой категории долга при ее значительной концентрации в руках нескольких наиболее крупных кредиторов из "Большой семерки".

К 1994 г. внешняя задолженность РФ достигла огромной для нее суммы — 90 млрд долл.³ Германия, наиболее мощная экономическая страна Европы, была главным кредитором России и больше остальных членов Парижского клуба была заинтересована в реструктуризации долга.

В 1998 г., по сообщению Внешэкономбанка РФ, общая сумма задолженности России другим государствам и международными валютно-финансовыми организациями достигла 123,5 млрд долл. США.

В такой ситуации Россия большие надежды возлагала на внешнюю экономическую помощь, активизацию своих действий по установлению конструк-

тивных отношений, прежде всего, с развитыми странами Европы и Соединенными Штатами.

Экономические вызовы Китая

Ориентация российских политиков на сотрудничество РФ с Западом оказалось достаточно опасной. Развивающиеся страны постепенно выходили на прямую линию экономического роста, многие из них стали известны как новые индустриальные страны Азии. На российском Дальнем Востоке не была окончательно урегулирована государственная граница с Китаем, не было мирного договора с Японией, претендующей на Южные Курилы, свернулись экономические связи с Монголией и Северной Кореей. В то время как в России продолжалось падение производства, Китай быстро наращивал темпы его роста, делая огромные успехи в развитии рыночной экономики. Появление в непосредственной близости дальневосточных границ Российской Федерации экономически сильного государства с независимой внешней политикой, но стесненного территориально и развивающегося в условиях дефицита внутренних ресурсов, бросало соседней России мирные экономические вызовы. При этом Китай уже начал переходить от относительно пассивной внешней политики, главной целью которой было обеспечение благоприятных условий для экономических реформ, к политике, превращающей КНР в реального участника глобальных перемен во внешней политике, военной и экономической политике и политике безопасности мирового сообщества. Эти обстоятельства требовали от России адекватного ответа.

К середине 1990-х гг. внешнеполитическая доктрина РФ стала обретать более четкие контуры. Ее новой существенной чертой стало стремление к сбалансированности различных географических направлений внешней политики и приоритетов. Для российского политического руководства стало ясно, что решение проблем экономической и общей безопасности невозможно без налаживания отношений со странами Востока, в первую очередь, с Китаем. Масштабы мирных китайских вызовов, (а среднегодовые темпы роста китайской экономики на протяжении последних десяти и более лет превышают 9%), и уязвимость России перед ними, несомненно, диктуют необходимость развития добрососедских, конструктивных российско-китайских отношений.

За последние полтора десятка лет характер связей между Россией и Китаем стал определяться как глобальное партнерство. В основу российско-китайских отношений был положен Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, подписанный в Москве 16 июля 2001г.¹⁰. Особенно важным представляется зафиксированный в этом документе полный отказ обеих сторон от каких-либо территориальных претензий друг к другу на всей протяженности российско-китайской границы. Таким образом, заложены необходимые правовые условия для национальной безопасности сторон, а также для институализации трансграничной торговли.

Подписанию договора предшествовало заключение и других российско-китайских соглашений, которые существенно улучшили отношения между этими двумя странами. Во исполнение, например, российско-китайского соглашения 1996 г. были осуществлены меры по повышению стратегической стабильности на уровне сил общего назначения в зоне схождения границ России и Китая на Дальнем Востоке и Забайкалье. В итоге возможности и России, и КНР сосредоточить свои усилия на развитии сотрудничества на других, не менее приоритетных стратегических направлениях существенно расширились.

В настоящее время система российско-китайских отношений проявляет устойчиво высокую динамику развития, располагает детально разработанной правовой базой, разветвленной организационной структурой двустороннего

взаимодействия, широкими связями на всех уровнях. Действует порядок ежегодных встреч высших руководителей двух государств. Интенсивно развиваются двусторонние отношения на региональном уровне. На сегодняшний день подписано более 100 соглашений о сотрудничестве между властями административно-территориальных единиц различного уровня.

Переговоры Президента РФ В.В. Путина с Председателем КНР Ху Цзиньтао в Пекине в октябре 2004 г. привели к подписанию 14 документов¹¹, в их числе, политического пакета, который полностью регулирует все спорные вопросы, касающиеся российско-китайской границы и совместного использования ее водной части. В настоящее время российско-китайская граница на всей ее протяженности получила юридическое оформление¹².

Результаты переговоров в Пекине по вопросам экономического сотрудничества отвечают задачам обеспечения безопасности России в сфере экономики, так как показывают углубление взаимной заинтересованности сторон в дальнейшем учете взаимных интересов. Россия стремится завоевать энергетический рынок в Восточной Азии, а Китай рассчитывает на расширение доступа к сырьевым ресурсам Сибири и российского Дальнего Востока.

Большое значение для РФ имеет принятое высшим руководством КНР решения о поддержке скорейшего присоединения России к Всемирной торговой организации. Об этом свидетельствуют итоги российско-китайских переговоров о доступе на рынки двух стран при присоединении России к ВТО, подписанные соответствующие документы, заявление о признании друг друга в качестве стран с полностью рыночной экономикой. В совместной декларации Россия и Китай выразили желание после присоединения России к ВТО укреплять сотрудничество в рамках данной организации на основе принципов взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды.

Новые перспективы открываются в области сотрудничества РФ и КНР в АТР. Россия и Китай намерены способствовать формированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе целостной кооперативной системы безопасности и сотрудничества с равными правами для всех государств-участников. Стороны признают актуальность инициативы Шанхайской организации сотрудничества о постепенном создании в АТР партнерской сети многосторонних объединений.

Особенно следует отметить Российско-китайский план действий на 2005-2008 гг. Документ принят в развитие Договора 2001 г., и его реализация будет во многом определять характер и уровень взаимодействия двух стран в практических областях на указанные годы. Большое место в плане отведено задаче наращивания темпов торгово-экономического сотрудничества сторон.

Китай сегодня — это один из наиболее активных и крупных российских торговых партнеров, объем товарооборота РФ и КНР в 2003 г. приблизился к 16 млрд долл. США (15.760,62 млн долл.), увеличившись, таким образом, более чем на треть только за последний год (32,1% по сравнению с 2002 г.). По заключению экспертов, объем российско-китайской торговли к 2010 г., если российский ВВП удвоится, достигнет 60 млрд долл.¹³

Наиболее перспективной сферой экономического сотрудничества РФ и КНР признается торговля энергетическими ресурсами (нефть), реализация совместных проектов по поставкам российских нефти и природного газа в Китай.

Еще одной областью взаимодействия двух стран становится сотрудничество в сфере разведки и освоения природных ресурсов на территории России. Китайские компании проявляют готовность совместно с нефтяными компаниями России на условиях равенства и взаимной выгоды развивать сотрудничество в сфере разведки и освоения нефтегазовых месторождений¹⁴. Ведутся переговоры по проекту поставок газа из Ковыктинского газоконденсатного мес-

торождения в Иркутской области России потребителям в Китае и Южной Корее.

Наиболее перспективными сферами двустороннего взаимодействия, по определению В.В. Путина на последнем саммите в Пекине, являются высокотехнологичные области, топливно-энергетический комплекс, наука, атомная энергетика, освоение космоса и создание передовых технологий.

Экономически значимым можно считать также инвестиционное сотрудничество России и Китая. По данным министерства торговли КНР, на начало 2003 г. на территории Китая было зарегистрировано почти полторы тысячи предприятий с участием российского капитала. В России насчитывалось около тысячи такого рода объектов, в которые было вложено китайской стороной 207 млн долл. Китайские инвесторы помещают капиталы в небольшие по масштабам предприятия, которые не решают крупные экономические задачи и сокращают время оборота средств.

В развитии российско-китайских отношений большую роль играет сотрудничество в области транспортной инфраструктуры. Одной из важнейших задач, стоящих перед недавно организованным открытым акционерным обществом "Российские железные дороги" является создание кратчайшего транспортного моста между Европой и Азией. Китаю в решении этой задачи отводится большая роль — наряду с Республикой Корея и КНДР. В августе 2003 г. в Шанхае состоялось седьмое заседание рабочей группы по железнодорожному транспорту. Формирование на территории России конкурентоспособных транспортных коридоров отвечает как внешним, так и внутренним экономическим интересам Российской Федерации.

В настоящее время российско-китайские торгово-экономические отношения вступили на новую стадию подъема. Рост в основном обеспечивается увеличением российских поставок сырой нефти, вооружений и военной техники, руководством обеих стран прогнозируется качественный прорыв в направлении новых технологий, науки и техники.

Однако Китай способен генерировать и определенную опасность для России, включая угрозу ее экономике. Это связано, в первую очередь, с определенным "перегревом" китайской экономики, так как быстрое развитие Китая вызывает не ослабление, а дальнейшее обострение ключевых социальных диспропорций в КНР. Серьезной проблемой экономики Китая остается необходимость реформирования государственных предприятий и аграрного сектора. По оценкам, их модернизация приведет к ликвидации 100 млн рабочих мест, тогда как уже сегодня количество безработных превышает 200 млн. Это может обострить внутренние противоречия, привести к социальной нестабильности. Социальная нестабильность в соседнем государстве может грозить приливом иммигрантов на территорию России, особенно в регионы Дальнего Востока, где и так существует недостаток рабочих мест. Еще одну опасность представляют, на наш взгляд, планируемые высокие объемы экспорта энергоресурсов из России в Китай, поскольку такие ресурсы не возобновляемы, их чрезмерное "выкачивание" чревато угрозой для российской экономики.

Российско-китайское сотрудничество не должно носить односторонний характер, то есть быть ориентированным только на территорию РФ. Например, российские производители машин и оборудования могли бы, в частности, принять активное участие в тендерах, проводимых Китаем для обеспечения таких крупных проектов, как строительство самой высокогорной железнодорожной магистрали в мире — Цинхай-Тибетской железной дороги. Им стоило бы энергичнее попытаться подключиться к строительству "каскада" гидроэлектростанций в ряде китайских провинций, к реализации инфраструктурных, нефтегазовых и энергетических проектов в западной части Китая.

(это реалии нашего времени), но не следует допускать, чтобы они превращались в крупномасштабные угрозы, способные подорвать национальную безопасность, нанести урон экономическим интересам России.

1. Закон Российской Федерации "О безопасности". М.: Юридическая литература, 1992. С. 3.
2. Закон о государственном регулировании внешнеторговой деятельности Российской Федерации от 13 октября 1995 года // Сборник законов Российской Федерации. 1995. № 42. М., 1995. С. 3923.
3. Там же.
4. Федеральный закон "Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности". Принят Государственной Думой 21 ноября 2003 года // Министерство Иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. Информационный бюллетень. 2003. 8 декабря.
5. Там же.
6. Российский статистический ежегодник 2001. Официальное издание. М.: Госкомстат России, 2001. С. 279, 281.
7. Российская газета. 1998. 4 июня.
8. Шохин А.Н. Внешний долг России. М, 1997. С. 6.
9. Внешнеэкономические аспекты рыночной реформы в России. Научный доклад Института внешнеэкономических исследований РАН. М., 1994. С. 36.
10. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5.
11. Договоренности включают в себя Совместную декларацию Российской Федерации и Китайской Народной Республики, Российско-китайский план действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на 2005-2008 годы (утвержден главами государств и является приложением к Совместной декларации).
12. Российская газета 2004. 15 октября.
13. Информационный бюллетень Министерства иностранных дел Российской Федерации. 1994. 11 июня.
14. Интервью генерального директора Китайской национальной нефтегазовой Корпорации Ма Фуцая корреспондентам ИТАР-ТАСС и РИА "Новости" в Пекине // Компас. ИТАР-ТАСС. 2003. 20 февраля.

Развитие иностранного предпринимательства в КНР

© 2005

Л. Новоселова

Важной особенностью китайской экономической реформы по сравнению с практикой рыночной трансформации в странах Восточной Европы и России является изначальная интегрированность национальной инвестиционно-структурной политики в общий реформаторский процесс. Предопределяя постепенность и долговременность осуществляемых институциональных преобразований, такая стратегия развития позволила Китаю избежать характерного для абсолютного большинства стран с "развивающимися рынками" трансформационного спада, связанного с резким сокращением производства, сжатием инвестиционного спроса и падением жизненного уровня подавляющей массы населения. В сочетании с огромными масштабами внутреннего производства и потребления ставка на активное развитие национального инвестиционного процесса и рынка капитала позволяет Китаю сохранять весьма высокую устойчивость по отношению к циклическим колебаниям международной конъюнктуры, проводя при этом последовательную политику интеграции в мировую экономику.

Современные тенденции в привлечении иностранного капитала в КНР

Несмотря на резкое сокращение общего объема трансграничных инвестиций в мире на рубеже XXI века и длительный экономический застой в большинстве развитых стран мира, в последние годы Китай испытывает заметную и устойчивую активизацию притока иностранных инвестиций в национальную экономику. Если в 2002 г. совокупные размеры прямых трансграничных инвестиций по всем странам мира составили 651 млрд долл. США против 824 млрд долл. США в 2001 г. и 1,4 трлн долл. США в 2000 г., то в КНР наблюдается прямо противоположная тенденция. Приток прямых иностранных инвестиций в китайскую экономику в 2002 г. составил 52,7 млрд долл. США против 46,9 млрд долл. США в 2001 г. и 40,7 млрд долл. США в 2000 г.¹ В 2004 г. прямые иностранные инвестиции в КНР достигли рекордного уровня в 60,6 млрд долл. США. Если в 2000 г. удельный вес Китая в общем объеме мировых трансграничных инвестиций составлял 2,9%, то в 2002 г. — уже 8,1%.

В результате в течение нескольких последних лет КНР уверенно занимает лидирующие позиции в списке ведущих реципиентов иностранного капитала. Из 500 крупнейших транснациональных компаний мира 450 компаний вкладывают свои капиталы в развитие китайской экономики, в том числе более 30 компаний избрали КНР для размещения своих региональных штаб-

Новоселова Любовь Владимировна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

квартир. Все это превращает современный Китай в один из наиболее перспективных глобальных центров международного рынка капитала.

Таблица 1.

Распределение прямых иностранных инвестиций в экономику КНР по странам-инвесторам

	1995		2001		2002		2003	
	млрд долл. США	%						
ВСЕГО	37,8	100,0	46,9	100,0	52,7	100,0	53,5	100,0
В том числе:								
Гонконг	20,2	53,4	16,7	35,7	17,9	33,9	17,7	33,1
Сингапур	1,9	4,9	2,2	4,6	2,3	4,4	2,1	3,8
Тайвань	3,2	8,5	3,0	6,4	4,0	7,5	3,4	6,3
Республика Корея	1,0	2,8	2,2	4,6	2,7	5,2	4,5	8,4
Япония	3,2	8,5	4,4	9,3	4,2	7,9	5,1	9,5
ЕС	2,2	5,7	4,3	9,1	3,9	7,3	4,1	7,6
США	3,1	8,2	4,4	9,3	5,4	10,2	4,2	7,8
Британские Виргинские ост-ва	0,3	0,8	5,0	10,7	6,1	11,6	5,8	10,8
Каймановы ост-ва	-	-	1,1	2,3	1,2	2,2	0,9	1,6
Австралия	0,2	0,6	0,3	0,7	0,4	0,7	0,6	1,1

Подсчитано по: Чжунго тунци няньцзянь — 1996. Пекин, 1996. Сс. 598-599; Чжунго тунци няньцзянь — 2003. Пекин, 2003. Сс. 672-674; Чжунго тунци няньцзянь — 2004. Пекин, 2004. Сс. 732-734.

Как свидетельствуют данные официальной китайской статистики (табл. 1), в 2001-2003 гг. прирост прямых зарубежных инвестиций в экономику КНР составил около 7 млрд долл. США. При этом компании стран ЕС и США в последние годы практически не наращивают абсолютные размеры своих совокупных капиталовложений. Более активно ведут себя такие промышленно развитые страны АТР, как Япония и Австралия, стремящиеся к расширению своего экономического присутствия в Китае. В 2001-2003 гг. на их долю в целом пришлось около 15% прироста иностранных инвестиций, привлекаемых КНР. Однако основные импульсы развития иностранного предпринимательства в Китае в настоящее время исходят от Новых индустриальных стран Азии. При этом особой агрессивностью отличаются южнокорейские компании, обеспечившие основную долю (34%) прироста прямых зарубежных инвестиций в 2001-2003 гг. В результате удельный вес Южной Кореи в общем объеме иностранных инвестиций, привлекаемых КНР, в 2003 г. составил 8,4% против 4,6 в 2001 г. и 2,8% — в 1995 г. С середины 90-х гг. в числе активных инвесторов в китайскую экономику фигурируют и компании Тайваня. Инвестиционная активность тайваньских компаний заметно возросла после того, как в 2001 г. власти Тайваня разрешили местным банкам осуществлять переводы денежных средств в материковый Китай через свои зарубежные филиалы. С июня 2001 г. по октябрь 2004 г. масштабы этих банковских операций, являющихся важным инструментом деловой активности тайваньских предпринимателей в КНР, возросли в 19 раз, достигнув около 7 млрд долл. США².

Прочные позиции среди крупнейших иностранных инвесторов в китайскую экономику традиционно занимает Гонконг. В 2001-2003 гг. он обеспечил около 15% прироста прямых зарубежных инвестиций. Однако, если еще 10 лет назад гонконгские компании контролировали более половины годового притока иностранного предпринимательского капитала в Китай, то ныне — лишь около 1/3. Одновременно на авансцену иностранного предпринимательства в Китае вышли такие известные офшорные зоны и так называемые налоговые гавани, как Британские Виргинские острова, Каймановы острова, Маврикий, Самоа и т.д. Именно эти страны и территории “совместными усилиями” обеспечили более 20% прироста иностранных инвестиций в 2001-2003 гг.

Причины этого, судя по всему, связаны с так называемыми “возвратными инвестициями”, имеющими своим источником прибыли компаний КНР, оседающие на зарубежных банковских счетах, в том числе и в обход действующего законодательства. Возвращая эти средства на родину под видом “иностраных” инвестиций, китайские компании тем самым сокращают свои налоговые издержки за счет использования действующего в Китае преференциального налогового режима для иностранных предпринимателей. Традиционно такие финансовые операции осуществлялись через банковскую систему Гонконга. Однако после того как в 1997 г. Гонконг перешел под юрисдикцию КНР, многие китайские предприятия сочли за лучшее перенести их в другие офшорные центры. Только на Британских Виргинских островах, например, в последние годы зарегистрировано 10 тыс. компаний из КНР. При этом абсолютные и относительные размеры “возвратных инвестиций” имеют тенденцию к росту. Если до середины 90-х годов они, по оценке, обеспечивали 15-25% притока иностранного предпринимательского капитала в КНР, то в настоящее время — уже 20-30%³. Эта тенденция вызывает определенное беспокойство в Китае. Действительно, нисколько не увеличивая общий инвестиционный и технологический потенциал страны, “возвратные инвестиции” искажают реальную картину динамичного притока иностранного капитала в китайскую экономику и реально снижают налоговые поступления государственного бюджета.

Таблица 2.

Отраслевая структура прямых иностранных инвестиций в КНР

	1997	2000	2002	2003	2004
Всего (млрд долл. США)	45,3	40,7	52,7	53,5	60,6
В том числе (в%):					
Обрабатывающая промышленность	62,1	63,5	69,8	69,0	71,0
Недвижимость	11,4	11,4	10,7	9,8	...
Электроэнергетика, газовая промышленность	4,6	5,5	2,6	2,4	1,3
Сфера услуг	4,4	5,4	5,6	5,9	5,4
Транспорт, связь	3,7	2,5	1,7	1,6	1,5
Строительство	3,2	2,2	1,3	1,1	2,1

Подсчитано по: Чжунго тунци няньцзянь — 1998. Пекин, 1998. С. 468; Чжунго тунци няньцзянь — 2004. Пекин, 2004. С. 736; Статистическое коммюнике о социально-экономическом развитии КНР в 2004 г. Государственное статистическое управление КНР. 28 февраля 2005 г.

Основные причины высокой привлекательности КНР как реципиента иностранного капитала хорошо известны. Это поддержание в стране высокого

уровня социально-экономической и политической стабильности, наличие емкого внутреннего рынка и дешевой рабочей силы, проведение активной национальной инвестиционной политики. Как свидетельствует табл. 2, отраслевая структура иностранных инвестиций характеризуется опережающим ростом вложений в обрабатывающую промышленность, где особенно велика доля живого труда в стоимости конечной продукции. Если в 1997 г. в отрасли обрабатывающей промышленности поступило 62,1% прямых иностранных инвестиций, то в 2004 г. — 71%. При этом особенно быстро растет доля техноемких производств, включая предприятия по глубокой переработке сырья.

Учитывая повышенное внимание китайских властей к качеству экономического роста в последнее время заметно активизируется привлечение иностранных инвесторов в сферу высоких технологий. В первой половине 2004 г. общие размеры венчурных инвестиций в Китае достигли 438 млн долл. США, увеличившись на 31,9% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. При этом главным фактором столь высокой динамики венчурного капитала явились действующие в Китае иностранные венчурные компании, обеспечившие 85% общего объема венчурных инвестиций. Иностранные инвестиции использовались для реализации примерно 40 проектов в сфере передовых телекоммуникационных, информационных и промышленных технологий. В целом, по итогам 2004 г. совокупный оборот венчурных компаний на китайском рынке составил 800 млн долл. США против 210 млн долл. США в 2003 г.⁴

В 2003 г. приток иностранных предпринимательских инвестиций обеспечил примерно 11% валовых капиталовложений в китайскую экономику. Предприятия иностранного капитала производят 28% добавленной стоимости в промышленности КНР и 55% китайского экспорта. Работники иностранных предприятий составляют 10% занятых в городах Китая⁵.

Вместе с тем в последнее время наблюдается снижение интереса иностранных инвесторов к такой приоритетной для КНР отрасли, как электроэнергетика, обеспечивавшая в 2004 г. 1,3% притока прямых зарубежных инвестиций против примерно 5% в конце 90-х гг. Это прежде всего связано с неоправдавшимися ожиданиями иностранных предпринимателей в отношении реформы китайской электроэнергетики. Отсутствие реальных сдвигов в либерализации тарифообразования на фоне более чем двукратного роста рыночных цен на уголь в 2003-2004 гг. обусловило резкое снижение рентабельности в китайской электроэнергетике. Ситуация дополнительно осложняется исключительной ориентацией электроэнергетики на внутренний рынок КНР. В этих условиях при сокращении внутреннего платежеспособного спроса в связи с относительным замедлением национального экономического роста (в частности в период дефляции и вялого внутреннего рынка конца 90-х годов) это приводит к невыполнению обязательств китайской стороны по закупкам электроэнергии у совместных с иностранцами генерирующих компаний по фиксированным ценам. Не удивительно, что в 2002 г. иностранные инвестиции обеспечили лишь 7,5% валовых капиталовложений в электроэнергетику КНР против 14,5% в 1997 г.⁶

С точки зрения регионального размещения прямых иностранных инвестиций следует отметить преимущественную ориентацию зарубежных инвесторов на наиболее экономически развитые восточные районы КНР. Именно здесь имеется наиболее развитая и разветвленная инфраструктура, позволяющая с наименьшими издержками импортировать сырье и другие компоненты производства и экспортировать готовую продукцию. Здесь также сосредоточена основная масса крупных и средних промышленных предприятий КНР, имеются квалифицированные инженерно-технические кадры и дешевая рабочая сила. В этих условиях свыше 75% прямых иностранных инвестиций поступает

в восточные районы Китая, среди которых в последние годы особенно выделяются провинции Цзянсу (2003 г. — 20% годового притока прямых иностранных инвестиций), Гуандун (15%), Шаньдун (11%) и город Шанхай (10%). Что касается находящихся на значительном удалении от основных промышленных центров и отстающих по уровню экономического развития обширных (2/3 территории страны) районов Западного Китая, то, несмотря на наличие здесь богатейших запасов промышленного и энергетического сырья, необходимых для дальнейшего развития китайской экономики, они уже долгие годы явно выпадают из региональных приоритетов иностранных инвесторов. Не улучшила ситуацию и принятая в КНР в марте 2000 г. очередная государственная программа широкомасштабного освоения западных районов, предусматривающая, среди прочего, наличие существенных льгот и преференций для иностранных вкладчиков капитала. Если в 2000 г. провинции и автономные районы Западного Китая привлекали около 5,5% прямых иностранных инвестиций, то в 2004 г. аналогичный показатель снизился до 3,2%¹.

Таким образом, несмотря на очевидные успехи КНР в привлечении иностранного капитала, внушительные и постоянно растущие масштабы иностранного предпринимательства, существует целый ряд серьезных проблем, побуждающих руководство страны к постоянному совершенствованию национального инвестиционного климата, поддержанию и развитию интереса иностранных инвесторов к китайской экономике.

Прогрессирующее снятие ограничений для иностранных инвесторов

Именно в этом контексте следует рассматривать отмечаемое в последнее время стремительное расширение перечня официально объявленных отраслевых и региональных приоритетов приложения иностранного капитала в Китае. В марте 2002 г. Госсовет КНР издал указание, регламентирующее дальнейшее развитие сотрудничества КНР с иностранными инвесторами. На этом основании Госкомитет по делам планирования и развития, Госкомитет по делам экономики и торговли и Министерство внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества выпустили специальный “Каталог отраслевых и региональных приоритетов для привлечения зарубежных капиталовложений”. Каталог, отражающий обязательства КНР при вступлении в ВТО, вступил в силу с 1 апреля 2002 г. и заменил собой действовавшее с конца 1997 г. “Временное руководство по отраслям, открытым для иностранных инвестиций”².

Согласно новому Каталогу, все отрасли и сферы деятельности китайской экономики (всего — 371) разделены на четыре категории с точки зрения сотрудничества с иностранными инвесторами: 1) поощряемые — увеличение числа с 86 до 262; 2) разрешенные; 3) ограничиваемые — уменьшение со 112 до 75; 4) запрещенные. При этом впервые открыт доступ для зарубежных инвесторов к таким отраслям, как телекоммуникации, городское газоснабжение, теплоснабжение, водоснабжение и др., зарубежные инвестиции в которые в прошлом полностью запрещены. Кроме того, открывается более широкий доступ для зарубежных предпринимателей к таким сферам, как банковские операции, операции на фондовом рынке, страхование, торговля, туризм, транспорт и т.д. Наконец, особо поощряются инвестиции в экономику западных районов страны.

С точки зрения выделения конкретных отраслевых приоритетов иностранного предпринимательства поощряются инвестиции в такие сферы, как:

- преобразование традиционных отраслей сельского хозяйства, развитие современных отраслей сельского хозяйства, агропромышленный комплекс;
- транспорт, энергетика, инфраструктурное строительство;

- электроника, информатика, биотехнологии, производство новых материалов, авиационно-космическая промышленность и другие отрасли высоких технологий;
- техническая реконструкция предприятий машиностроения, легкой и текстильной промышленности;
- проекты комплексного использования природных ресурсов, использования промышленных отходов, проекты по охране окружающей среды, городское строительство;
- развитие экспорта⁹.

Со своей стороны, зарубежные инвесторы проявляют повышенный интерес к целому ряду вновь открывающихся для иностранцев отраслей, включая банковский и страховой бизнес, сферу услуг, розничную торговлю.

Одновременно предпринимаются последовательные шаги в направлении либерализации и упрощения режима деятельности иностранных инвесторов и предпринимателей в Китае. В 2002 г. внесены изменения в “Закон КНР о полностью иностранных предприятиях” и “Закон КНР о китайско-иностранном контрактном предприятии”, отменяющих целый ряд эксклюзивных требований и ограничений, применявшихся к ним ранее. В частности, для них расширяются возможности обеспечения баланса платежей и поступлений в иностранной валюте. Отменено положение, обязывавшее иностранных предпринимателей отдавать приоритет китайскому сырью при производстве готовой продукции. Совместные и полностью иностранные предприятия отныне не обязаны информировать соответствующие государственные органы КНР о своей производственной программе. Все это отвечает требованиям ВТО.

В рамках циркуляра Госсовета КНР от 19 июля 2004 г. об углублении реформы инвестиционной системы предусматривается упрощение процедур утверждения проектов, предусматривающих привлечение иностранных инвестиций. При этом провинциальные власти получили право утверждать такие проекты в “поощряемых” и “разрешенных” отраслях размером до 100 млн долл. США (ранее — 30 млн долл. США). При утверждении инвестиционных проектов в “ограничиваемых” отраслях “потолок компетенции” провинциальных властей поднят с 30 до 50 млн долл. США¹⁰.

Постепенно либерализуется деятельность иностранных инвесторов на фондовом рынке Китая. В частности, в 2003 г. Комитет КНР по надзору за ценными бумагами официально зарегистрировал 12 “квалифицированных иностранных институциональных инвесторов” (японская инвестиционная компания “Номура Секьюритиз”, крупнейший швейцарский банк “ЮБС АГ”, зарубежные пенсионные фонды и т.д.), разрешив им осуществлять операции с китайскими акциями типа “А”, которые ранее были доступны исключительно для национальных инвесторов. Планируется также включение в число эмитентов и продавцов акций типа “А” зарегистрированных в Китае компаний с участием иностранного капитала. Немаловажно, что в соответствии с новыми правилами ценообразования на акции первичного размещения (вступили в силу с 1 января 2005 г.) “квалифицированные иностранные институциональные инвесторы” наряду с крупными китайскими финансовыми компаниями имеют возможность оказывать влияние на уровень котировок в рамках первоначальных размещений на биржах Шанхая и Шэньчжэня.

Со второй половины 2004 г. принципиально расширены возможности иностранных предпринимателей в розничной и оптовой торговле КНР. Если прежде совместные предприятия в сфере торговли могли иметь только миноритарных иностранных акционеров и при этом им запрещалось торговать на внутреннем рынке продукцией китайского производства, то теперь в соответствии с требованиями ВТО:

- разрешена деятельность в этой сфере полностью иностранных компаний, а также совместных предприятий с преимущественным участием иностранных партнеров;

- им разрешена как оптовая, так и розничная торговля на внутреннем рынке Китая широким кругом товарной продукции. Некоторые частичные ограничения связаны с торговлей книжной продукцией, периодическими изданиями и газетами, автомобилями, медикаментами, солью, пестицидами и химическими удобрениями, сырой нефтью и бензином;

- для них отныне открыты экспортно-импортные операции, агентская, комиссионная, брокерская, дистрибьютерская и аукционная деятельность;

- существенно снижены требования к размеру уставного капитала предприятий с участием иностранного капитала в сфере торговли: в розничной торговле — с 50 млн ю. (6 млн долл. США) до 0,3 млн ю. (36,2 тыс долл. США); в оптовой торговле — с 80 млн ю. (9,7 млн долл. США) до 0,5 млн ю. (60,4 тыс долл. США)¹¹.

Предпринимаемые меры находят адекватный отклик со стороны иностранных инвесторов. В частности, такая известная международная компания оптово-розничной торговли, как "Метро" (Германия) заявляет о том, что в 2004-2008 гг. она намерена инвестировать в Китае 6 млрд ю. и открыть 40 торговых центров в крупнейших городах КНР. Компания рассчитывает, что в ближайшие 3-5 лет ее "китайский" бизнес достигнет 10% общего объема ее операций во всех странах мира. Другая немецкая торговая компания "ОБИ", специализирующаяся на интерьерной продукции и предметах домашнего обихода, предполагает к 2006 г. открыть в Китае 50, а к 2010 — 100 своих торговых центров¹². В целом, в 2004 г. из 50 крупнейших торговых компаний мира более 70% было в той или иной мере представлено на китайском рынке, хотя их доля во внутреннем товарообороте составляет пока лишь 1,2%. Таким образом, потенциальное поле деятельности для иностранных компаний в этой сфере поистине огромно.

Несмотря на всю значимость контроля над средствами массовой информации в рамках политической системы КНР, в 2004 г. иностранные компании получили возможность ведения совместной с китайскими партнерами деятельности на медиа-рынке КНР (включая издание газет и журналов, а также теле- и радиовещание), хотя их доля в уставном капитале медийных СП не должна превышать 49%. В этих условиях известная транснациональная медиа-группа "Виакон" заявляет о намерении создать совместное предприятие с шанхайским информационным холдингом "Вэньюань Груп".

Развитие иностранного предпринимательства в финансовом секторе

Обеспечивая аккумуляцию и эффективное распределение денежных ресурсов, банковский сектор является сердцевинной рыночной экономики. Вступив в ВТО, Китай обязался полностью открыть свой банковский сектор к 2007 г. Справедливо опасаясь за конкурентоспособность отечественных банков по сравнению с иностранными кредитно-финансовыми институтами, китайские власти уделяют большое внимание преобразованию национального банковского сектора на рыночной основе с привлечением к этому процессу иностранных вкладчиков капитала. С февраля 2002 г. вступили в силу выпущенные Народным банком Китая Правила административного управления, относящиеся к деятельности иностранных кредитно-финансовых учреждений в Китае. Документ детально регламентирует порядок создания, регистрации и ликвидации иностранных кредитно-финансовых учреждений, определяет масштаб и харак-

тер их операций, устанавливает профессиональные требования к их деятельности, порядок банковского надзора и т.п.

В сентябре 2004 г. Китайская комиссия по банковскому регулированию (ККБР) выпустила новую редакцию этих правил, смягчающую операционный режим для иностранных кредитно-финансовых учреждений в соответствии с требованиями ВТО. Во-первых, новые правила отменили административные ограничения, касающиеся расширения филиальной сети иностранных банков в Китае, предусматривавшие, что в течение календарного года они не могли открывать более одного филиала на территории страны. Снятие этого ограничения открыло новые возможности для расширения масштабов деятельности иностранных банков в Китае. Во-вторых, заметно снижены минимальные требования к размерам операционного капитала иностранных банков, необходимого для осуществления ими операций в юанях с китайскими предприятиями и физическими лицами. Отныне эти требования составляют 300 млн ю. и 500 млн ю., соответственно, против 400 млн ю. и 600 млн ю. в прежние годы. Наконец, упрощается процедура учреждения или его филиала. Если прежде для этого необходимо было пройти утверждение не только в центральной конторе ККБР, но и в ее региональном отделении, то теперь достаточно направить запрос непосредственно в центральный офис Комиссии. Исключение составляет только Шанхай, городские власти которого имеют право самостоятельно утверждать создание иностранных кредитно-финансовых учреждений на своей территории¹³.

В декабре 2004 г. 62 иностранных банка, представляющих 19 зарубежных стран, имеют более 200 отделений на территории Китая. Более половины из них получили право на совершение финансовых операций в юанях в 18 городах страны. В середине 2004 г. юаневые активы иностранных банков в Китае составили в сумме 84,4 млрд ю., увеличившись на 49% по сравнению с уровнем годичной давности.

Перспективным направлением деятельности иностранных банков в Китае является развитие потребительского и ипотечного кредитования (в том числе в иностранной валюте), ориентированного как на китайских клиентов, так и на заемщиков из числа иностранцев, постоянно проживающих в Китае. Поскольку, в отличие от собственно китайских банков, иностранные банки в своей кредитной активности не ограничены жесткими требованиями денежных властей КНР, они имеют определенные конкурентные преимущества на данном сегменте денежного рынка Китая. Уже сегодня сроки кредитов, предоставляемых иностранными банками под залог жилой недвижимости, достигают 30 лет при процентной ставке в 2,5-3% годовых. Условия по аналогичным кредитам китайских банков составляют 20 лет и 5% соответственно. Соответствующие разрывы в сроках и ставках кредитования в пользу иностранных банков наблюдаются и при кредитовании строительства офисных и торговых зданий.

В середине 2004 г. совокупные активы иностранных банков в Китае составляли лишь 1,4% общей суммы банковских активов КНР. Вместе с тем, по оценкам китайских экспертов, с учетом смягчения операционного режима иностранных банков в рамках требований ВТО в течение ближайших 15 лет их доля в банковских активах Китая может превысить 30%¹⁴.

Средства иностранных вкладчиков капитала активно поступают и в небанковские финансовые учреждения КНР, включая финансовые и страховые компании. Так, с 2004 г. совместные финансовые компании допущены к ведению брокерских операций на фондовом рынке КНР. При этом контрольный пакет таких компаний должен принадлежать китайским партнерам.

С конца 2003 г. иностранные компании допущены к страховому бизнесу на территории КНР, за исключением операций по страхованию жизни. Это ог-

раничение носит временный характер и в соответствии с обязательствами КНР в рамках присоединения к ВТО должно быть отменено в 2005 г. С учетом того что, по мнению иностранных специалистов, китайский страховой рынок в ближайшие 20 лет станет крупнейшим в мире, следует ожидать заметной активизации инвестиционной активности зарубежных страховщиков в Китае¹⁵.

Портфельные инвестиции

С преодолением негативных последствий азиатского финансового кризиса и эпидемии атипичной пневмонии в последние годы в КНР наблюдается заметное повышение интереса к привлечению иностранного капитала в форме портфельных инвестиций, предполагающей приобретение зарубежными инвесторами ценных бумаг китайских компаний-эмитентов. В этой связи всячески поддерживается деятельность китайских компаний по активизации первичного размещения акций как на внутреннем, так и на зарубежных фондовых рынках¹⁶. В этом контексте в КНР разрабатываются планы по выведению на рынок части государственных пакетов акций (в размере 10% от первоначального выпуска), ранее запрещенных к продаже. Ожидается, что общие размеры размещения ценных бумаг китайских компаний за рубежом в 2004-2013 гг. вдвое превысят аналогичный показатель за 1992-2003 гг.

Высокая активность китайских компаний-эмитентов на внешних рынках впечатляет. Только в 2003 г. они осуществили первичные размещения своих акций в Гонконге на 7,5 млрд долл. США, что составило 85% общей суммы первичных размещений на гонконгской фондовой бирже. При этом в большинстве случаев спрос на китайские акции превышал предложение в сотни раз. Со своей стороны, КНР также отдает предпочтение Гонконгу среди других внешних фондовых рынков. Размеры единичных первоначальных размещений акций китайских эмитентов в Гонконге достигают 1-2, а иногда и 5-6 млрд долл. США ("Чайна Лайф Иншурэнс", 2003 г.; "Чайна Юником", 2000 г.; "Чайна Нетком Груп Корпорейшн", 2004 г. и др.).

Выход китайских компаний на зарубежные фондовые рынки сопровождается ростом биржевых индексов — за 2003 г. гонконгский индекс "Н"-акций вырос на 90% в долларовом выражении. Соответствующий индекс по акциям типа "А", котирующимся на шанхайской бирже, вырос на 11%. Все это подтверждает большое значение деловой активности иностранных портфельных инвесторов для дальнейшего продвижения рыночных преобразований китайской экономики.

В конце сентября 2004 г. в листинге гонконгской фондовой биржи значилось 1080 компаний, в том числе 282 компании представляли КНР. При этом в число 20 крупнейших компаний, зарегистрированных на бирже Гонконга, входит шесть компаний КНР, включая "Чайна Мобил", "Чайна Нэшнл Оффшор Ойл Корпорейшн" и др. В период с 1993 по 2004 г. совокупные размеры первоначальных размещений акций китайских компаний в Гонконге составили 27 млрд долл. США, а операции по купле-продаже этих акций достигли 194 млрд долл. США, обеспечив более 1/3 оборота фондовой биржи Гонконга за этот период¹⁷. С учетом высокого международного интереса к размещаемым за рубежом акциям крупных китайских компаний эта тенденция, скорее всего, будет иметь дальнейшее развитие. Не случайно, Лондонская фондовая биржа планирует открыть свои представительства в Гонконге и КНР, а также ведет переговоры с фондовой биржей Гонконга о взаимном признании листинга китайских компаний.

В ближайшей перспективе ожидается заметное увеличение притока портфельных инвестиций в банковский сектор Китая с связи с подготовкой четырьмя государственными коммерческими банками КНР первоначальных раз-

мещений своих акций. В 2005 г. на фондовых биржах Гонконга и Нью-Йорка предстоит размещение акций Банка Китая и Строительного банка Китая, которые в результате системной реструктуризации на основе финансовой поддержки государства достигли таких показателей пруденциальной отчетности, которые позволяют им войти в листинг крупнейших фондовых бирж мира. Самой громкой операцией 2005 г. обещает стать первоначальное размещение акций Строительного банка Китая в размере 5 млрд долл. США.

Размещение акций китайских предприятий в Гонконге и на других внешних рынках может происходить как в прямой, так и в косвенной форме. Прямое размещение, осуществляемое с 1993 г., предполагает, что китайская компания-эмитент как юридическое лицо КНР от своего имени выпускает акции, которые поступают во внешний биржевой оборот. При этом компания, как правило, должна пройти через сложный и длительный процесс юридической и финансовой адаптации к международным требованиям и потратить немало времени на получение соответствующего разрешения Комитета КНР по надзору за ценными бумагами. Однако в конечном итоге наряду с привлечением необходимых финансовых ресурсов она получает международную известность и повышает свой деловой рейтинг.

При косвенном размещении речь идет об эмиссии акций гонконгских или других зарубежных компаний, аффилированных с компаниями КНР, либо о покупке китайскими компаниями зарубежных акционерных обществ, бумаги которых находятся в биржевом обороте. Такого рода операции первоначально инициированы еще в середине 80-х годов китайскими компаниями, зарегистрированными в Гонконге и имеющими там свой основной бизнес. Они лишены необходимой прозрачности и не поощряются китайскими властями, однако их своеобразным преимуществом является уход от сложных бюрократических процедур в Китае и, как следствие, гибкость и быстрота выхода на внешний рынок.

Особой формой размещения акций китайских эмитентов за рубежом являются депозитарные расписки, представляющие собой производные ценные бумаги на вышеупомянутые акции, выпускаемые крупными иностранными банками. Как правило, депозитарные расписки используют компании, находящиеся в начальной стадии прямого выхода на внешний фондовый рынок. Этот метод позволяет повысить имидж компании, расширить круг потенциальных покупателей ее ценных бумаг и, в конечном итоге, осуществить успешное размещение своих акций за рубежом.

Дополнительным способом привлечения иностранных портфельных инвестиций выступает либерализация внутреннего рынка акций типа "А". С этой целью, в частности, в 2003 г. разрешен регулируемый допуск на него ограниченного числа упоминавшихся выше "квалифицированных иностранных институциональных инвесторов" в лице крупных инвестиционных компаний, банков, пенсионных фондов. Государственное управление КНР по валютному контролю выдало им совокупную первоначальную квоту инвестиций на национальном фондовом рынке в размере 1,7 млрд долл. США. В начале 2004 г. эта квота была практически полностью выбрана, и "квалифицированные инвесторы" обратились в соответствующие органы государственного управления с запросами о выдаче разрешений на новые инвестиции. По итогам 2004 г. их совокупные вложения на рынке акций типа "А", по оценке, составили около 4 млрд долл. США.

Ликвидация барьеров на национальном рынке капитала

С момента присоединения к ВТО Китай провел значительную либерализацию законодательства, регламентирующего деятельность иностранных ин-

весторов на внутреннем рынке капитала. В частности, в апреле 2003 г. Министерство внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества КНР (в настоящее время — Министерство торговли КНР) выпустило Положение о слияниях и поглощениях между зарегистрированными в КНР компаниями с участием иностранного капитала и китайскими предприятиями любой формы собственности.

Правила устанавливают, что компании, принадлежащие иностранным инвесторам, имеют возможность осуществить слияние с китайским предприятием любой формы собственности, полностью или частично выкупив его акционерный капитал либо активы. В первом случае речь может идти о выкупе зарегистрированного акционерного капитала либо о подписке на дополнительную эмиссию акций китайского предприятия. Во втором случае также возможны два варианта: приобретение зарегистрированной в КНР иностранной компанией активов китайского предприятия в интересах расширения своего бизнеса либо приобретение заинтересованным иностранным инвестором активов действующего китайского предприятия с последующим созданием на этой основе и регистрацией в КНР новой иностранной либо совместной компании. Предусматривается, что оценка бизнеса и активов китайских компаний для целей последующего поглощения или слияния должна быть предварительно произведена профессиональными оценщиками, а передача активов китайской компании иностранному инвестору по цене «существенно ниже» оценочной стоимости не допускается. При этом доля участия иностранного инвестора в капитале нового иностранного (совместного) предприятия, создаваемого на основе сделки по слиянию-поглощению, как правило, не должна быть ниже 25%.¹⁸

Выкуп акций и активов китайских предприятий иностранными инвесторами может производиться как одновременно, так и по частям в течение трех-шести месяцев. При этом оплата может производиться не только денежными средствами, но и «натурой» — акциями или активами других китайских предприятий, принадлежащих иностранной компании-покупателю. В последнем случае требуется специальное одобрение соответствующих китайских органов власти. В целом, каждая сделка по слиянию-поглощению между китайским и иностранным предприятиями подлежит одобрению Министерством торговли КНР либо его местным отделением и предполагает наличие у иностранного инвестора удовлетворительного для китайских властей плана трудоустройства (переподготовки) персонала поглощаемого китайского предприятия либо выплаты соответствующих компенсаций высвобождаемым работникам.

Положение содержит ряд статей, связанных с опасениями китайской стороны относительно получения компаниями, возникающими в КНР на основе трансграничных сделок слияния-поглощения, чрезмерной власти на рынке. Эти опасения не лишены оснований. Как показывает проведенное Государственным управлением КНР по промышленности и торговле расследование действий транснациональных компаний, препятствующих развитию конкуренции в Китае, ряд крупных иностранных компаний уже сегодня имеют, по сути дела, монопольное положение на отдельных секторах внутреннего рынка КНР. В их числе компании «Тетрапак» (95% рынка упаковочных технологий и материалов), «Майкрософт» (95% рынка программного обеспечения), «Кодак» (более 50% рынка фотопленки) и др. Результатом этого, как и в других странах мира, выступают такие искажающие рынок явления, как устранение конкурентов с рынка (в том числе путем «недружественных поглощений»), установление монопольно высоких цен, распространение ограничительной деловой практики и т.д.¹⁹

В этой связи установлено, что трансграничные сделки слияний-поглощений подлежат специальному административному контролю, если:

- а) годовой оборот какой-либо из сторон сделки на китайском рынке превышает 1,5 млрд ю.;
- б) какая-либо из сторон сделки в течение года поглотила более 10 предприятий аналогичного профиля;
- в) доля какой-либо из сторон на китайском рынке достигает 20%;
- г) совершение сделки ведет к появлению новой компании, контролирующей по меньшей мере 25% соответствующего рынка в КНР.

В каждом из указанных случаев иностранный инвестор обязан предоставить соответствующие сведения в Министерство торговли КНР и Государственное управление КНР по промышленности и торговле, которые в свою очередь в течение 90 дней после получения документов имеют право начать антимонопольное расследование по фактам чрезмерной монополизации рынка, несправедливой конкуренции и нарушения прав потребителей и, если факты подтвердятся, отменить совершение нежелательной сделки. При этом, впрочем, в виде исключения допускается совершение таких сделок, если их результатом является реорганизация убыточного предприятия и сохранение рабочих мест; внедрение передовой технологии и повышение международной конкурентоспособности предприятия; улучшение окружающей среды²⁰.

В целом, вышеупомянутое Положение регламентирует, придает прозрачность и тем самым существенно облегчает приток в КНР иностранных инвестиций посредством приобретения и реструктуризации действующих китайских предприятий, что намного дешевле и проще, чем начинать новый бизнес "с нуля". Следует отметить, что фактически, это не возбранялось и ранее, но в силу многочисленных "правовых пустот", открывавших возможность для произвольных манипуляций собственностью, отпугивало иностранных инвесторов, которые, несмотря на более высокие риски и издержки, отдавали явное предпочтение созданию новых компаний. В 2001-2002 гг. трансграничные сделки по слиянию-поглощению обеспечили лишь 6% валового притока прямых иностранных инвестиций в Китай²¹. В этих условиях, нивелируя обособленность сектора иностранного предпринимательства на китайском рынке капитала, Положение о слияниях и поглощениях призвано придать дополнительный импульс притоку иностранных инвестиций в Китай и при этом направить их в приоритетные для китайской стороны проекты реструктуризации и оживления многочисленных государственных предприятий.

Последние два года отмечены заметным оживлением рынка слияний и поглощений в Китае. Все чаще поступают сообщения о весьма крупных операциях такого рода в различных секторах экономики. Так, в декабре 2004 г. немецкий "Дойче банк" объявил о приобретении 10%-го пакета акций государственного Банка Китая, предварительно прошедшего процедуру акционирования. В августе 2004 г. Гонконг-Шанхайская банковская корпорация заплатила 1,7 млрд долл. за 20%-ый пакет акций Банка коммуникаций²². В июне 2003 г. японский автомобилестроительный гигант "Ниссан Мотор Ко." на основе приобретения активов китайского государственного автозавода "Дунфан" создал совместное предприятие с зарегистрированным капиталом в 16,7 млрд ю. (2 млрд долл. США) и 74 тыс. занятых²³. Не случайно, в 2004 г. Китай вышел на первое место по размерам слияний-поглощений в Азии, а соответствующие сделки с участием компаний КНР обеспечили 30,2% азиатского рынка слияний-поглощений (без учета Японии). По оценкам международных банкиров, с учетом широкомасштабной программы реструктуризации государственных предприятий китайский рынок слияний-поглощений имеет реальную перспективу десятикратного роста²⁴.

В целом, изменения, происходящие в последние годы в сфере привлечения иностранного капитала в китайскую экономику, свидетельствуют о пос-

ледовательной ориентации КНР на полноправное включение сектора иностранного предпринимательства в общенациональный рынок капитала, где в перспективе будут установлены единые правила и условия конкуренции для всех участников инвестиционного процесса независимо от формы собственности и страновой принадлежности. Тем самым закладываются фундаментальные и долговременные основы эффективного функционирования рыночной экономической системы в КНР.

1. http://english.peopledaily.com.cn./200401/13/print20040113_132499.html
2. Beijing Review. 2005. № 6
3. http://english.peopledaily.com.cn./200406/22/print20040622_141138.html
4. http://english.peopledaily.com.cn./200403/11/print20040311_137152.html; China Daily. 2004. 29 December
5. http://english.peopledaily.com.cn./200412/03/eng20041203_166074.html
6. China Daily. 2005. 20 January
7. China Daily. 2004. 18 November
8. http://english.peopledaily.com.cn./200203/19/print20020319_92364.html
9. http://english.peopledaily.com.cn./200203/14/print20020314_92106.html
10. http://english.peopledaily.com.cn./200407/28/print20040728_151107.html
11. Beijing Review. 2004. № 33.
12. Beijing Review. 2004. № 4.
13. Beijing Review. 2004. № 35.
14. Ibid.
15. http://english.peopledaily.com.cn./200408/02/print20040802_151600.html
16. В процессе становления рынка ценных бумаг в Китае обособилось несколько видов акций. Наибольшее распространение имеют акции типа "А", изначально рассчитанные на выпуск полностью китайскими компаниями и покупку исключительно национальными инвесторами. Акции типа "В" выпускаются китайскими предприятиями для продажи иностранным инвесторам за иностранную валюту. Акции типа "Н" выпускаются китайскими компаниями, зарегистрированными в Гонконге, и обращаются на гонконгской фондовой бирже. Акции типа "S" выпускаются компаниями КНР, зарегистрированными в Сингапуре, типа "L" — в Лондоне и типа "N" — в Нью-Йорке.
17. http://english.peopledaily.com.cn./200404/22/print20040422_141239.html
18. Beijing Review. 2004. № 17; Beijing Review. 2004. № 43.
19. http://english.peopledaily.com.cn./200405/24/print20040524_144192.html
20. Beijing Review. 2004. № 21.
21. Beijing Review. 2004. № 25.
22. Economist. 20 November 2004. P. 76.
23. http://english.peopledaily.com.cn./200401/05/print20040105_131870.html
24. China Business Weekly. 26 January 2004.

Развитие внешнеторговых отношений СРВ со странами ЕС

© 2005

Нгуен Ван Бинь

Открытие внутреннего рынка ЕС экспорту из Вьетнама

Европейский союз ведет внешнюю торговлю и осуществляет инвестиционное сотрудничество с развивающимися странами, как и с остальными государствами, основываясь на таких общих принципах, как отсутствие дискриминации, прозрачность (*transparency*) и честная конкуренция. Однако особенностью такой политики является предоставление некоторых торговых преференций развивающимся странам, особенно тем, которые лишь недавно приступили к рыночным преобразованиям. Вместе с тем ЕС стремится укрепить свои позиции на их рынках, так как страны с переходной экономикой начинают быстро развиваться и привлекать к себе внимание неевропейских промышленно развитых стран — Канады, Австралии и других, способных составить ЕС сильную конкуренцию в Азии.

После того как отношения СРВ с Европейским сообществом были нормализованы 22 октября 1990 г., торговые и экономические связи между ними стали постоянно расширяться. Вьетнам установил политические и экономические отношения с 13 странами ЕС, но наиболее интенсивно стало развиваться торгово-экономическое сотрудничество с Германией, Великобританией, Францией, Нидерландами и Швейцарией.

К настоящему времени создана правовая база для такого сотрудничества. Первым международным юридическим актом, регулирующим его, стало Соглашение о торговле готовой одеждой и текстилем от 15 декабря 1992 г. Подписание такого соглашения свидетельствует о том, что главной статьёй вьетнамского экспорта в ЕС станут изделия вьетнамской легкой промышленности, специализирующейся на выпуске довольно широкого ассортимента готового платья, белья, текстильной пряжи, обуви.

Соглашение дало мощный стимул развитию торгово-экономических отношений сторон в целом. Со своей стороны Вьетнам организовал несколько выставок своих товаров с приглашением посетить их представителей политических и деловых кругов западноевропейских государств. В 1990-х гг. самые высокие темпы торговли у Вьетнама были со странами ЕС:

1992 г. — 54,2; 1993 г. — 39,9; 1994 г. — 32,0; 1995 г. — 45,4; 1996 г. — 27,5%.

Отдельные, правда, пока еще очень немногие вьетнамские производители уже завоевали известность на рынке Западной Европы и имеют в его сегменте дешевых товаров свое постоянное место. Более подробно состояние торговли между СРВ и ЕС в первой половине 1990-х годов представлено ниже (табл. 1).

Таблица 1

Торговля СРВ с ЕС, млн долл. США

Товарооборот=100%	1991 г.	1992 г.	1995 г.	1996 г.
Экспорт	120,1	242,0	666,2	848,2
Импорт	301,2	253,6	664,0	847,2
Доля экспорта во всей торговле	5,1	9,5	8,2	11,7
Доля импорта во всей торговле	12,9	10,0	8,4	7,6

Источник: Данные Министерства торговли и Главного таможенного управления СРВ за соответствующие годы

Данные, приведенные в таблице 1, показывают, что доля стран — членов ЕС в совокупном экспорте внешней торговли Вьетнама (11, % в 1996 г.) превышала удельный вес импорта СРВ из этих стран, хотя стороны стремились к сбалансированной торговле. Это свидетельствует о том, что СРВ, находясь в переходном периоде к рынку, стремится продавать больше, чем покупать, для того чтобы увеличивать внутренние накопления, необходимые стране для модернизации и индустриализации производительных сил. Поэтому вполне закономерно, что характерной чертой внешней торговли Вьетнама на данном этапе является превышение стоимости экспорта над стоимостью импорта. Это положение свидетельствует и о том, что для производства экспортных товаров Вьетнам использует свои преимущества, одно из которых заключается в низкой стоимости относительно квалифицированной рабочей силы.

По оценкам, объем торговли между Вьетнамом и странами ЕЭС (с 1997 г. — Европейский союз) за десять лет (1990-1999) увеличился в 12,1 раза, что означало ежегодный прирост в среднем на 31,8%¹. Согласно статистике ЕС, двусторонний товарооборот за указанный период составил 4,446 млрд долл. США, в том числе экспорт — 3,25 млрд долл. и импорт — 1,21 млрд долл. Такое соотношение между экспортом и импортом говорит о том, что Вьетнам испытывает острую потребность в инвестициях и стремится использовать прибыль от экспорта в целях пополнения внутренних накоплений. Поэтому динамика экспорта Вьетнама в ЕС особенно высока. Проследим это положение по данным таблицы 2.

Таблица 2

Экспорт Вьетнама в страны-члены ЕС, млн долл. США

Страны	1991 г.	1995 г.	19996 г.	1997 г.	1997 г.
Англия	2,4	74,6	125,1	265,01	335,8
Австрия	5,9	9,3	5,6	11,4	8,4
Бельгия	0,1	34,6	61,3	124,0	212,3
Германия	6,7	218,0	228,0	411,4	552,3
Нидерланды	16,2	79,7	147,4	266,8	304,1
Италия	3,8	57,1	49,8	118,2	144,5
Франция	83,1	169,1	145,0	238,1	297,3
Испания	0,7	14,0	27,6	15,0	
Швеция	1,2	4,7	31,8	47,1	58,5
Швейцария		61,8	157,8	331,9	277,3

Источник: Данные Министерства торговли и Главного таможенного управления СРВ за соответствующие годы

Статистические данные, приведенные выше, показывают, что за относительно короткий срок, с 1991 по 1998 г., экспорт Вьетнама в Англию возрос с

2,4 млн долл. до 335,8 млн долл. или почти в 149 раз, в Германию — с 6,7 до 552,3 млн долларов — в 82 раза, во Францию — с 83,1 до 297,3 млн долл. или в 35 раз. Разумеется, столь высокий темп объясняется, прежде всего, низкой стартовой базой, и в последующие годы он стал понижаться. Тем не менее начало росту вьетнамского экспорта на рынки ЕС было положено основательное. Только за первые 9 месяцев 2001 года стоимость внешнеторгового оборота Вьетнама и ЕС достигала 3 млрд долл., в том числе: экспорт — 2,1 млрд долл. и импорт — 0,93 млрд долл. млрд долл. США.

Успехи в проведении реформы и в развитии экономики положили начало диверсификации вьетнамского экспорта.

Начиная с 1990 г. список товаров, которые Вьетнам поставляет на рынок Европейского сообщества (с 1997 г. — Европейского союза), расширился как по номенклатуре товаров, так и по их стоимости. Например, наряду с традиционными статьями вьетнамского экспорта в Европу, такими как кофе, чай и специи, появились новые статьи, представляющие готовую продукцию, а именно: высококачественные изделия из выделанной кожи и дерева, игрушки, предметы искусства, фарфор и керамику, а последнее время — и электронные товары. В диверсификации вьетнамского экспорта большое значение стала приобретать торговля морепродуктами и пресноводной рыбой (сом), спрос на которые в странах Западной Европы продолжает расти.

Важную роль в двусторонней торговле играет взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле. Вьетнамские экспортеры, однако, часто бывают недовольны высокими требованиями к качеству поставляемых товаров. ЕС требует гарантий соответствия товарам, произведенным в СРВ, системе торговых преференций (GSP), что в значительной мере дисциплинирует вьетнамских поставщиков и готовит Вьетнам к вступлению во Всемирную торговую организацию.

В начале нового столетия доля стран ЕС во внешнеторговом обороте Вьетнама была представлена следующими показателями (табл. 3).

Таблица 3

Географическая структура торгового оборота Вьетнама и ЕС в 1999-2000 гг.

Страны	Удельный вес в товарообороте Вьетнама
Всего	100,0
В том числе:	
Германия	28,5
Франция	20,7
Великобритания	12,7
Италия	9,6
Бельгия и Люксембург	8,1
Голландия	7,6
Испания	4,6
Швеция	2,8
Дания	2,2
Австрия	1,4
Финляндия	0,9
Греция	0,4
Португалия	0,4

Источник: *Vietnam Economic Review*. June 2002. P. 31.

Как следует из таблицы, внешнеторговыми партнерами Вьетнама в обозначенный период являлись 13 стран-членов Европейского союза. Наверное,

общая картина изменится, когда в недалеком будущем в состав ЕС войдет большинство стран Восточной Европы, с которыми СРВ поддерживает экономические контакты — Польша, Венгрия и некоторые другие. Этот факт, возможно, повлияет и на товарный состав вьетнамского экспорта в расширенный Европейский союз, но в момент написания данной работы его структура и товарное наполнение было представлено (по степени значимости) следующим образом:

Текстиль и одежда.

Обувь.

Продукция сельского хозяйства.

Нефть-сырец.

Остановимся на характеристике и анализе каждого направления, так как это дает возможность определить перспективы дальнейшего торгово-экономического сотрудничества СРВ и ЕС, начав с анализ западноевропейского рынка готовой одежды и текстиля с позиций экспорта Вьетнама.

Торговля готовой одеждой и текстилем.

В рамочном Соглашении от 17 июля 1995 г., наряду с другими вопросами сотрудничества ЕЭС и СРВ, были четко определены механизмы регулирования вьетнамского экспорта готовой одежды и текстиля в страны-члены Европейского экономического сообщества. На основе этого документа стали разрабатываться все последующие международные соглашения о торговле готовой одеждой и текстилем, в соответствии с которыми Европейское экономическое сообщество, а затем Европейский союз, неоднократно соглашались увеличить квоту на экспорт Вьетнамом этой продукции. На базе Рамочного соглашения начало развиваться специализированное законодательство, регулирующее торгово-экономические отношения между ЕС и СРВ в отдельных отраслях. Так, буквально вслед за этим соглашением последовало подписание нового соглашения по торговле готовой одеждой и текстилем, действие которого завершилось в 1997 г. Следующее соглашение такого рода сроком на три года (1998-2000) было подписано 17 ноября 1997 г.

Особенностью последнего документа было расширение Европейским союзом квоты на экспорт готовой одежды и текстиля из Вьетнама сразу на 40%. Столь значительное увеличение квоты помогло СРВ создать несколько сот новых рабочих мест.

В серии такого рода договоренностей последним на сегодняшний день было Соглашение о торговле текстилем и готовой одеждой на 2000-2002 гг., вступившее в силу 15 июня 2000 г. Согласно новой договоренности, стороны приняли на себя обязательства расширить внутренние рынки для взаимных поставок тканей и текстильных изделий. Европейский союз согласился расширить экспортную квоту Вьетнама еще на 30%.

Для определения возможностей расширения поставок вьетнамского текстиля на западноевропейский рынок, целесообразно охарактеризовать его состояние и динамику за последние 10-12 лет. При этом в первую очередь следует рассмотреть емкость рынка текстиля и готовой одежды в Европейском союзе, а затем перейти к характеристике его страновой структуры и другим особенностям.

Итак, Европейский Союз был и остается важным рынком сбыта для текстиля, который производится во многих развивающихся странах и является важнейшей статьей их внешней торговли. Например, среднегодовой рыночный спрос на ткани и готовую одежду в Европейском союзе составляет примерно 46 млрд долл. США². Это открывает возможности увеличения доли вьетнамского экспорта на столь емком рынке. Структура его занятости представлена взаимными поставками самих стран-членов ЕС (до 50%), 17% — из Азии, преимущественно из Китая, остальные — из других регионов (Россия, Австралия, Канада и т. д.). Являясь крупными импортерами текстиля и готовой одежды, страны-члены Европейского союза в свою очередь представляют собой крупнейшие экспортеры такой продукции (из 15 ведущих стран-экспортеров мира в области текстиля и одежды в насто-

ящее время 6 приходится на ЕС) на другие рынки за пределами ЕС. В 1992 г. ведущее место среди них занимали такие страны, как Германия (стоимость экспорта — 13,9 млрд долл.), Франция (6,3 млрд долл.), Великобритания (44,3 млрд долл.). Кроме них, в менее значительных масштабах продают за рубеж текстильную продукцию Италия, Португалия и Нидерланды. Таким образом, работать на текстильном рынке ЕС, несмотря на его емкость, далеко не просто. Фактически западноевропейский рынок давно уже поделен, и когда Вьетнам попытался отыскать там нишу для себя, ему пришлось столкнуться со многими трудностями. СРВ вынуждена считаться со следующими объективными обстоятельствами. Во-первых, западноевропейский рынок предъявляет высокие требования качеству экспорта, так как западноевропейский хорошо обеспеченный потребитель избалован высоким качеством товаров отечественного производства. Производимые в странах ЕС ткани и одежда, рассчитанные на массового потребителя, не говоря уже о серийном и штучном производстве, имеют высокий престиж и довольно постоянный спрос на мировых рынках. В странах ЕС функционируют крупнейшие центры мировой моды и самого современного дизайна, в которых работают мастера высочайшего класса. К тому же на рынках этих стран высоким спросом пользуется одежда, произведенная из тканей, сотканых по новейшим технологиям из волокон натурального происхождения — шерсти и шелка. Для производства такой одежды требуется высокий профессионализм, достичь которого не всегда удается производителям многих развивающихся стран.

Тенденцией в развитии национальных экономик высокоразвитых стран в последней четверти XX в. стало перенесение производств в развивающиеся страны, приближая его к рынкам сырья и дешевой рабочей силы. Это дает им, помимо существенной экономии, реальную возможность прочно привязать к себе страны-реципиенты. Наиболее выгодным считается передислокация производств, продукция которых не требует для хранения и перевозок дорогостоящей инфраструктуры. Именно к такому роду промышленности относится производство предприятий легкой индустрии. На сегодняшний день западноевропейские страны успешно кооперируются с производителями во многих регионах мира, особенно в азиатских странах, и организуют этот процесс на основе контрактации. Они поставляют своим партнерам разработки кроя одежды, лекала и даже технологии обработки, и остаются в этой области монополистами, оставляя непосредственное производство своим партнерам. Сказанное относится и к вопросам производственной кооперации между ЕС и Вьетнамом.

Характеризует рост поставок готовой одежды и текстиля данные, приведенные ниже (табл. 4).

Таблица 4

**Экспорт швейных изделий и текстиля из Вьетнама
в Европейский союз в 1994-2000 гг.**

Годы	Экспорт текстиля и одежды в ЕС, млн долл. США	Темпы роста (%)	Весь экспорт страны — 100, в том числе текстиля и одсжды
1994	298	19,2	54,2
1995	355	19,1	47,3
1996	428	20,6	37,2
1997	460	7,5	34,1
1998	456	16,7	40,4
1999	605	10,8	35,9
2000	650	7,4	35,7

Источник: Данные министерства торговли и министерства планирования и инвестиций СРВ за соответствующие годы

В начале 2000-х гг. ухудшение международной обстановки и снижение потребительского спроса в мире в целом, в зоне Европейского союза, в частности, создало неблагоприятную обстановку для роста внешнеторгового оборота Вьетнама. В итоге объем продаж Вьетнамом Европейскому союзу готовой одежды и текстиля сократился. Одновременно встречное поступление товаров такой спецификации в СРВ из ЕС возрос, что поставило вьетнамского производителя в тяжелые условия.

В системе организации торговли в рамках Европейского союза функционируют крупные оптовые торговые центры. Эти центры закупают товар крупными партиями и затем через своих дистрибьюторов (их более 50-ти) распространяют его по всей Европе. Однако если в структуре экспорта СРВ в ЕС занимают готовая одежда и текстиль, составляющие до 50% стоимости совокупного экспорта страны в Европейский союз, то на долю импорта Европейским союзом товаров такого рода из Вьетнама в его совокупном импорте текстиля составляет только 0,5%³. Следовательно, у Вьетнама имеются еще значительные резервы усилить свои позиции на текстильном рынке ЕС за счет улучшения качества и снижения себестоимости продукции, внедрения передовых технологий, добиваясь улучшения качества сырья, отделочных материалов и т.д.

В 2000 г. объем вьетнамского экспорта готовой одежды в зону Евросоюза вырос на значительно меньшую величину, чем в 1990-1999 г. (21,4% ежегодно) — на 9,0%. В 2000 г. поставки швейных изделий из Вьетнама в ЕС превысили 1,65 млрд долл. США. Однако ЕС предоставил Вьетнаму более выгодные условия торговли, чем в предыдущее десятилетие. Перечислим их.

СРВ получила увеличенные квоты на экспорт одежды по сравнению с остальными странами АСЕАН, экспортирующими свои товары в ЕС.

В соответствии с новым двусторонним Соглашением по текстилю, готовой одежде и обуви между СРВ и ЕС, заключенным 11 октября 2000 г. (вступил в силу в 2001 г.), Европейский союз увеличил квоту экспорта готовой одежды на свой рынок на 20%.

Однако в торговле готовой одеждой у Вьетнама есть одна особенность, которая снижает потенциальные доходы страны от ее экспорта в ЕС. Это — наличие посредников. Иначе говоря, вся торговля основывается на субподряде. Подрядчикам как посредникам достается высокий процент от прибыли. Система субподряда получила в азиатском регионе весьма широкое распространение, так она зародилась уже давно, когда многие развивающиеся страны были лишены прямого выхода на западноевропейские рынки. По оценкам, около 70% вьетнамской готовой продукции легкой промышленности поступает в ЕС через систему субподряда, которая базируется на субконтрактах. Вьетнам вынужден был пойти на это: так субподрядная система помогает ему создавать новые рабочие места и сохранять старые. И все-таки потери от действия такой системы весьма велики — Вьетнам получает только 30% от той прибыли, которую он имел бы в случае непосредственного выхода на рынок Европейского союза⁴. На практике сложились три формы поставок продукции легкой промышленности Вьетнама на западноевропейский рынок.

Во-первых, вьетнамские производители-экспортеры работают по субконтрактам, которые с ними заключают компании третьих стран — Японии, Южной Кореи, Гонконга (Китай), Тайваня, а также компании из стран Европейского союза, базирующиеся в странах Азии.

Во-вторых, на экспорт в ЕС из Вьетнама поступает продукция, произведенная вьетнамскими компаниями с инвестициями из Европейского Союза.

В-третьих, непосредственные поставки товаров из СРВ в зону ЕС.

В настоящее время беспокойство Вьетнама вызывает вступление во Всемирную торговую организацию Китая, страны с развитым производством

текстиля и готовой одежды, так как, согласно правилам ВТО, КНР получит широкий доступ на рынок ЕС и станет самым серьезным конкурентом СРВ. Тем более, что, как того требует Соглашение ВТО по верхней одежде и текстилю (WTO Agreement on Garment and Textile — АСТ), Европейский союз готовится с 1-го января 2005 г. вообще отменить порядок квотирования текстиля и одежды. Это поставит Вьетнам перед новыми вызовами, так как он именно в это время готовится к вступлению в ВТО.

Экспорт обуви

Обувь считается перспективной статьёй вьетнамского экспорта. Ее ассортимент достаточно широк, а цены низки.

Ниже представлен экспорт обуви в ЕС по странам (табл. 5).

Таблица 5

Географическая структура вьетнамского экспорта обуви в страны Европейского Союза, 2001 г.

Страны	Доля в экспорте обуви в ЕС
Всего	100,0
В том числе:	
Германия	25,3
Великобритания	21,0
Франция	14,3
Бельгия	12,3
Италия	8,1
Голландия	3,9
Испания	4,6
Швеция	2,2
Дания	1,3
Греция, Австрия и Финляндия, каждая	0,8
Ирландия	0,6
Португалия	0,2
Люксембург	0,1

Источник: *Vietnam Economic Review. June 2002. P. 32*

Данные таблицы показывают, что Германия лидирует в списке стран-экспортеров обуви из Вьетнама. Но втором месте — Англия, на третьем — Франция. В небольшом количестве вьетнамскую обувь приобретает даже Италия, которая сама является крупнейшим западноевропейским производителем и экспортером обуви.

Последнее время вьетнамские производители стремятся соответствовать европейскому дизайну, спецификации размеров и прочим требованиям западноевропейских стандартов. Среднегодовые темпы увеличения продаж обуви в зону ЕС во второй половине 1990-х гг. в основном стабильно превышали 13%. В списке десяти наиболее прибыльных статей экспорта эта статья занимала второе место. Но сейчас спрос на обувь из Вьетнама на западноевропейских рынках колеблется. В результате ее экспорт в Европейский союз за первые 7 месяцев 2001 г. оценивался в 899 млн долл. США — на 0,7% меньше, чем за тот же период предыдущего года. Совокупный вьетнамский экспорт обуви в 2001 г. составлял 1,55–1,6 млрд долл., определив прирост всего лишь на 9,9% против 13,4% в 2000 г. Иными словами, предварительный прогноз, показывавший, что экспорт обуви возрастет до 1,85 млрд долл. или на 31,2% от

уровня предыдущего года не оправдался. Со второго места в списке десяти наиболее прибыльных статей экспорта он переместился на пятое место — вслед за экспортом предметов искусства. Причин сложившегося положения было несколько.

Во-первых, объективно такое падение было предопределено снижением субконтрактных цен на обувь, поскольку 70% ее экспорта производится, как и готовой одежды и текстиля, на основе субконтрактов.

Во-вторых, значительно повысились цены на давальческое сырье из других стран, что привело к удорожанию продукции и росту экспортных цен. Рост же экспортных цен, как это бывает в таких случаях, вызвал падение спроса на обувь вьетнамского производства.

В-третьих, выход из кризиса ряда стран Юго-Восточной Азии стимулировал там увеличение производства обуви и выброс его на внешние в том числе западноевропейские рынки, что усилило конкуренцию и поколебало позиции вьетнамского экспорта.

В-четвертых, на снижение стоимости экспорта обуви в ЕС сыграло и введение в обращение новой валюты — евро, которая понизила курс доллара на финансовых рынках и уменьшила стоимость экспортной продукции развивающихся стран.

Расширение экспорта обуви, которая пользуется неплохим спросом в странах ЕС (особенно спортивной обуви) может быть обеспечено только снижением себестоимости этой продукции. Сейчас она относительно велика из-за того, что вьетнамские производители вынуждены приобретать по импорту значительную часть материалов. Поэтому одной из первых задач в этой области на сегодняшний день становится организация производства этих материалов на месте.

Экспорт продукции сельского хозяйства, пресноводного и морского промыслов

Производство продукции аграрного сектора рассматриваются в СРВ как перспективное для обеспечения роста экспорта и его диверсификации. По заключению руководителей министерства торговли СРВ, стоимость экспорта продукции аграрного сектора республики в Европейский союз в скором времени достигнет и, возможно, даже превысит 1 млрд долл. США в год⁵.

Для такого заключения, по-видимому, есть все необходимые предпосылки. Основными статьями аграрного экспорта Вьетнама в страны ЕС является кофе, специи, рыба и креветки, орехи (земляные и кэшью) специи, а также рис.

В настоящее время Вьетнам является третьим крупнейшим экспортером кофе в мире после Бразилии и Колумбии, которым принадлежит 10% мирового рынка этого товара. В настоящее время Европейский союз является крупным потребителем вьетнамского кофе, закупая в СРВ 25% ее кофейного экспорта. Вьетнам экспортирует в ЕС преимущественно зеленый кофе. Для увеличения поставок кофе на рынок ЕС во Вьетнаме принимают меры для повышения его качества, расширяя посадки кофейного дерева сорта "арабика", пользующегося в Европе особым спросом, и налаживая выпуск растворимого кофе высокого качества.

Вьетнам также экспортирует в зону ЕС рис. Объем этого экспорта невелик, поэтому официальная статистика, как правило, не выделяет Европейский союз в качестве одного из основных импортеров вьетнамского риса. Некоторое представление о нем могут дать следующие показатели (табл. 6).

Таблица 6

Состояние и перспективы увеличения вьетнамского экспорта риса,
тыс. тонн

Рынки	2000 г.	2001-2005	2006-2010
Азия	1340	1570	1490
Африка	1870	2190	2730
Латинская Америка бассейна Карибского моря	520	620	880
Другие регионы, включая ЕС	100	230	320
Итого	3830	4610	5420

Источник: World Bank Statistics and Forecast of Kim Quoc Chinh in his Forecast on Vietnam's Rice Export Capacity during 2001-2010 (Vietnam Economic Review. March. 2002. № 3 (91). P. 24.

Приведенные в таблице расчеты показывают, что в настоящее время и на будущее основными покупателями риса у Вьетнама являются (или будут) такие крупные регионы, как Африка (первое место) и Азия (второе место), Латинская Америка (третье место). ЕС отнесен в категорию "другие регионы", где уровень вьетнамского риса является самым низким. Объем продаж этого зерна в Европу, Северную Америку и страны Океании составлял к 2000 г. не более 0,8 млн тонн. Причинами такого положения является рост конкуренции на мировом рисовом рынке по продаже риса высокого качества, которую составляют Вьетнаму Китай, Индия, Индонезия и Таиланд. СРВ проигрывает, экспортируя в основном рис-падди (неочищенное зерно), в то время как его конкуренты увеличивают вывоз очищенного и шлифованного риса высших сортов, мировая цена на которые в 1,3-1,7 раза обычно превышает цены на рис-падди. В настоящее время доля высоких сортов риса в экспорте до сих пор составляет менее 10%. Основным конкурентом Вьетнама на мировом рынке, включая западноевропейский, в ближайшее десятилетие останется Таиланд, которому принадлежит четвертая часть мирового экспорта риса, объем которого превышает экспорт Вьетнама в 1,4 раза. В перспективе более широкий вывоз риса на рынок ЕС для СРВ зависит от организации очистки риса на местах, что обеспечит рост занятости сельского населения и повысит сортность и стоимость продукта на внешних рынках в целом, а также от изменения спроса на рис в странах-импортерах. По прогнозам международных торговых организаций, в предстоящее десятилетие спрос на рис в мире может возрасти на 20-30%, хотя в Западной Европе он будет значительно меньше — не более 5-6%, в основном за счет повышения доходов населения и, соответственно, спроса на очищенный и шлифованный рис. Отдельные вьетнамские исследователи предлагают в экспортной политике в отношении ЕС отказаться от курса на рост продаж риса, сосредоточив внимание на экспорте кофе. Такая позиция, на наш взгляд, недостаточно продумана. Вряд ли стоит отказываться от той, даже малозначительной части западноевропейского рынка риса, который есть сейчас у Вьетнама. Более перспективным представляется продвижение экспорта очищенного риса, а не сужение структуры вьетнамского экспорта в целом.

Еще одной статьей вьетнамского экспорта в ЕС являются технические культуры, которые представляет в основном натуральный каучук (латекс). Вьетнам располагает уникальными природными условиями для посадок деревьев-каучконосов, и развития резиновой промышленности. Исходя из этого, правительство до недавнего времени планировало быстрый рост производства сырого латекса. Но, по мнению экспертов, перспективы в этой области не столь

блестящи. Неблагоприятная в настоящее время конъюнктура этого товара на мировых рынках делает более предпочтительным переработку латекса на местах и экспорт уже готовой продукции¹. До сих пор СРВ экспортировала в ЕС сырой латекс. Однако падение цен на это сырье, скорее всего, приведет к сокращению его экспорта и организации его переработки на местах. Однако главная проблема, препятствующая росту этих экспортных статей, заключается в невысоком качестве продукции. Европейский союз, заинтересованный в приобретении продукции тропического сельского хозяйства, со своей стороны принимает участие в решении данной проблемы. Из стран-членов ЕС в СРВ, по договоренности сторон, выезжают специальные миссии, в составе опытных работников сельского хозяйства, в задачи которых входит изучать состояние сельскохозяйственного производства и оказывать крестьянам помощь в организации повышения качества аграрной продукции. Последние годы на экспорт поступает все больше готовых продовольственных товаров — лапши быстрого приготовления (*instant noodles*) в расфасованном виде, различных соусов и других приправ. Крупнейшим экспортером такой продукции в Европу в 1990-х гг. была вьетнамская компания по промышленному производству продовольствия — *Vifon (Vietnam Food Industry Company)*.

Вьетнам располагает уникальными возможностями для добычи и разведения речной рыбы, морских креветок и разнообразных моллюсков. Спрос на эту продукцию в странах Европейского союза постоянно растет, в особенности в связи с широкой пропагандой здорового питания, в котором она играет большую роль. В результате Европейский союз становится одним из трех крупнейших партнеров СРВ в приобретении у нее продукции пресноводного и морского промысла.

Вьетнам издавна экспортирует на Запад самые разнообразные виды аквакультуры, начиная от простых моллюсков и кончая тигровыми креветками, а также продает некоторые виды морской и речной гладкокожей рыбы (сом и его разновидности). В 2000 г. Европейский союз снял географические ограничения на экспорт этой продукции. До тех пор его требования заключались в том, чтобы поставки креветок и моллюсков производились только из двух районов Вьетнама, теперь же число их расширено до 7-ми. Спрос на морепродукты увеличивается и со стороны Соединенных Штатов. Поэтому вьетнамское правительство приняло в 2000 г. решение рекомендовать производителям пaddy (необрушенный рис) использовать часть зативных земель под выращивание моллюсков. Параллельно возникают сопутствующие проблемы: усиление и повышение качества контроля над заболеваниями рыбы и креветок, улучшение среды разведения с тем, чтобы снизить риск производства для фермеров. Увеличение добавочной стоимости производства аквакультуры во Вьетнаме связано с обновлением технологии переработки (например, выпуск рыбного порошка, соусов и других пищевых добавок, пользующихся высоким спросом на западноевропейском рынке), повышением качества упаковки и рекламы. Ставится задача — довести экспорт этой продукции в ближайшие пять лет с 900 млн долл. до 1,5 млрд долл. США.

Нефть-сырец, представляющая собой ведущую статью экспорта СРВ, имеет на данный момент небольшое значение, так как ЕС имеет давних поставщиков этого товара в зоне Ближнего Востока и в Африке. Однако низкая стоимость рабочей силы во Вьетнаме побуждает отдельных предпринимателей, например из Франции, организовать в СРВ производство минеральных масел с последующим экспортом в страны ЕС. Но объемы такого экспорта пока еще очень ограничены, хотя и свидетельствуют о пробуждающемся интересе западноевропейских импортеров к продукции переработки нефти во Вьетнаме.

3.3. Проблемы вьетнамского импорта из стран-членов ЕС

Особенностью торгово-экономического сотрудничества Вьетнама с Западом является отставание темпов роста импорта от экспорта. Это объясняется не только низкими уровнем экономического развития Вьетнама и незавершенностью реформы обновления, но и особенностями импортной политики. В общей стратегии социально-экономического развития страны принят курс на переход в промышленном строительстве от политики импортозамещения к проэкспортной политике. На этапе становления государственного суверенитета страна стремилась всячески сокращать зависимость отечественного производства от импорта, которая рассматривалась как угроза национальной безопасности. Кроме того, Вьетнам не располагал необходимыми финансовыми возможностями для наращивания импорта. В настоящее время ситуация начинает меняться. Импорт, в географическом аспекте, в период обновления проявил тенденцию к расширению, отразив, таким образом, стремление СРВ не только использовать внешние связи для ускорения темпов экономического развития, но и подтвердить перед лицом мировой общественности открытие своего внутреннего рынка странам, независимо от их социально-политических режимов и идеологических направлений.

В 1997-2000 гг. Вьетнам был связан импортными соглашениями и контрактами с государствами и территориями пяти континентов мира (табл. 7).

Таблица 7

Стоимость вьетнамского импорта, 1995-1999 годы, млн долл. США

Страны	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Всего	8155,4	11143,6	11592,3	11300,0	33200,0
Азия	6338,8	8612,6	9085,7		-
Европа	1083,1	1540,2	1726,6	1766,2	-
Америка	169,7	304,4	305,5		-
Африка	7,8	12,9	23,7		-
Австралия и Океания	103,9	155,5	218,4		-

Источник: Vietnam Statistical Yearbook 1998. Pp. 280-281; Пульс Планеты. 1999. 27 апреля.

Несмотря на неполноту данных, характеризующих европейский импорт, очевидно, что на его долю приходится основная часть в совокупном импорте СРВ. Импорт Вьетнама из Европейского союза представлен в основном товарами производственного назначения. 90% импорта составляют железо, сталь и стальные изделия, машины и оборудование, горюче-смазочные материалы, удобрения, некоторые виды продовольствия. Преобладание в импорте товаров производственного назначения показывает, что модернизация национальной экономики требует именно такого характера импорта, но его сравнительно малый объем свидетельствует не только о протекционизме, но и о том, что вьетнамская экономика пока не в состоянии поглощать и осваивать промышленный импорт из ЕС. Для этого стране недостает новейших производственных мощностей, передовых технологий, профессионально подготовленного персонала. В итоге Вьетнам, который является крупным производителем и экспортером сырой нефти, до сих пор вынужден импортировать продукцию ее переработки. Вьетнам добывает нефть, но до сих пор не имеет нефтеперегонных мощностей и поэтому вынужден экспортировать ее за рубеж, где нефть проходит переработку и поступает обратно в страну через Сингапур. Поэтому в настоящее время СРВ кровно заинтересована в создании нефтеперерабатывающих предпри-

ятий и ведет в этом направлении большую работу. Об этом свидетельствует и международная обстановка. С учетом ее премьер-министр СРВ Фан Ван Кхай в марте 2003 г. издал распоряжение о необходимости экономить бензин и другие нефтепродукты в связи с положением на Ближнем Востоке. В распоряжении подчеркивается, что "ни одна государственная автомашина не должна использоваться в личных целях" и "все организации обязаны соблюдать режим строжайшей экономии горючего". Министерству финансов было предписано распределить квоты на потребление нефтепродуктов среди всех государственных учреждений. Надо полагать, что ситуация, вызвавшая к жизни такое распоряжение, будет способствовать активизации усилий Вьетнама по созданию собственных нефтеперегонных мощностей в ближайшие же годы и привлечению к решению этой проблемы инвесторов из разных стран, включая и страны Европейского союза. Таким образом, будет сделан шаг вперед в области нефтяной промышленности — страна перейдет от добычи и экспорта нефти-сырца к экспорту готовой продукции. В целом же Вьетнам в настоящее время начинает переходить от политики импортозамещения к проэкспортной политике, стремясь при этом сбалансировать объемы импорта и экспорта в интересах модернизации и индустриализации своей экономики. Повышая технический уровень промышленного производства, используя для этого импортные средства производства, страна добилась того, что в конце 1990-х гг. доля национальной индустрии в экспортном обороте увеличилась до 40% против 14% в 1991 г. 4-я сессия Национального Собрания СРВ в 1999 г., рассмотрев баланс внешней торговли, поставила задачу — достичь такого соотношения между экспортом и импортом, чтобы разница между ними не превышала 18% стоимости экспорта. Для ее решения Вьетнам намерен интенсивнее развивать и индустриализировать отечественные экспортные производства.

1. Vietnam Economic Review. June 2002. P. 31.
2. Vietnam Economic Review. August 2002. P. 11.
3. Vietnam Economic Review. August 2002. P.12.
4. Vietnam Economic Review. June 2002. P. 32.
5. Vietnam Economic Review. February 1999. P. 17.
6. Year 2010: 50 Billion Export Turnover.// Vietnam Economic Review. March. 2002. № 3 (91). P. 37.
7. Премьер-министр СРВ о ситуации с нефтью в стране. ИТАР-ТАСС. Ханой. 2003. 31 марта// Пульс Планеты. 2003.; 1 апреля. "АК" -7.

История

Группа Рихарда Зорге в Китае (1930-1932 гг.)

© 2005

В. Усов

О работе Рихарда Зорге как одного из лучших советских разведчиков в Японии написано за рубежом и у нас в стране довольно много книг, воспоминаний, но до сегодняшнего дня картина деятельности группы Зорге в Китае освещена сравнительно слабо, несмотря на введенные в научный оборот в последние годы новые, в прошлом секретные архивные документы и материалы. Эта картина остается довольно туманной и расплывчатой, временами противоречивой, неполной, иногда даже обманчивой. Автор попытался, насколько возможно, восстановить деятельность группы Р.Зорге в Китае в 1930-1932 гг.

10 января 1930 г. в порту г.Шанхая с японского судна сошел на берег немного прихрамывающий высокий мужчина лет 35. Интеллигентное лицо, глаза светлые, почти прозрачные. По документам это был немецкий журналист доктор Рихард Зорге¹. Через неделю он нанес визит в германское консульство в Шанхае, где представил рекомендательное письмо от департамента прессы германского МИДа, адресованное генеральному консулу Германии в Шанхае барону фон Колленбергу. Старый барон, с моноклем, с жесткой, в проседи шевелюрой, внимательно прочел письмо. "Г-н доктор Рихард Зорге, проживающий в Берлине, Шарлоттенбург, Райхсканцлерплац, 1, — говорилось в письме, — намеревается прибыть в Шанхай для изучения аграрных отношений в Китае. Просим оказать доктору Зорге содействие в сборе необходимых материалов"².

"Собираетесь изучать валютные операции и сельское хозяйство? — Монокль барона повис на шнурке, а глаз его понимающе подмигнул. — Ну-ну!..."

“Пожалуй, барон предполагает, что у меня есть особое задание из Берлина, — подумал гость. — Что ж, тем лучше”.

Гость объяснил сотрудникам консульства, что желал бы изучать сельскохозяйственные условия Китая, чтобы написать серию статей для немецкой сельскохозяйственной газеты, возглавляемой д-ром Юстусом Шлоссом, который пользовался поддержкой германского министерства продовольствия и сельского хозяйства.

Консул рассказал Р.Зорге как, по его мнению, можно скорее сблизиться с высокопоставленными сановниками из окружения Чан Кайши.

“Нам, немцам, всегда надо полагаться друг на друга, — заявил консул. — Советую Вам использовать наших офицеров из миссии военных советников при правительстве Чан Кайши”.

Итак, его приняли без особых вопросов и снабдили несколькими рекомендациями на имя ведущих немецких бизнесменов в Шанхае, а также консульским властям других стран в Китае.

В дальнейшем германское консульство не имело почти никаких сведений о деятельности журналиста Зорге, за исключением того, что он предпринял продолжительную поездку вглубь Китая и на некоторое время распространившихся слухов, будто он связан с китайскими левыми. Но все это выглядело вполне естественным на фоне его разнообразных и многочисленных журналистских связей, которые он завел еще в Берлине, поскольку доктор Зорге не делал особых попыток скрыть свои левые убеждения в беседах с немцами, живущими в Китае. Другое поведение, напротив, могло бы лишь вызвать подозрения.

Маршрут Рихарда Зорге из Советской России в Китай был довольно сложным и разрабатывался 4-м управлением Штаба Красной Армии довольно основательно. В московскую гостиницу, где проживал Р.Зорге, пришел ветеран 4-го управления полковник Л.А. Борович³ (Алекс)⁴, чтобы подробнее объяснить задание. Он направляется в Шанхай под псевдонимом Рамзай. Руководителем разведсети в Шанхае будет Алекс (см. сноску 18а), радистом — Себер Вейнгартен. Сначала он из Москвы должен поехать в Германию: ему необходимо получить рекомендательные письма, которые могли бы помочь обосноваться в незнакомой стране.

Еще в начале 1920-х годов, будучи ассистентом профессора социологии Франкфуртского университета, он выступил со статьями в журнале “Социологический магазин”. Сейчас это пригодились. Зорге наведялся во Франкфурт и договорился в журнале о сотрудничестве, получив соответствующее письмо. Кроме того, рекомендательное письмо ему дал редактор “Дойче гетрайде-цайтунг” доктор Юстус Шлосс. Еще одно удостоверение — от “Немецко-китайского общества”, для которого молодой ученый взялся изучать банковские и валютные вопросы. Далее “журналист” посетил Америку. Во время остановки в Нью-Йорке благодаря содействию чиновников германского консульства Зорге связался с несколькими американскими газетами. В их редакциях с энтузиазмом приняли предложение о сотрудничестве известного молодого журналиста. Договорились, что немец будет подписывать свои материалы из Китая псевдонимом Алекс Джонсон.

Р.Зорге далее проследовал через Париж в Марсель, где встретился с Алексом. Оба садятся на борт японского корабля, где их ждет третий человек — С.Вейнгартен. Они плывут через Суэцкий канал с заходом в порты Коломбо и Гонконг, и, наконец, прибывают в Шанхай. Алекс оставался в Шанхае только шесть месяцев, после его отъезда руководителем группы стал Р.Зорге⁵.

Весной 1929 г.⁶ из Москвы в Китай выехал Макс Клаузен⁷. Его отправили в Шанхай, где он должен был в дальнейшем по плану присоединиться к группе Зорге. В Москве Клаузену показали фотографию человека, который будет ждать его каждый вторник в пять часов вечера в шанхайском “Палас-отеле”. (Это был Константин Мишин, бывший русский офицер, который бежал от

революции и оказался в Шанхае). Пароль — в левой руке он должен держать номер газеты “Шанхай Таймс”, а в правой — трубку.

*Радиист группы Рамзай
Макс Клаузен*

*Анна Клаузен — жена, помощница
и верный друг Макса Клаузена*

Две недели в пути по транссибирской магистрали, поездом до Дайрена (Далая), затем пароходом в Шанхай. В отеле в установленное время к нему действительно подошел человек и спросил: “Как поживает Эрн?” — “С Эрной все в порядке. От нее сердечные приветы”, — был получен ответ. У спрашивавшего был хороший, приятный голос. Как выяснилось позднее, одно время Мишин работал бродячим уличным певцом. Из отеля он проводил гостя на улицу Думер. Здесь, на третьем этаже дома № 9, Макс временно снял две комнаты. Рядом с домом была небольшая пристройка. Клаузен решил открыть в ней мастерскую по ремонту велосипедов и мотоциклов.

Через несколько дней на квартиру доставили похожий на несгораемый шкаф передатчик — такой же тяжелый и неуклюжий. Вместе с приемником марки “Пилот” он занял в комнате целый угол. Макс понимал, что если нагрянет полиция, его “игрушки” не спрятать. Установив на крыше антенну, он провел несколько пробных коротких радиосеансов с Владивостоком, но связь была неустойчивой, слышимость — слабой.

Макс решил сделать новый передатчик из подручных материалов, купленных в магазинах. Вскоре передатчик был готов и действовал неплохо. Владивосток подтвердил: слышимость неплохая, работа устойчивая.

В июле 1929 г. после того как была установлена связь между Шанхаем и Владивостоком, Клаузен получил задание отправиться в Харбин и установить там радиостанцию, которой будет пользоваться группа военных разведчиков в Маньчжурии. Учитывая бдительность местной полиции, стали думать, как можно более безопасно переправить в Харбин нужный инструмент и детали. Выход был найден. Весь его багаж был любезно перевезен для него французским дипломатом. Там Клаузен встретился с советскими резидентами.

В октябре 1929 г. Клаузен вернулся в Шанхай и нашел работу в автомастерской как прикрытия для своей деятельности в качестве радиста. В

1930 г. советскому резиденту Джиму Лехману, прибывшему для организации радиосвязи с Москвой и возглавлявшему группу, в которую входила молодая американка Рет Беннет, занимавшаяся шифровальными работами, но в ноябре 1929 г. уехавшая в Москву⁴, сообщили о прибытии новой миссии из Москвы. Клаузену было поручено встретиться с одним из ее членов. Им оказался некий Вейнгартен, коллега Клаузена по радиошколе в Советской России. Оба они были членами одной и той же партийной ячейки в Гамбурге и обучались по одинаковой программе. Обе группы объединили свои усилия и технические ресурсы для выполнения общей задачи налаживания радиосвязи по всему Китаю и обеспечения выхода на Москву через Владивосток.

Теперь уже Вейнгартен представил Клаузена появившемуся в Шанхае Р. Зорге. Работать на одном месте становилось опасно, передатчик в любое время могли обнаружить. Максу было предложено подыскать себе другое жилье, откуда можно было бы напрямую вести передачи. На некоторое время Клаузен переехал в "Отель де Франс". Там ему подсказали, что хозяин содержит помимо отеля еще и небольшой пансион. Макса это заинтересовало. В пансионе были свободные комнаты, но на втором этаже. Ему же нужен был последний третий этаж, где имелось две большие комнаты и одна маленькая, именно оттуда было удобнее всего вести передачи на Владивосток, сделав внешнюю антенну. Но все три комнаты были заняты. С двумя жильцами удалось договориться через хозяйку дома, они переселились этажом ниже. В третьей комнате жила одинокая женщина, которая наотрез отказалась куда-либо переезжать. Клаузен узнал, что над ним живет финка — Анна Валлениус, которая бежала из Советской России. Он зашел к ней, чтобы лично поговорить о ее комнате. Во время первой встречи и разговора ей понравился этот молодой иностранец, они стали чаще встречаться. Одиночество сблизило Анну с этим веселым и добродушным соседом в чужом ей городе. В то время она, конечно, ничего не знала о подпольной деятельности Клаузена. Любовная история развивалась по своим законам, и вскоре Клаузен вынужден был решать с самим Зорге вопрос, не повлияет ли подобное общение на безопасность группы. Однажды воскресным вечером он пригласил Анну в ресторан на Нанкин-роуд, где познакомил с Рихардом Зорге. В интервью, данном Клаузеном 30 октября 1964 г. газете "Neues Deutschland", он вспоминал, что Зорге тогда сказал: "С этой женщиной все в порядке, можешь брать ее"⁵.

Макс и Анна поселились вместе в тех комнатах в мансарде и стали вести совместное хозяйство.

Зорге решил воспользоваться советом, данным немецким консулом в Шанхае, и, не теряя времени, отправился из Шанхая в Нанкин. Остановился он в отеле, где, по его данным, жили его земляки, и за стойкой бара завязал первое знакомство.

Так он познакомился с военным советником при Нанкинском правительстве полковником фон Крибелем. Кроме того, у Рихарда сложились хорошие отношения с немецкими пилотами авиалинии "Евразия", и он мог узнавать у них без особого риска многие подробности того, что происходит в Китае.

В мае 1930 г. Зорге выехал в Гуанчжоу (Кантон), где прожил шесть месяцев в международном сеттльменте в мебелированных комнатах. Оттуда он осуществлял многочисленные поездки по югу Китая и устанавливал нужные контакты в самом городе. Посетив германское консульство в Гуанчжоу, он получил возможность войти в среду немецкой общины, а рекомендательные письма генерального консула помогали ему завязать связи с новыми знакомыми.

Вскоре он уже мог ответить на один из вопросов, который волновал Москву — о реальной силе правительства Чан Кайши и его армии.

Рихард ускоренными темпами учит китайский и японский языки, кроме родного немецкого, он говорил также на английском, французском, русском.

После поездок по Китаю Р. Зорге пишет статьи о китайском сельском хозяйстве в газету "Гетрайде цайтунг", и эти материалы с большим интересом читаются в Германии, убеждая всех, что пишет незаурядный журналист, обладающий глубокими знаниями и интеллектом.

17 мая 1930 г. в 4-е управление штаба РККА Таирову пришла телеграмма от Рамзая следующего содержания: "Кантон, 16 мая 1930 г. Кантон работает. Связи с Шанхаем еще нет"¹⁰. В следующих телеграммах от 6 июня и 21 июля 1930 г. Рамзаем анализировались военные группировки на юге Китая и их численность.

Вернувшись в Шанхай 20 октября, он шлет шифровку на имя Берзина: "По сведениям из Тянь-Тзина (Тяньцзинь.— В.У.), разногласия в лагере Мукдена развиваются, группа стариков начала переговоры с Фыном (Фэн Юйсян.— В.У.)"

29 ноября на стол Берзина ложится новая шифровка от Рамзая из Шанхая: "Атаман Семенов опять сообщает, что Япония готова действовать против СССР в случае нового конфликта. Семенов переедет из Японии в Маньчжурию, но хочет раньше встретиться с ЧКШ (Чан Кайши.— В.У.) и немецким инструктором Меленгофменером. Стараются устроить встречи. Председатель Международной Комиссии по серебряным деньгам в Вашингтоне приехал в Шанхай для переговоров в Нацправительством о займе в 500 миллионов. 75-й полк 12-й дивизии обезоружен красными у Хвань Шей-а на севере Хубея на жел. дороге, два полка 48 дивизии отправлены туда. Действия красных очень оживляются во всех частях Хубея"¹¹.

И 10 декабря 1930 г. Берзин получает еще одну шифровку от Рамзая из Шанхая: "Секретарь Инстр[анных] дел в Нанкине рассказал мне следующее: Мукден согласен с политикой Нацправительства против хабаровского протокола, против дип. отношений с СССР и будет настаивать на выполнении всех пунктов соглашения 1924 года. В этот момент Нацправительство будет избегать повторения военного конфликта с СССР"¹².

В Шанхае за два года до появления там Р.Зорге осел японский корреспондент "Осака Асахи симбун" Одзаки Ходзуми¹³.

Подобный круг людей стал объектом пристального внимания Зорге, когда он начал создавать свои каналы получения необходимой информации о японской политике в Китае, а также материалов общего характера, касавшиеся политики Японии на Дальнем Востоке.

Подыскивая для себя людей, готовых давать ему нужную информацию, Рихард обратился за помощью к Агнесс Смэдли. За несколько месяцев до этого она уже познакомилась с Одзаки Хоцуми. Представила их друг другу некая Ирэн Вайдмейер, владелица книжного магазина на улице Сучжоу в Шанхае.

В ноябре 1930 г. в офисе Одзаки появился японец по имени Кито Гиничи, живущий в Китае, и сказал, что только что прибыл из США. Как впоследствии после ареста, Одзаки сообщил следователю: "Я решил, что Кито был связан с Американской коммунистической партией или с ее японской секцией". Вскоре после первой встречи Кито предложил познакомить его с "хорошим человеком" и "блестящим американским репортером" Джонсоном. Одзаки решил посоветоваться с Агнесс Смедли — стоит ли ему знакомиться с американцем, та попросила дать ей несколько дней для ответа. Вскоре Агнесс сообщила японцу, что Джонсон действительно хороший человек, и сама представила их друг другу в ресторане на Нанкин-роуд. В конце разговора Джонсон попросил Одзаки снабжать его подробностями о внешней ситуации в Китае и японской политике на Дальнем Востоке. То, что "Джонсон" был на самом деле

Рихардом Зорге, Одзаки не знал в течение нескольких лет, хотя эти двое впоследствии встречались примерно раз в месяц либо на квартире Смедли, либо в китайских ресторанах где-нибудь за городом.

В одной из своих заметок Клаузен указывал, что группа Зорге состояла из Вейнгартена, Войта, Поля, Смедли и его — Клаузена. Мы знаем также, что с Р.Зорге работал с 1930 г. по август 1933 г. Карл Мартынович Римм¹⁴ (Клаас Зельман, "Пауль"), являясь его заместителем и военным советником, его жена Любовь Ивановна (Луиза Клаас) работала радисткой-шифровальщицей в группе Зорге¹⁵. Официально семья Клаас представляла богатых владельцев магазинов и ресторана в Шанхае.

В группу Зорге приехал также "Джон". По словам Зорге, раньше он был членом Польской коммунистической партии. Теперь стал ответственным за шифро-и фотоработу. Он снял дом на авеню Жоффр во французской концессии, который стал одним из основных мест для встреч членов группы. Фотографии документов, предназначенных для передачи в Москву, "Джон" делал у себя в ванной, а затем передавал их Зорге. В качестве прикрытия он открыл небольшое фотоателье в северной части Сычуаньской улицы¹⁶.

Похоже, что Рихард Зорге встретился с А.Смедли примерно в ноябре 1930 г. Здесь следует сказать, что в 1928 г. в одно и то же время они были в Москве, вполне возможно, что там и познакомились. "Я слышал о ней еще в Европе, — сказал Зорге японскому следователю во время допроса позднее. Я знал, что могу оказаться зависимым от нее. Я просил ее помощи в организации моей группы в Шанхае и особенно в подборе китайских сотрудников, — говорил Зорге в своем признании. — Я встречался со всеми ее китайскими друзьями, с кем только можно, делая особые попытки познакомиться с теми, кто добровольно выражал согласие сотрудничать и работать с иностранцем ради левого дела"¹⁷.

Клаузен отзывался об А. Смедли довольно резко: "В интеллектуальном отношении мы были слишком далеки друг от друга... Она была истеричной, тщеславной и самодовольной женщиной"¹⁸. Агнес Смедли скрупулезно собирала досье на всех гоминьдановских генералов, как официально произведенных, так и самозванных, в ее картотеке насчитывались сведения о 218 из них. Она давала каждому свои характеристики, оценивала их человеческие и даже мужские достоинства, в анкете точно указывались их физические данные: рост, вес и т. д. К примеру, в досье на гоминьдановского генерала Чжан Чжунчана, заключившего в 1929 г. пакт с японцами, указывалось, что у него было 38 жен и любовниц.

Зорге активно пользовался этой картотекой, что позволяло ему вкупе с информацией, полученной из других источников, посылать в Центр обстоятельные доклады о структуре и организации вооруженных сил Нанкинского правительства, их финансировании, военных операциях внутри страны и антисоветских провокациях.

Как вспоминала Майя Улановская, которая вместе с отцом Александром Петровичем Улановским (он же Израиль Хаскелевич, Алеша, Алекс)¹⁹ приехала из Москвы в Шанхай от военной разведки и встречалась с Р.Зорге, ее отец хорошо относился к Рихарду, уважал его. "Но все же Рихард не был для него "своим в доску". "Все-таки он немец, — говорил отец, — из тех, кто переспит с женщиной, а потом хвастает". Но Зорге вовсе не хвастал своими победами, — вспоминала М. Улановская. — Просто немецкие радикалы были очень "передовыми" в вопросах морали и удивлялись нашей с отцом "отсталости". Поэтому Зорге запросто рассказывал о своей связи с Агнес Смедли, ведь она была своим человеком, коммунисткой, к тому же незамужней"²⁰. Из этого отрывка мы видим, что Рихард был в довольно близких отношениях с Агнес.

Он неоднократно и активно пытался помочь ей, ходатайствуя за нее перед московским руководством, настаивал на более активном привлечении ее к журналистской работе. Так, в секретном письме И.А.Пятницкому от мая 1932 г. он писал: "Мы удивляемся очень, что Вы на наше предложение использовать для газетной работы в интернациональном масштабе А.[Смедли] (женщина) не реагируете. Роберт (Г.Эйслер.— В.У.) знает ее лично очень хорошо. Напротив, Вы посылаете сюда уйму людей, которые частью не очень применимы и нуждаются в годе-другом для того, чтобы начать что-нибудь понимать в здешних условиях, если им суждено вообще чему-нибудь выучиться. Почему это? А. [Смедли] могла бы на основе нашего предложения сделать в три раза больше и это обошлось бы в три раза дешевле. В этой связи хотим обратить внимание на то, что помощь с ее стороны необходима с тем, чтобы вернуть ей каким-нибудь образом деньги, которые ей следует получить от "Москоу ньюс" и за перевод ее книги у себя дома. А. [Смедли] в настоящее время без занятий, пишет новую книгу и сидит без денег. Дома же, в центре, для нее лежит много денег, которые, однако, ей не послали. Мы просим очень просодействовать в Ваших собственных интересах, чтобы она получила деньги"²⁰.

В середине мая 1933 г. А.И.Пятницкий получил письмо от А.Эверта из Шанхая по поводу А.Смедли. "Прошу Вас поговорить с Агнессой Смедли о ее дальнейшей работе в Китае. До сих пор ее использовали не только мы, но и наши соседи (имеются в виду работники IV управления Штаба РККА. — В.У.) Целесообразно было бы изменить ситуацию. Лучше всего было бы решить проблему так, чтобы Агнесса Смедли получила ряд долгосрочных заданий по литературной линии, которые обеспечили бы ее пребывание здесь и сделали возможным, как и прежде, ее использование для общей работы в Китае. Если Вы сочтете это целесообразным, то Вы сможете наверняка оказать нам некоторую помощь.

Кроме того, я прошу Вас помочь ей: 1) установить связи с литературными кругами в СССР и 2) дать возможность отдохнуть несколько месяцев на Кавказе, где она одновременно хочет написать книгу о Китае"²¹.

Постепенно работа группы Зорге становилась более эффективной. Благодаря китайским помощникам сеть группы Р. Зорге распространилась до Нанкина, Гуанчжоу и Гонконга.

От группы немецких военных советников в Нанкине, с которыми Зорге завел знакомства, он мог узнавать сведения о расположении и вооружении нанкинской армии, о структуре ее "ударных" дивизий и об отношении ведущих военачальников с Чан Кайши.

Между августом 1930 и маем 1931 г. на военную разведку в Китае тратилось ежемесячно более 8500 фунтов стерлингов²². На КПК из бюджета Коминтерна в это время выделялось ежемесячно по 25 тыс. долл. США. В среднем на одного военного разведчика-европейца тратилось по 200 долл. США в месяц, женщине платили несколько меньше — около 150 долл. США, азиатской резидентуре еще меньше²³.

Дело Нуленса

Китайская миссия группы Зорге была лишь одним из звеньев в цепи советских разведывательных групп, действовавших на Дальнем Востоке под началом различных советских учреждений (ОМС Коминтерна, ИНО ОГПУ, IV управления Штаба РККА) в те годы. Только "легальных" резидентур в Китае функционировало 12 — в Чунцине, Ланьчжоу, Харбине, Шанхае, а также в городах Синьцзяна — Урумчи, Кульдже, Чугучаке, Шара-Сумэ, Хами, Кашгаре, Хотане, Аксу²⁴.

Помимо группы Зорге в Шанхае существовала еще одна группа, о которой Зорге упоминает как о группе Фрейлиха-Фельдмана. В их обязанности

входила организация связи с китайской Красной Армией и сбор разведанных, касающихся ее. У этой группы была собственная радиосвязь с Москвой, поддерживаемая радистом группы Фельдманом.

В Шанхае в 1926 г. было создано Дальневосточное бюро Коминтерна для усиления влияния Коминтерна в Китае и на Дальнем Востоке. В 1927 г. двумя представителями ИККИ в Шанхае были Фридрих Фэйрхард и А.Абрамович²⁵. Но в связи с репрессиями властей бюро некоторое время было закрыто. Весной 1928 г. в Шанхай прибывают Нуленсы²⁶, а через две недели после них — Абрамович (под именем Макс Хабер) с женой Эльвирой²⁷. Они открывают филиал компании China Trading Co. Создание торговой фирмы давало возможность свободно въезжать и выезжать из страны, путешествовать по миру, заниматься разведывательной и вербовочной работой, переводить деньги для нужд резидентуры. Абрамович в июле 1929 г. покидает Шанхай из-за ареста члена ЦК Компартии Японии Сано Минубу, с которым он был тесно связан²⁸. Затем 19 марта 1930 г. он вновь приезжает в Шанхай и покидает его в декабре 1930 г.

С марта 1929 г. в составе Дальневосточного бюро ИККИ в Шанхае работали И.А.Рыльский²⁹, немец Г.Эйслер³⁰, Дж. Харди³¹ со своей женой, представители КИМа Беспалов (Вили) и А.Масси³², представитель МОПра американец Джим Долсен (Билли).

На место А.Масси, который покинул Шанхай в конце 1929 г., и Беспалова в Шанхай из Москвы приехал новый представитель КИМа. Летом 1930 г. в Москву был отозван также Дж.Харди. На его место прибыл новый сотрудник под псевдонимом Леон, в Шанхае его звали Джэки. В октябре 1930 г. в Шанхай вернулся Рыльский со своей женой Волынской (псевдоним Роза). В 1931 г. в Шанхае появился американец Тим Райан³³.

19 марта 1930 г. в Шанхай возвращается Нуленс. Его жена³⁴ с двухлетним сыном Дмитрием (Джимми) покидает Брюссель 7 мая и 19 июля 1930 г. появляется в Шанхае. Резко активизируется работа ОМСа в Шанхае. Техническую и финансовую стороны, а также конспирацию представительства Коминтерна в Шанхае обеспечивал шанхайский пункт ОМС³⁵. Нуленс, как представитель ОМСа, отвечал за снабжение, финансирование и связи. В его ведении было 8 почтовых ящиков, 10 квартир, 2 офиса и один магазин, на его банковском счету было 50 тыс. долл. В связи с тем, что отдельные представители Коминтерна в Шанхае (П.А.Миф, И.А. Рыльский) говорили только по-русски, а необходимо было многие документы Коминтерна на месте переводить на иностранные языки, особенно те, которые предназначались КПК, Нуленсу приходилось помогать техническому секретарю бюро Коминтерна с их переводом.

После ареста четы Нуленсов (Руэгов) 15 июня 1931 г. представительство Коминтерна в Шанхае было временно дезорганизовано. В августе 1931 г. в Шанхай для налаживания работы прибыл опытный работник ОМС ИККИ Малли (Карл Лессе³⁶, другой псевдоним Дениц), заменивший Нуленса. Там в отеле его навестили Клаузен и Вейнгартен³⁷. С октября 1932 г. он налаживал расстроившиеся связи с КПК и другим партиями. Весной 1932 г. шанхайский пункт возглавил Эрвин (Н.Н.Герберт³⁸), руководивший им в течение трех лет. Удалось более или менее технически оснастить пункт связи ОМСа. Имелись три радиостанции (две для связи с Москвой и советскими районами, одна — резервная), имелся штат профессиональных радистов и шифровальщиков, были созданы линии курьерской службы: 1) Шанхай —Амой—Сватоу—Цзянси³⁹; 2) Шанхай—Харбин—Москва.

Какое-то время функции Дальбюро ЦК КПК выполнял представитель КИМа А.Ротштейн⁴⁰. По просьбе ЦК КПК и рекомендации И.А.Пятницкого и О.В.Куусинена в Шанхай в сентябре 1932 г. прибыл новый политический пред-

ставитель Коминтерна Артур Эверт⁴¹. В бюро также работали военные советники О.Браун⁴² (в 1933 г. переведен в советские районы) и Фред (Манферд Штерн⁴³)⁴⁴. Не обладая собственной радиостанцией, Дальбюро вынуждено было связываться с Москвой и советскими районами через шанхайский пункт связи ОМС, а иногда по каналам военной разведки.

1 июня 1931 г. английская полиция арестовала в Сингапуре француза Иозефа Дюкре (Joseph Ducroux)⁴⁵ — сотрудника Коминтерна, поддерживавшего подпольные связи с Малайской коммунистической партией. Среди его бумаг были обнаружены телеграфные адреса и номер почтового ящика в Шанхае. Расследование было продолжено полицией сэттльмента в Шанхае и привело к Хилэри Нуленсу, “профессору французского и немецкого языков”. 15 июня 1931 г. он был арестован. Обыск, проведенный на его квартире, ничего не дал, кроме ключа от замка к квартире по адресу Нанкин-роуд, дом № 49, где были обнаружены три больших стальных сейфа. Когда сейфы вскрыли, в них обнаружили отчеты Дальневосточного бюро Коминтерна за 1930 и 1931 годы вместе с отчетами местного филиала Тихоокеанского секретариата профсоюзов⁴⁶. Поскольку удалось найти также коды и шифры⁴⁷, большинство документов было расшифровано.

6 июня 1931 г., через неделю после ареста в Сингапуре француза Иозефа Дюкре, британская полиция в Гонконге арестовала некоего Ле Куан Дата (он же Нгуен Ай Куок, Хо Ши Мин) и посадила его в тюрьму. У него было найдено несколько писем в “Восточное бюро” Коминтерна в Шанхае. После его ареста по призыву Коминтерна была развернута всемирная кампания в его защиту с целью не допустить передачи арестованного французской службе безопасности в Сайгоне. В результате успешной защиты английским властям ничего не оставалось, как просто депортировать его. Нгуен Ай Куок тайно через Амой добрался до Шанхая⁴⁸.

Во время ареста у Нуленса нашли два паспорта — бельгийский и канадский — оба на разные фамилии⁴⁹. Выяснилось также, что он пользовался многими псевдонимами, в том числе Анри, Генри, Марин, Нуленс, Руэг. Его адвокаты сделали попытку доказать, что он бельгийский гражданин, однако полиция сумела найти в Бельгии истинного владельца бельгийского паспорта, найденного у арестованного, а самого Нуленса предварительно идентифицировать как Поля Руэга, видного члена Швейцарской коммунистической партии с 1922 г., исчезнувшего в Москве в 1924 г. Швейцарские власти отказались предоставить ему какую-либо защиту, и в августе 1931 г. шанхайская полиция передала дело Нуленса и жены, арестованной вместе с ним, в суд.

Через две недели после получения известия об аресте Нуленса Р.Зорге уехал из Шанхая, но, согласно записи в полицейской картотеке британского сэттльмента, вернулся обратно через месяц.

В своем более позднем “признании” японским следователям находящийся в японской тюрьме после ареста Р. Зорге сообщал, что “Нанкинское правительство арестовало руководителей Китайской компартии и из их показаний узнало о существовании Нуленса, и о его деятельности”. Давайте подробнее рассмотрим, что он имел в виду.

На VI съезде КПК, проходившем под Москвой в июне-июле 1928 г., было принято решение “об образовании комитета по контрразведке, в состав которого вошли Сян Чжунфа⁵⁰, Чжоу Эньлай⁵¹ и Гу Шуньчжан⁵². Все трое были членами Политбюро ЦК КПК. Гу Шуньчжан являлся протезе Чжоу Эньлая, одно время работал личным охранником советского политического советника М.Бородина⁵³.

Официально Особый комитет был сформирован по решению Политбюро ЦК КПК 14 ноября 1928 г.⁵⁴ в Шанхае, куда в ноябре перебрался Чжоу Эньлай.

В функции комитета входили охрана партии и ее руководящих органов и информационно-разведывательная работа, снабжение информацией о противнике революционных баз, вызволение арестованных членов партии, уничтожение предателей, связи с советской резидентурой, находящейся на территории Китая. При комитете был создан Особый отдел, отвечающий за безопасность руководства ЦК партии и ведение контрразведки. Ответственным за работу отдела стал Гу Шуньчжан (Ли Мин)⁵⁵.

В начале 1931 г. Гу Шуньчжана по заданию партии направили в Ухань с целью осуществить покушение на Чан Кайши. Однако спецслужбы Гоминьдана раскрыли его. 25 апреля (С.Л.Тихвинский пишет, что это произошло 24 апреля⁵⁶) 1931 г. по доносу бывшего рабочего-текстильщика Ван Жуцяо (есть и иная версия, что он был опознан по фотографии⁵⁷) арестован в Ханькоу гоминьдановской полицией. На первом же допросе он начал давать показания. Учитывая, что в его руках была информация о явках и конспиративных квартирах центральных органов КПК в Шанхае и других городах, связь с советскими районами и с советской резидентурой, радиосвязь — он был ценной добычей для гоминьдановской охранки. Он раскрыл явки ЦК, имена арестованных, но не опознанных руководителей КПК, в том числе Юнь Даина. Именно из-за предательства Гу Шуньчжана 29 апреля 1931 г. он был расстрелян⁵⁸. Когда Чжоу Эньлай узнал о предательстве Гу, были уничтожены его близкие родственники. Было убито более 10 человек, трупы восьми из них были тайно ночью закопаны в саду французской концессии в Шанхае⁵⁹. Их обнаружили только пять месяцев спустя в развалинах дома на территории французской концессии, в яме, засыпанной трехметровым слоем земли и обломками бетона. Попавшие в руки гоминьдановцев в августе 1931 г. исполнители приговора (работники Особого отдела ЦК КПК Ван Шидэ, Чжан Суншэн и Цай Дэй) рассказали о подробностях убийства и подтвердили, что казнь состоялась по прямому указанию Чжоу Эньлая. В живых остался лишь младший сын изменника, да и то потому, что палачу не хватило решимости расправиться с ним. После допроса один тайный агент КПК указал еще пять мест, где были погребены трупы партийных работников, убитых по приказу Чжоу "для поддержания дисциплины". Только когда из земли извлекли около тридцати трупов людей, уничтоженных коммунистами, местная полиция приняла решение прекратить дальнейшие поиски⁶⁰. Кстати, в найденных документах Нуленса обнаружен отчет Дальневосточному бюро Коминтерна с информацией о том, что китайские коммунисты следят за семьей Гу Шуньчжана⁶¹.

Регулярную связь с представителями КПК в Шанхае описывает в своих мемуарах представитель военной разведки Отто Браун. По приезде в Шанхай в 1932 г. он связался с представителем Коминтерна при ЦК КПК немцем Артуром Эвертом, русским работником ОМСа, и с американцами — представителями КИМа и Профинтерна. По его свидетельству, только двое (он и Эверт) раз в неделю выходили на связь с сотрудниками бюро ЦК КПК, явка которых находилась в новом жилом квартале и была тщательно законспирирована. Там же хранилась и вся партийная документация. На явку разрешалось входить только по условному знаку (например, лампа, стоящая на одном из окон, приподнятая штора в освещенной комнате и т.п.). Для особых случаев имелась запасная явка⁶².

22 июня 1931 г. в Шанхае был арестован генеральный секретарь ЦК КПК Сян Чжунфа.

Сразу же после его ареста шанхайская полиция сообщила в Нанкин, что арестован лидер коммунистов. Чан Кайши, находившийся в то время в Лушане, прочитав телеграмму о поимке руководителя КПК, приказал его немедленно расстрелять. Однако Сян Чжунфа заговорил, и из Шанхая была отпра-

лена вторая телеграмма с сообщением, что арестованный готов дать показания. Но, видимо, она вовремя не успела дойти до Чан Кайши. Уже пришел приказ Чан Кайши о расстреле, который и был немедленно исполнен 24 июня 1931 г.⁴⁴ Как полагает Ф. Литтен, основываясь на архивных документах, арест Сян Чжунфа не был связан с арестом Нуленса, как считают некоторые исследователи⁴⁵.

После ареста Я.М.Рудника и его жены Т.Н.Моисеенко-Великой 15 июня 1931 г., когда Москва предпринимала серию попыток их спасти, встал вопрос — как их можно освободить. Было решено действовать через сестру жены Чан Кайши и вдову Сунь Ятсена мадам Сун Цинлин, с которой контактировали сотрудники советской военной разведки в Шанхае. Она отправилась в Нанкин и посетила в тюрьме супругов Нуленс, передав им теплые вещи. Затем она встречалась с Чан Кайши и вела переговоры по вопросу освобождения супругов.

“По-моему, план мадам Сун [Цинлин] возник в состоянии страшного возбуждения и возмущения по поводу расстрела Дэн Яньда⁴⁶, с которым она находилась в тесных отношениях, серьезного же намерения выполнить его не было, — сообщал в Москву в ОМС 14 января 1932 г. К. Лессе. — Мадам Сун опубликовала свое заявление и заболела. После отъезда Германа мадам установила связь с Фишером. Зорге отбыл с почтой в Харбин, а мадам из-за болезни не могла принять Фишера. Затем между мадам и Фишером возникли разногласия по поводу дальнейших действий в отношении дела [супругов] Нуленс. Она написала ему два письма, но он не ответил. Фишер позвонил д-ру Науману и пожелал с кем-нибудь поговорить, после чего я отправился к Фишеру. Мадам договорилась с Верховным судьей гражданского суда в Нанкине, что Фишер приедет к нему в Нанкин, но Фишер ждал официального подтверждения относительно передачи [супругов] Нуленс гражданскому суду. Кроме того, он хотел сначала продолжить контакты с Ван Цзинвеем”⁴⁶.

Итак, освободить Нуленсов никак не удавалось, хотя для этого и была задействована советская военная резидентура в Китае.

14 августа из Шанхая Нуленсы были перевезены в Нанкин и посажены в столичную образцовую тюрьму, где их продержали до октября 1931 г. Адвокатом Нуленса был Вильгельм, работавший в адвокатской фирме “Муссо, Фишер и Вильгельм”, известной властям французской концессии как защитнице в суде интересов советских граждан. 3 июля 1931 г. Фишер покинул Шанхай и в сопровождении коминтерновского представителя, имеющего американский паспорт на имя Стеварта, выехал в Москву. Его целью было выяснить, как вести дальше в суде дело в отношении Нуленсов, договориться об официальной стоимости услуг адвокатов, а также помочь организовать кампанию в Европе по защите Нуленсов⁴⁷.

Уже 20 августа 1931 г. в Европе был создан Комитет по защите Нуленса (Ruena), в который вошли Альберт Эйнштейн, Клара Цеткин, Анри Барбюс, Теодор Драйзер, Максим Горький, Агнесс Смэдли, вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин и его сын Сунь Фо⁴⁸.

В сентябре 1931 г. китайская пресса стала публиковать в переводе часть документов, найденных у Нуленса. Коммунистическая печать заявила, что это фальшивки⁴⁹.

Как пишут Ф.Дикин и Г.Стори в книге “Дело Рихарда Зорге” “Нуленс и его жена были переданы Нанкинскому правительству, предстали перед военным трибуналом и в октябре 1931 года были приговорены к смерти. При обстоятельствах, которые так никогда и не были прояснены, пара была депортирована в Советский Союз в июне следующего года (здесь авторы ошибаются, они были освобождены из тюрьмы в конце августа 1937 г.⁷⁰ и затем переданы СССР. — В.У.) и исчезла из виду. Предполагали, что их обменяли на нанкин-

ских агентов, захваченных русскими"¹¹. Информация довольно краткая и непонятная. Попробуем выяснить некоторые детали.

Итак, Нуленс и его жена предстали перед военным трибуналом в октябре 1931 г. и якобы были приговорены к смерти. Но, ко всеобщему удивлению, Военный совет, работавший под руководством Чан Кайши, решил 17 декабря это дело пересмотреть и передать в гражданский суд на основании того, что "преступления" по делу не были совершены в период военного положения¹². Видимо на позицию Чан Кайши влияло несколько факторов. Во-первых, обострение борьбы в Гоминьдане. Вторжение японцев в Маньчжурию 18 сентября 1931 г. принципиально изменили политическую ситуацию в стране, усилив тенденцию к политическому и военному единству.

Во-вторых, стала более заметной деятельность международного Комитета по защите Нуленса. Появилась серия статей в левых изданиях Европы, статьи в коминтерновском издании *Inprekott*.

В-третьих, в это время Чан Кайши склонялся к тому, чтобы улучшить отношения с Советской Россией, так как ему нужна была военная помощь.

Советско-китайские отношения накануне вторжения Японии в Маньчжурию были в критическом состоянии. Они были фактически прекращены в 1929 г. в результате событий на КВЖД¹³. Их удалось восстановить лишь в 1932 г. под воздействием широкого национально-патриотического движения в Китае за нормализацию связей с СССР, боязни того, что Советский Союз установит дипломатические отношения с Маньчжоу-Го, опасений усиления японской экспансии и стремления получить помощь со стороны СССР.

Все это видимо и изменило позицию Чан Кайши в отношении дела Нуленса. В начале 1932 г. дело было передано в Верховный суд в Сучжоу. Это стало известно в Москве. Из Центра 8 января 1932 г. последовала шифротелеграмма Рамзаю: "Пусть Айзекс попытает получить интервью с больными. Просьба выяснить у Фишера через Лию как положение больных в Сучжоу. ...Постараемся провести кампанию в прессе против кит. палачей и их пособников — швейцарцев и англичан"¹⁴.

К этому времени на запрос гоминьдановских спецслужб у Швейцарии о том, является ли Нулес на самом деле Паулем Рузгом, пришел положительный ответ¹⁵.

29 января Рамзай получил новую шифротелеграмму: "Мы за освобождение жены с тем, чтобы она пока осталась с Сеттльменте для связи с нами. Высылаем из Швейцарии адвоката Винцента. Продолжаем настаивать, что именно Рюгги (подлинная фамилия арестованного.-В.У.). Утверждаем, что фото из Берна фальсифицированы. Кампания в прессе усиливаем. Сообщите, есть ли надежда в теперешний переходный период вырвать обоих больных"¹⁶.

Однако в связи с японскими атаками на Шанхай и находящимся поблизости г. Сучжоу было принято решение перевести все документы и подсудимых в Нанкин. В марте Нуленс был уже в Нанкине, где началось новое расследование.

2 февраля из Центра пришла телеграмма: "Выясните и примите меры к освобождению больных в теперешний переходный период, когда у властей полный хаос. Сообщите возможности"¹⁷.

Затем новая телеграмма, где просят дать информацию о "больных", так как из Европы распространяют слухи о расстреле их при переезде из Нанкина¹⁸.

Предварительным результатом судебного разбирательства в Нанкине стало обвинение в "финансировании коммунистических "бандитов", участие в подрывной деятельности"¹⁹ и т.д. Информация об этом появилась в шанхайской прессе 26 апреля 1932 г. Судебное разбирательство продолжалось до 5 июля. Нуленс в знак протеста объявил голодовку, требуя, чтобы его дело было рас-

смотрено в суде международного селтльмента в Шанхае с привлечением для защиты европейских юристов.

16 июля 1932 г. на имя Рамзая и Винцента пришла из Москвы телеграмма от Пятницкого: "Возмущены, что нет ответа на нашу телеграмму, посланную вам 8 июля. Повторяем текст: "Узнайте у Винцента, почему больные объявили голодовку, почему они требуют перенесения суда в Шанхай? Нам все это непонятно. По поводу суда и голодовки начнется большая кампания. Ждем немедленного ответа: какая у вас тактика и кто дал указания насчет голодовки. Если даже требования больных о переводе в Шанхай будут удовлетворены, и шанхайский суд приговорит к смерти — нечем будет крыть, ибо мы мол сами хотели Шанхай. Предлагаем дать больным указание о прекращении голодовки. Сообщите тотчас же ответ"⁸⁰.

26 мая представитель ОМСа в Шанхае Курт (Герберт Н.Н.—В.У.) посылает телеграмму в Москву, где сообщает, что "адвокат Нуленса потерял письмо от 29\4 с адресом. Мюнценберг⁸¹ требует немедленно новый адрес, срочно телеграфируйте, нужно ли его дать". На это сообщение был получен ответ от заведующего ОМС ИККИ А.Л. Абрамова⁸²: "Nezzen Vonoit нам не известен. Винцент от нас никаких нелегальных адресов не получал. Нашему Юлиусу (Андрею) дано указание с Винцентом не связ[ыв]аться"⁸³.

31 мая 1932 г. руководство ОМСа в Москве в лице Пятницкого решило действовать лично через Берзина. На его имя была послана депеша: "Прилагаемую телеграмму прошу послать т. Рамзаю: "Выясните точно, какой адрес потерял адвокат. Юлиуй (так в тексте. — В.У.) ни в коем случае не должен встречаться с Винцентом"⁸⁴.

Р.Зорге и его соратники по военной разведке к этому времени решили выйти из этой игры, так как они выполняли не свойственные им функции и работали на другое (ОМС Коминтерна) ведомство.

В мае 1932 г. И.А.Пятницкому в ОМС пришло зашифрованное письмо от Рамзая: "Посылаю Вам материал от Юлиуса⁸⁵ (С.Цвиич. — В.У.) с нашей почтой (то есть по линии 4-го управления штаба РККА). Одновременно мы хотели бы обратить Ваше внимание на следующие вопросы. До сих пор мы поддерживали связь с больным (Я.А.Рудником. — В.У.) и с адвокатом (имеется в виду Ж. Венсан.⁸⁶ — В.У.). Теперь, когда Ваш аппарат вновь улучшается, т.е. снова развивается, нам кажется, что настало время, когда Ваши люди могут перенять эту работу. Это не потому, что мы не желали бы этого делать, но потому, что наши дела не так хороши, чтобы мы легкомысленно загружали себя еще этой связью"⁸⁷.

Курт (Герберт. — В.У.) 25 мая 1932 г. посылает следующую телеграмму в ОМС: "Соседи (имеются в виду резидентура военной разведки. — В.У.) отказались продолжать связь с адвокатом. Должны организовать эту связь, абсолютно необходим срочный ответ, так как дело очень срочно. Адресуя это письмо адвокату, не надо давать имя и фамилии отправителя, использование этого адреса через адвоката будет серьезной неосторожностью. Сделайте через Мюнценберга"⁸⁸.

Видимо, к этому времени нашим людям удалось договориться о выкупе (взятке) за большие деньги Нуленсов из тюрьмы. Из воспоминаний военного разведчика О.Брауна: "В 1930 году был арестован сотрудник представительства Коминтерна Нуленс-Ругге, причем было захвачено много документов. Только путем подкупа продажных китайских судей удалось тогда предотвратить вынесение смертного приговора и казнь"⁸⁹. Начался торг, который просматривается по телеграммам в Центр и из Центра.

3 июня 1932 г. в Шанхае на имя Винцента получена телеграмма от Пятницкого: "На телеграмму о больных от 2.6. Согласны. Деньги внести после отъезда обоих из Китая"⁹⁰.

29 июня вновь на имя Винцента получена телеграмма от Пятницкого:

"На телеграмму от 24 июня. Деньги 80.000 мексов (мексиканских долларов. — В.У.) будут переведены вам сейчас же как друзья будут за пределами Китая. Сообщите через какой банк и на какой адрес деньги перевести когда потребуется.

Настоящие документы друзей будут посланы. Рекомендуем направить их маршрутом на Владивосток морем на иностранном (не английском) судне. Друзья должны заявить, что они едут транзитом через СССР домой"⁹¹.

4 июля 1932 г. последовала еще одна телеграмма от Пятницкого Винценту в Шанхай: "На вашу от 30.VI-32 г. Деньги будут переведены тотчас же, как от вас будет сообщение о выезде друзей из Китая. Сомневаюсь, предпримет ли Ф. что-либо и тогда, когда деньги будут в Шанхае. Думаем, что он играет на авось: оправдывают — тогда он получит деньги. Осудят — он ограничится получением гонорара. Нельзя не предпринять шаги в этом направлении помимо него? Главные условия должны остаться — выплата денег только после отъезда обоих из Китая. Если думаете, что Ф. действительно предпримет нужные шаги, а без наличия денег в Шанхае он откажется от этих шагов, то разрешаем Рамзаю удержать 16 из 20 тысяч амов (амер. долл. — В.У.), которые он получит или уже получил от своего патрона для наших нужд. В этом случае мы еще раз повторяем, что мы не согласимся с выдачей всей суммы или даже части ее, если они будут уплачены Ф. или кому-либо другому до отъезда друзей из Китая"⁹².

Когда ослабленный Нуленс был положен в госпиталь после заявления о прекращении голодовки, 23 июля 1932 г. была получена новая телеграмма Рамзаю от Пятницкого: "Заявление больных по поводу прекращения голодовки нами широко использовано. Начали новую кампанию связи решением нац. прав. вести процесс Нанкине. Не следует переполитизировать процесс, ибо цель его — освобождение, а не полит. демонстрации. Согласны, что больные должны разоблачать полицейские провокации империалистов и террор китайцев. Адвокаты должны всячески добиваться их немедленного освобождения. Винценту семнадцатого июля выехала жена"⁹³.

К движению за освобождение Нуленсов была подключена и КПК. Китайские коммунисты из Центрального советского района в сентябре 1932 г. сделали по радио предложение поменять его на двух миссионеров, которые находились у них, но получили отказ.

25 июля Пятницкий в телеграмме Рамзаю спрашивает: "Отпала ли комбинация с оправданием ваших клиентов?"

Москва внимательно следила за процессом над Нуленсами и присылала инструкции — как себя вести подсудимым. Так 29 июля Р.Зорге получает новую телеграмму от Пятницкого: "Должны ли арестованные отказаться от всякой юридической помощи и от каких-либо показаний — нам трудно дать ответ. Пусть все три адвоката предложат арестованным метод, как они должны себя держать если вы интересующиеся этим процессом будете этим согласны. Мы против превращения процесса в политическую демонстрацию как нами дано было уже вам указание. Повторяю: цель процесса — освобождение арестованных"⁹⁴.

Рихард Зорге должен был оплатить все услуги адвокатов Нуленсов (и, возможно, подкуп судей) во время судебного процесса. По некоторым данным, на всю эту операцию Москва готова была выделить около 100 тыс. долларов⁹⁵. С передачей сумм, подтверждением этого, запросами и ответами на запросы явно происходила большая неразбериха.

Пятницкий 22 июля шлет телеграмму Курту и Юлиусу: "Через Рамзая было послано 20.000 долл. для передачи кит. друзьям. Телеграфируйте полученные их"⁹⁶.

Из Харбина в Шанхай едут отдельно Отто Браун и Герман Зиблер, и каждый везет по 20.000 долларов для передачи их Зорге, а тот адвокатам (и, возможно, судьям).

Делаются попытки подключить влиятельных гоминьдановцев с целью освобождения арестованных. "Пытайтесь через Лию связаться с Цай Юан Пей, Ян Син Фу и Сун Фо" по поводу освобождения больных, — советует Пятницкий Рамзаю в очередной телеграмме. — Сообщите имеет ли Цай Юан Пей шансы быть назначенным вместо Ван Чин Вэя"⁹⁷.

23 сентября 1932 г. Рамзай получает новую телеграмму от Пятницкого: "Винценту предлагаем остаться до окончательного перевода больных в новое место. Об отъезде пусть нас запрашивает. Удобно ли поручить ведение закулисных переговоров непосредственно Агнесс [Смедли]? Сумеете ли их контролировать? ... Ребенка оставить в Шанхае, чтобы иметь возможность выяснить действительную судьбу родителей. Можно ли будет влиять и контролировать воспитание? Поездка Фишера в Европу из-за дела больных излишня"⁹⁸.

Подключение Р.Зорге к делу Нуленсов отрывало у него много времени и "засвечивало" его. "Наше положение не позволяет нам больше заниматься еще этими связями, — сообщал Зорге Пятницкому в майской 1932 г. телеграмме. — Я уже по крайней мере достаточно скомпрометирован". "Связь с адвокатом и все дело с больными становится лишней угрозой для нашей безопасности, — сообщал Рамзай в телеграмме на имя Берзина 3 сентября 1932 г. — Местные друзья достаточно окрепли и могут перенять все эти дела в свои руки. Просим переговорить с Михаилом и дать друзьям соответствующую инструкцию". "Нам уже давно следовало освободиться от этого обслуживания",⁹⁹ — поставил Берзин резолюцию на этом документе.

Когда Зорге прибыл в Шанхай, он арендовал почтовый ящик № 1062. А один из находившегося в распоряжении Нуленса ящиков был рядом и имел № 1077. Может, это было просто совпадением? Полиция, которая вела наблюдение за почтовыми ящиками Нуленса, ввела подобные меры и по отношению к Зорге. Она стала следить за квартирой Зорге с период между июлем 1931 и январем 1932 гг. Согласно полицейским рапортам, Зорге бывает дома очень мало, а когда бывает, "проводит время, играя с друзьями в шахматы. Получает много телефонных звонков и очень осторожен, старается сделать так, чтобы его разговоры не мог услышать никто из его домашних"¹⁰⁰.

10 августа в Нанкине был закончен процесс над Нуленсами (без участия западных независимых адвокатов). 19 августа 1932 г. Нуленс судом был вновь приговорен к смерти, но в связи с тем, что в июне 1932 г. была объявлена всеобщая амнистия, ему и его жене была дарована жизнь¹⁰¹. Нуленс оставался в тюрьме в Нанкине в течение последующих нескольких лет. В декабре 1932 и декабре 1933 г. в тюремной камере он объявлял голодовки. 27 августа 1937 г. в связи с японскими бомбардировками города Нуленсы были выпущены из тюрьмы под поручительство и при условии, что, если поручителя не будет, они вновь будут арестованы. Они не смогли найти поручителя в Нанкине и сбежали 3 сентября 1937 г. в Шанхай. 25 июля 1939 г. Нуленсы покинули Китай и вернулись в СССР¹⁰².

10 октября 1932 г. на имя Берзина пришла телеграмма из Шанхая следующего содержания: "От кит. источника узнали, что Нанкин якобы обнаружил след военного шпиона. Подозревают будто бы одного немца и еврея. На основании наших старых грехов и слухов среди местных немцев полагаем, что круг подозрений вокруг Рамзая все больше смыкается. Просим срочно сооб-

щить, должен ли Рамзай непременно выждать прибытия замены или же он может уехать независимо от прибытия последнего". На телеграмме поставлена резолюция с неразборчивой подписью: "Т. Попов, сообщите Рамзаю о немедленном выезде без замены". Далее рукой Берзина: "Пусть едет, не дожидаясь замены, иначе сторит"¹⁰⁵.

И две последние телеграммы Р.Зорге, обнаруженные в архиве. Первая — Берзину из Шанхая 18 октября 1932 г.: "Первое. Несколько немецких инструкторов по заданию Нанкинского правительства произвели рекогносцировку местности для возможных боев.

Второе. В Нанкине начал работать бывший сотрудник немецкого разведчика Николаи, Фейхер фон Леммерцаан. Его задача — организовать китайскую контрразведку в Нанкине". Вторая — тоже Берзину из Шанхая 4 ноября 1932 г.: "По случаю 15-й годовщины Октябрьской революции шанхайская резидентура шлет Разведупру горячий товарищеский привет и вносит в фонд постройки самолета-гиганта "Советский Дальний Восток" 75 амов. Деньги привезет Рамзай"¹⁰⁶.

15 ноября 1932 г. эстонец Карл Римм из Шанхая сообщил в Центр: "Рихард выехал 12 ноября из Шанхая в Японию. 21-го должен быть во Владивостоке". На этой радиограмме рукой Берзина написано: "Нужно предупредить Владивосток. 15.X. 1932 г."

1. Рихард Зорге (1895-1944) родился 4 октября 1895 г. в г. Аджикент близ Баку на кавказских нефтяных промыслах. Его отец Вильгельм Рихард Зорге был немецким горным инженером, работавшим на нефтяную кампанию, входившую в круг финансовых интересов шведа Нобеля. Его мать Нина Кобелева, русская, родилась в Баку. Когда Рихарду было три года, семья переехала в Германию и обосновалась в пригороде Берлина — Лихтерфельде. Он был самым младшим из девяти детей и четвертым сыном. К августу 1914 г. Рихард Зорге почти окончил школу. Ему было неполных 19 лет, когда он записался добровольцем и после непродолжительной учебной подготовки был направлен в учебный батальон действующей армии. Через месяц он уже воевал во Франции. В июне 1915 г. полк, в котором служил Зорге был перебросен на Восточный фронт, чтобы принять участие в битве за австрийские укрепления в Галиции. В октябре 1916 г. Зорге записался в студенты экономического факультета Берлинского университета и стал жить дома. В течение этого периода он тайно вступил в левую социалистическую организацию, действующую в университете. В январе 1918 г. Зорге был официально освобожден от прохождения дальнейшей службы в армии и перевелся в университет города Килия. Вскоре Зорге вступает в недавно созданную Германскую коммунистическую партию. В начале 1919 г. он переезжает из Килия в Гамбург, чтобы закончить работу на соискание докторской степени по политическим наукам, которую он завершил в августе того же года. В мае 1921 г. Рихард женился на бывшей жене своего учителя, профессора Курта Герлаха.

В апреле 1924 г. во Франкфурте проходил XI съезд Компартии Германии. Зорге позднее писал, что его попросили "помочь найти жилье" для членов советской делегации и что, по крайнему мере, один или двое из них квартировали у Рихарда дома. Охрану делегации поручили группе боевиков военного отдела партии возглавляемой Зорге. Там и состоялось знакомство Д.Мануильского и И.Пятницкого с Рихардом Зорге. Вполне возможно, что Зорге вместе с другими немецкими товарищами, имевшими за плечами военный опыт, был приглашен в Москву во время Франкфуртского съезда. В октябре 1924 г. Рихард и его жена Кристина выехали в Москву как студенты по подлинным немецким паспортам. Весной 1925 г. они уже работают в Москве. В марте 1925 г. Р. Зорге стал членом РКП(б), получив партийный билет под № 0049927, выданный Хамовническим райкомом партии. Для окружающих Рихард Зорге — научный и партийный работник, член профсоюза работников образования. Его жена Кристина работала в качестве ассистента над рукопися-

- ми Маркса в Институте Маркса-Энгельса. В октябре она решила оставить мужа и вернуться в Германию.
- На самом деле Р.Зорге становится работником ОМСа Коминтерна. От ОМСа ездит в Европу (Дания, Швеция, Норвегия, Англия, Германия). С ноября 1929 г. Р. Зорге рекомендуют начальнику Разведупра РККА для работы в военной разведке.
2. Голяков С. Ильинский М. Зорге. Подвиг и трагедия разведчика. М.: Вече, 2001. С. 49.
 3. Бородич ("Алекс", наст. фам. Розенталь) Лев Александрович (1896-1937). Еврей, уроженец г. Лодзь (Польша), сын купца 2-й гильдии. Окончил 6 классов лодзинской гимназии в 1914 г., затем электротехническое отделение Политехнического университета в Баку, по специальности электромеханик. Большевик с 1916 г., с 1919 г. в РКП(б). В сентябре 1918 г. вступил добровольцем в РККА. В составе 2-го пехотного харьковского полка сражался против Деникина, был контужен, после чего направлен в Москву на Высшие военно-инженерные курсы комсостава, которые окончил в марте 1920 г. С 1920 г. в разведотделе РККА. С 1921 г. работал в Польше и Германии. С 1925 г. помощник начальника 2-го отдела IV (Разведывательного) управления ГШ РККА. В 1927 — 1931 гг. за рубежом — в Австрии, Германии, Балканских странах. С июня 1932 г. — ответственный секретарь Бюро международной информации. С 1935 г. зам. начальника 2-го отдела IV управления ГШ РККА. Расстрелян 25 августа 1937 г., реабилитирован в 1956 г.
 4. "Алекс был в курсе принципиальных установок в руководстве разведки по операциям, обладал большим опытом в разведывательной работе и поэтому мог бы совместно с Зорге обсуждать те или иные неотложные проблемы и принимать по ним решения, — вспоминал полковой комиссар в отставке Б. Гудзь, работавший в Восточном отделе в 1936-1937 годах и участвовавший в операции "Рамзай" — Он имел полномочия... корректировать работу Зорге в рамках поставленных перед ним задач". Горбунов Е. Дело Алекса лежит на дне "Аквариума" // Общая газета. 1997. N 2.
 5. Бояджи Э. История шпионажа. В 2-х томах. Том 2. М.: Олма-пресс, 2003. С. 179.
 6. По его собственным словам, Клаузен выехал из Москвы в марте 1929 г., однако записи германской полиции показывают, что он отплыл из Гамбурга в Шанхай в октябре 1928 г. и в конце этого года был зарегистрирован как постоянно живущий в Китае и Маньчжурии.
 7. М. Клаузен был сыном бедного лавочника с одного из островов у побережья земли Шлезвинг-Гольштейн. В 1917 г. он был призван в армию и направлен в войска связи, где получил общую подготовку для работы на радиотелеграфе. После увольнения в запас в 1919 г. стал моряком. В августе 1927 г. он вступил в Гамбурге в морскую организацию Германской коммунистической партии, секретарем которой был Карл Лессе.
 8. Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. М.: Терра, 1996. С. 64.
 9. В своих показаниях после ареста японской полиции Клаузен утверждал, что Зорге предупредил его: "Все в порядке, ты можешь жениться на ней, но будь осторожен в отношении нашей секретной работы. Если твоя женитьба будет угрожать нашей безопасности, ты будешь отозван в Москву" // Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. М. 1996. С.64.
 10. Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. Публ., вступ. ст., Комментар. А. Фесюн. М.: Летний сад, 2000. С. 60.
 11. Указ. соч. С. 61.
 12. Указ. соч. С. 62.
 13. Одзаки Ходзуми ("Отто", "Инвест". Литературные псевдонимы — Сирикава Дзиро, У Цоси, Кусано Генкити, 1901-1944). Родился в Токио 1 мая 1901 г. Свое детство провел на о. Тайвань, где его отец служил редактором местной газеты. В 1925 г. Ходзуми окончил привилегированное учебное заведение — Токийский императорский университет и получил степень магистра права. В 1923 г. он стал принимать активное участие в работе групп по изучению марксизма в университете. После окончания университета Одзаки поступает в штат токийской газеты "Асахи Симбун". В ноябре 1927 г. он получает назначение в китайский отдел своей газеты, а ровно через год ему предлагают поехать в Шанхай в качестве специального корреспондента газеты. В 1931-1941 гг. — он автор 11 книг на японском языке, многочисленных статей на японском и английском языках. С 1934 г. вновь сотрудничает с Р.Зорге в Японии. Работал в газете "Токио асахи симбун" и в Обществе исследова-

- ний проблем Восточной Азии. Был сотрудником аппарата японской секретной службы. В 1938 г. назначен принцем Коноэ советником кабинета по вопросам Китая. Одновременно — консультант исследовательского бюро Южно-маньчжурской железнодорожной кампании (опорный пункт японского шпионажа в Китае). С августа 1939 г. редактировал ежемесячный отчет ЮМЖД. Арестован в 1941 г. В 1943 г. приговоре к смерти. Казнен 7 ноября 1944 г.
14. Римм Карл Мартынович (Клаас Зельман, Пауль, 1891-1938). Эстонец, уроженец Старо-Акценской волости Веросского уезда, бывш. Лифляндской губернии. Сын эстонского батрака из Антела. Окончил гимназию в Дерпте. Сельский учитель в деревне Леписту. Подпоручик. Член РКП(б) с 1918 г. Организовал первый в Эстонии отряд Красной гвардии. После оккупации Прибалтики Германией переехал в Вологду. В 1924 г. окончил Военную академию РККА. Был одним из организаторов коммунистического восстания в Эстонии, в декабре 1924 г. начальник штаба. Затем был начальником командирских курсов РККА, начальник штаба дивизии. С 1930 г. — заместитель и военный советник Р.Зорге в Шанхае, затем — на разведработе в других городах Китая. С середины 1930-х — в Тяньцзине. В Китае находился под крышей "ветеринара" Класа Зельмана. В Шанхае был совладельцем магазина фототоваров и владельцем ресторана. Начальник отдела Разведупра РККА. Арестован в декабре 1937 г., расстрелян 22 августа 1938 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Реабилитирован в 1957 г.
15. Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. В двух книгах. Кн. 2. М.: Олма-пресс, 2000. С.401.
16. Дикин.Ф., Стори. Г. Указ. соч. С. 77.
17. Дикин.Ф., Стори. Г. Указ. соч. С. 67.
18. Дикин.Ф., Стори. Г. Указ. соч. С. 77.
- 18а. Улановский Александр Петрович (Израиль Хайкелевич) (1891-1971). Уроженец Одессы. С 1908 г. — член Южнорусской федерации анархических групп. Подвергался репрессиям царского правительства. Жил в эмиграции. Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. В 1921 г. по заданию ИНО ВЧК работал в Берлине. Затем в 1921-1928 гг. — в Профинтерне под псевдонимом Алекс. Один из организаторов интернационального клуба моряков и интернациональных рабочих. С 1928 г. — в разведупре. В 1929-1930 гг. — резидент в Китае, в 1932-1934 гг. — резидент в США, в 1934-1935 гг. — резидент в Дании. В феврале 1935 г. арестован. В 1936 г., отбыв тюремное заключение, вернулся в СССР. Читал спецкурс в школе Разведупра. Участник Великой Отечественной войны. В 1949 г. был арестован и отбыл 5 лет в лагерь.
19. Улановская Н., Улановская М. История одной семьи. М.: Весть-ВИМО, 1994.
20. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.IV. Ч. 1. М.: РОССПЭН. 2003. С. 154.
21. Указ. соч. С. 353.
22. Litten F.S The Noulens Affair. //The China Quarterly. June 1944. N138. P.506.
23. Ibid.
24. Очерки истории российской внешней разведки. В шести томах. Том 3. 1933-1941 годы. М.: Международные отношения, 1997. С. 210.
25. Абрамович Александр Емельянович (он же Четуев, псевд.Альбрехт, Арно, Вудро, Макс Хабер, Александр). Родился в 1888 г. в крестьянской семье в Одессе. В 1908 г. вступил в РСДРП. В 1911 эмигрировал, жил в Швейцарии, в Женеве. Учился на медицинском факультете Женевского университета, но не окончил его. Активный участник швейцарского молодежного социалистического движения. После Февральской революции вернулся в Россию. С началом гражданской войны — начальник и военный комиссар отряда Московского военного округа, затем на чехословацком и денкинском фронтах. После основания Коминтерна — уполномоченный по романским странам. В 1920 г. — на нелегальной работе во Франции, Австрии, Чехословакии. В январе 1921 г. — участвовал в Турском съезде Французской компартии под псевдонимом Залевский. Был арестован в Ницце. Затем находился в Италии, где также был арестован по т.н. "делу ЦК". С 1921 г. — секретарь советского посольства в Таллине, а затем в Вене. С 1922 г. один из замов управляющего делами ИККИ. Затем откомандирован на Балканы, был одним из руководителей балканской коммунистической федерации. С лета 1926 г. — заведующий ОМСом ИККИ. В 1926-1930 гг.

- (с перерывами) — представитель ОМС ИККИ в Китае. В дальнейшем — на научно-педагогической работе. С 1961 — на пенсии, жил в Лиепае (Латвия).
26. Рудник Яков Михайлович (псевд. — Нулэнс, Руэрг) (1894-1963). Еврей, родился под Киевом в бедной семье. Окончил коммерческое училище. Учился в петербургском политехническом институте, откуда был мобилизован в армию. Окончил военное училище, прапорщик. Участник Февральской революции. Член РСДРП с марта 1917 г. Во время Октябрьской революции — комиссар ВРК в Финляндском полку. Участник штурма Зимнего Дворца, подавления восстания юнкеров, мятежа Керенского-Красного. Организатор Красной гвардии Финляндии. В начале 1918 г. — член коллегии ВЧК в Петрограде. Затем в политотделе Высшей военной инспекции. Летом 1918 г. руководил нелегальной доставкой оружия в Киев. В конце 1918 -1919 гг. учился в Академии Генерального Штаба, затем был на нелегальной работе на Украине, в Крыму. В марте 1919 г., спасаясь от ареста в Одессе, выехал на пароходе с демобилизованными французскими солдатами во Францию. Активно участвовал в коммунистическом и забастовочном движении, подвергался преследованиям. В сентябре 1920 г. вернулся в Россию, был политработником на Южном фронте. Затем был в аппарате Коминтерна. В феврале 1921 г. направлен резидентом советской армии во Францию. В 1922 г. был арестован и осужден на два года тюремного заключения. В 1925-1940 гг. — сотрудник ОМС Исполкома Коминтерна. В 1925-1927 гг. — в Австрии, — в 1928-1931 гг. — сотрудник пункта ОМС ИККИ в Шанхае, где был арестован под фамилией Руэрг. В 1931-1937 гг. — в заключении в Китае. После возвращения в СССР в 1939 г. — на педагогической работе в Московском институте востоковедения. В 1941-1943 гг. — в армии, затем в Красном Кресте и в Институте международных отношений. Жена — Моисеенко-Великая И.Н.
 27. Эльвира в Коминтерне работала секретарем в ОМС ИККИ под именем Бертин.
 28. Litten F. The Noulens Affair. P.500.
 29. Рыльский И.А (Любинецкий Я.А., псевд. — Остин, (1893-1939), в 1930-1931 гг. — член Дальбюро ИККИ, в 1931-1934 гг. — сотрудник, в 1934-1935 гг. — заместитель заведующего ОМС ИККИ. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.
 30. Эйслер Герхард (Роберт, Робертс, 1897-1968), в 1927 -1928 гг. — кандидат в члены ЦК КП Германии, в 1929 -1931 гг. — представитель ИККИ в Китае. В 1931-1933 гг. — работник аппарата ИККИ. В 1933-1935 гг. — представитель ИККИ в США. В 1935-1939 гг. — сотрудник заграничного центра КПГ. В 1941-1949 гг. находился в эмиграции в США. С 1967 г. — член ЦК СЕПГ. В дальнейшем был на государственных постах в ГДР.
 31. Харди Джордж (Георг, Джордж, 1884-1966), в 1922-1926 гг. — член ЦК и политбюро КП Великобритании, в 1924-1926 гг. — представитель КПВ в Профинтерне. В 1927 -1930 гг. — представитель Профинтерна в Китае, секретарь Тихоокеанского секретариата профсоюзов. С 1930 г. — инструктор Англо-американской секции Профинтерна.
 32. Масси Александр (Беренс, Бернс, 1905-1947), с 1926 г. член ЦК КП Великобритании, в 1928 г. — член ИК КИМ, сотрудник Восточного секретариата ИК КИМ, в 1929 г. — представитель КИМ в Китае, член Дальбюро ИККИ, в 1929-1932 гг. — секретарь ЦК КСМ Великобритании. В 1932-1938 гг. — секретарь ИК КИМ. С 1927 г. — член Президиума КИМ.
 33. Райан, Тим (Уолдрон, Фрэнсиси; псевд. — Деннис, Юджин; Мильтон, (1904-1961) — в 1931 -1934 гг. — член Дальбюро ИККИ. В 1937-1938 гг. — представитель КП США в ИККИ. С 1938 г. — член национального комитета КП США, в 1946-1957 гг. — генеральный секретарь, в 1957-1959 гг. — секретарь, в 1959-1961 гг. — председатель Национального комитета КП США.
 34. Жена Я.М. Рудника И.Н. Моисеенко-Великая (псевд. — Нуленс, Гертруда Руэрг, М.Мотти, Фрау Коти, Мари Вандеркрузен, Софи Луиза Хербет, (1891-1964), в 1930-1931 гг. — сотрудница пункта ОМС ИККИ в Шанхае. В 1931-1937 гг. — в заключении в Китае. В 1941-1943 гг. — сотрудница аппарата ЦК ВКП(б). В дальнейшем — на редакционно-издательской работе.
 35. Подробнее о деятельности ОМС см.: Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: Олма-пресс., 2002.
 36. Лессе Карл (Мали, Денниц) прибыл из Гамбурга под "крышей" "торговца лекарствами от проказы".

37. Дикин Ф., Стори. Г. Указ. соч. С. 88.
38. Герберт Н.Н. (Зедделер, псевд. — Курт, Норский, Эрвин, (1876 -?)), в 1931-1935 гг. — представитель ОМС ИККИ в Шанхае. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.
39. Сотникова И.Н. Организационные структуры Коминтерна, занимавшиеся проблемами Китая (1931-1034 гг.) // Китай: шансы и вызовы глобализации. Тезисы докладов XIУ Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы": ИДВ РАН. М., 2003. Ч.2. С. 96-97.
40. Ротштейн Эндрю (псевд. — Андрей) 1898 г. рождения, был референтом по Англии и США в ИККИ в 20-е годы, в 1933 г. утвержден кандидатом в члены Президиума ИККИ от КИМа.
41. Эверт, Артур (псевд. — Артур, Джим, (1890-1959), в 1927-1928 гг. — член ЦК КПК, в 1929-1931 гг. — заместитель заведующего Восточным секретариатом ИККИ, в 1932-1934 гг. — представитель ИККИ в Китае, секретарь Дальбюро ИККИ в Шанхае.
42. Браун Отто (псевд. — Вагнер, Карл, Ли Дэ, Хуа Фу, (1900-1974), немец, в 1928-1932 гг. — слушатель Военной академии им. М.В. Фрунзе. В 1932 -1933 гг. — военный советник ЦК КПК, член Дальбюро ИККИ в Шанхае, в 1933-1935 гг. — военный советник ЦК КПК. В дальнейшем — на преподавательской, переводческой и литературной работе. Издал "Китайские записки. 1932-1939", переведены на русский в 1974 г.
43. Штерн, Манфред (псевд. — Фред, (1896-1954), в 1930-1931 гг. — резидент IV управления Штаба РККА в США, в 1932 г. — резидент в Маньчжурии, в 1932-1934 гг. — главный военный советник ЦК КПК. В 1935 г. — помощник заведующего ВС ИККИ. В 1936 г. — командир 11-й интербригады в Испании. В 1937-1938 гг. — политический помощник О.В.Куусинена. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.
44. Сотникова И.Н. Указ. соч. С.97-98.
45. Дюкре Иозеф (1904-1980) (Joseph Ducroux, (псевд. Дюпон, Серж Ляфранс, Лефранса). Родился в 1904 г., коммунист с 1923 г., приехал впервые в Китай в 1926 г. в качестве секретаря левого американского журналиста Джеймса Долсена, автора книги "Пробуждающийся Китай" (The Awakening of China). На Западе его считают также агентом Коминтерна, имеющим псевдоним "Леон".
46. Wakeman Frederic. Policing Shanghai 1927-1937. Berkeley, Los Angeles, London. 1955. P.148.
47. Ibid. P.372.
48. King C.Chen. Vietnam and China, 1938-1954: Princeton University Press. Princeton, 1969. P.28
49. Wakeman Frederic. Op. cit. P.372.
50. Сян Чжунфа (псевд. — Тэ Шэн, (1880-1931), хубзец, в 1922 г. вступил в КПК, с 1927 г. — член ЦК КПК, в 1928-1931 гг. — председатель ПБ ЦК КПК, генеральный секретарь ЦК КПК. В 1927-1928 гг. — член делегации КПК в ИККИ. В 1928-1931 гг. — член Президиума ИККИ. Казнен гоминьдановцами.
51. Подробнее об этом см.: Лин Нун. Чжоу Эньлай ю Чжунян Тэкэ [Чжоу Эньлай и особый отдел ЦК]. // Цзюньши лиши. 1991. № 33. Цит. по: Maochun Yu. OSS in China. Prelude to Cold War. New Haven and London, 1996. P.286.
52. Тихвинский С. Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898 -1949. М.: Вост. лит. РАН, 1996. С. 211.
53. Maochun Yu. Op. cit. P. 34.
54. Гунчаньдан цзучжиши цзыляо хуйбянь. Линдао цзигоу яньгэ хэ чэнюань минлу. Ида чжи шисыда [Сборник документов по истории организаций КПК. История развития руководящих органов и фамилии их состава. От 1-го до 14 съезда КПК]. Пекин, 1995. С. 117.
55. Гу Шуньчжан (псевд. — Ли Мин), хунанец. Работал сначала слесарем, затем старшим рабочим на табачной фабрике. В 1924 г. вступил в КПК, был охранником советского политического советника М.Бородина. В 1926 г. был направлен во Владивосток на учебу по охранной работе. Осенью 1927 г. вернулся на родину и стал возглавлять Особый отдел ЦК КПК. Выступал в известном шанхайском луна-парке "Да Шинцаэ", снайперски стрелял, владел техникой ушу. После шанхайских событий 12 апреля

- 1927 г. Гу переехал в Ухань, где вел работу по борьбе с провокаторами и предателями. В августе 1927 г. вернулся в Шанхай. Вскоре его вновь послали в СССР на учебу, меняет имя на Чжоу Пэн. Убит в 1937 г.
56. Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 231.
 57. Шорт Ф. Мао Цзэдун. М.: АСТ, 2001. С. 242.
 58. Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 368 -374.
 59. Maochun Yu. Op. cit. P.35.
 60. Ф.Шорт. Указ. соч. С. 242.
 61. Litten F.S. Op. cit. P. 494.
 62. Браун Отто. Китайские записки. 1932-1939. М.: Политиздат, 1974. С. 10.
 63. А.М.Григорьев ошибочно утверждает, что Сян Чжунфа был расстрелян 22 июня 1931 // Григорьев А.М. Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения. М.: Вост. лит. РАН, 1980. С. 377.
 64. Litten F.S. Op. cit. P.494.
 65. Дэн Яньда (1895-1931), в 1926-1927 гг.— кандидат в члены ЦИК Гоминьдана, начальник Главного политуправления НРА. В конце 1927 г. им была создана "Китайская революционная партия", которая еще называлась "Третьей партией". Другим ее лидером был Тань Пиншань. В апреле 1930 г. "Третья партия" насчитывала 4 тыс. членов, опорой ее были мелкобуржуазные городские слои и интеллигенция. В 1927-1930 гг. Дэн Яньда — в эмиграции в СССР, Германии и других странах Европы. В 1930-1931 гг. — председатель правления Временного комитета действия Гоминьдана, оппозиционного Чан Кайши. Казнен гоминьдановским правительством.
 66. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т.IV. Ч.1. С. 112-113.
 67. Wakeman Frederic. Op. cit. P.149.
 68. Litten F.S. Op. cit. P.496.
 69. Ibid. P.495.
 70. Ibid. P.492-512.
 71. Дикин. Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 91-92.
 72. Journal de Shanghai. 26 April 1932.
 73. Подробнее см.: Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: Олма-пресс, 2002.С.290-294.
 74. РГАСПИ. Ф.495, Оп.19, Д. 217 а., Л.2. Цит. по: Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. С. 62.
 75. Litten F.S. Op. cit. P.496.
 76. РГАСПИ, ф.495, оп. 19, д. 217а, л.19.
 77. Там же, Л.24.
 78. Там же, Л.49.
 79. Litten F. S. Op. cit. P.496-497.
 80. РГАСПИ, ф.495, оп.19, д.217 а, л.160.
 81. Мюнценберг Вильгельм (1889-1940, в 1927-1938 гг. — член ЦК КПГ, в 1924-1933 гг. — депутат рейхстага от КРГ. В 1921 -1922 гг. — член ИККИ. В 1931-1938 — один из руководителей Межрабпрома и МОПР. В 1927-1933 гг. — секретарь Антиимпериалистической лиги. В 1938 г. выведен из ЦК КПГ, в 1939 г. исключен из КПГ.
 82. Абрамов А.Л псевд. — Мирон А., (1895-1937), с июня 1926 по ноябрь 1935 г. — заведующий ОМС ИККИ. С ноября 1935 г. по сентябрь 1936 г. — заместитель заведующего Службой связи ИККИ. С сентября 1936 г. — помощник начальника, руководителя Испанского направления IV управления Генерального штаба РККА. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.
 83. РГАСПИ, ф.495, оп.19, д.217а, л.100.
 84. РГАСПИ, ф.495, оп.19, д.217 а, л.103.
 85. Цвиич Стефан (1905-1938), в 1934-1936 гг. — кандидат в члены ЦК КП Югославии, в 1929-1931 гг. — сотрудник аппарата ЦК КИМ, в 1931-1933 гг. — представитель ИК КИМ в Китае, в 1933-1935 гг. — секретарь ИК КИМ, в 1935-1936 гг. — редактор выходящей в Вене газеты "Пролетарий" — органа ЦК КП Югославии, в 1936-1937 гг. — представитель ИККИ в США. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.
 86. Венсан Жан Габриель (1906-1989), в 1931-1935 гг. — член ЦК, в 1944-1983 гг. — член Руководящего комитета (ПБ), в 1955-1978 гг. — член секретариата, в 1974-1978 гг. —

- председатель, с мая 1978 г. — почетный председатель Швейцарской партии труда.
В 1932 г. — один из адвокатов на процессе супругов Руэрг в Шанхае.
87. РГАСПИ, ф.495, оп.19, д.753, л.13-13об. Цит. по: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т.IV. Ч.1. С. 153.
 88. РГАСПИ, ф.495, оп.19, д.217а, л.101.
 89. Браун Отто. Указ. соч. С. 10.
 90. РГАСПИ, ф.495, оп.19, д.217 а, л.105.
 91. Там же, ф.495, оп.19, д.217 а, л.132.
 92. Там же, ф.495, оп.19, д.217 а, л.145.
 93. Там же, ф.495, оп.19, д.217 а, л.172.
 94. Там же, ф.495, оп.19, д.217а, л.183.
 95. Litten F.S. Op. Cit. P. 497.
 96. РГАСПИ, ф.495, оп. 19, д. 217а, л. 164.
 97. Цай Юаньпэй, Ян Синфу и Сун Фо — левые гоминьдановцы.
 98. Ван Цзинвэй (1894-1944) — один из сподвижников Сунь Ятсена, участвовал в борьбе с маньчжурской династией. После смерти Сунь Ятсена претендовал на лидерство в Гоминьдане, постоянно соперничая с Чан Кайши. В годы антияпонской борьбы в 1939-1944 гг. возглавлял марионеточное правительство в Нанкине.
 99. РГАСПИ, ф.495, оп.19, д.217 а, л.215.
 100. Там же.
 101. Там же.
 102. Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 88.
 103. Litten F.S. Op. cit. P.498.
 104. Ibid. P. 498.
 105. Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. С. 72.
 106. Там же. С. 73.

Документы, архивы

Из переписки И.В.Сталина и Г.В.Чичерина с полпредом в Китае Л.М.Караханом (август 1923 г. — сентябрь 1926 г.)

(Окончание. Начало см. в ПДВ № 2, 2005 г.)

В Институте Дальнего Востока РАН планируется к изданию большой сборник неопубликованных документов "Переписка И.В.Сталина и Г.В.Чичерина с полпредом в Китае Л.М.Караханом (август 1923 — сентябрь 1926 г.)". Сборник включает в себя переписку Г.В.Чичерина и Л.М.Карахана, 1923-1926 гг., хранящуюся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и переписку И.В.Сталина и Л.М.Карахана 1924-1925 гг., которая хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

В этом номере мы заканчиваем публикацию писем из указанного сборника документов.

№ 5

ПИСЬМО Г.В.ЧИЧЕРИНА Л.М.КАРАХАНУ. № 12

27 ноября 1923 г.

Тов. КАРАХАНУ

Уважаемый товарищ,

Не знаю еще, когда поедет курьер, но пишу, чтобы зафиксировать сегодняшний прощальный разговор с суньятсеновцами¹. Они перед этим были приняты т. Троцким², который подробно толковал им о необходимости замены военных методов политическими. Они также были приняты т. Зиновьевым³ и некоторыми другими членами ИККИ. Последний принял специальную резолюцию⁴, где анализируется желательная программа и тактика Гоминьдана: национализм в смысле борьбы также и против домашних угнетателей народных масс, и в смысле самоопределения народностей и федерирования с ними; демократизм в смысле действительной защиты интересов народных масс, защиты интересов крестьянства, включая передачу крестьянам тех участков земли, которые теперь находятся в руках нетрудящихся; поддержка движения рабочего класса. Там, где говорится о федерировании, подчеркивается самоопределение монгольского народа, который достиг независимости; но тогда, когда Китай освободится, надо будет провести программу федерирования китайского народа с другими, входившими прежде в Китайскую империю. Я указал т. Войтинскому⁵ на расхождение между этим указанием на не-

зависимость и нашей программой автономии Монголии. Он ответил, что программа ИККИ не может совпадать с нашей дипломатией и что это пишется для Гоминьдана, причем констатируется нынешний факт независимости Монголии. Если наша дипломатия настаивает на автономии, то это не по принципиальным соображениям, но потому, что без этого невозможно соглашение с официальным Китаем.

Я во время прощального разговора говорил также о необходимости федерирования и о необходимости поддержки в данный момент наших усилий для соглашения между Китаем и Монголией. Относительно КВЖД я говорил, что наши общие интересы требуют того, чтобы белогвардейцы, японцы и реакционные отряды очень часто враждебного нам Чжан Цзолиня не могли пользоваться дорогой, чтобы срывать все наше положение на Дальнем Востоке. Наш интерес совпадает с интересом китайской демократии. Суньятсеновцы стали меня уверять, что Чжан Цзолинь очень хорошо к нам относится и дал им обещание, что не будет давать воли белогвардейцам. Я указал на все последние факты, эксцессы на жел[езной] дороге, полицейские безобразия в Харбине и т.д., и они обещали об этом поговорить в Мукдене.

Из всех разговоров об их фантастических военных планах осталось одно: будет даваться военное воспитание присылаемым ими лицам. Сейчас в данный момент можно поместить 5-7 человек в Военную Академию и 30-50 — в военных школах.

Я им дам еще письмо⁶ от себя к Сунь Ятсену. Они очень настаивают, чтобы в Москве был постоянный представитель⁷ Сунь Ятсена. Кто будет за него платить? Если так швырять деньгами, ассигнованная сумма скоро кончится. Сами они жили здесь крайне расточительно.

Не знаю, можно ли будет переслать Вам документы ИККИ, ввиду опасности нападений на наших курьеров.

С коммунистическим приветом

/Чичерин/

АВП РФ, ф. 0179, оп. 7, п. 4, д. 5, л. 27-28.

Машинописный текст, подлинник, подпись — автограф.

Примечания

1. Речь идет о делегации Сунь Ятсена во главе с Чан Кайши. См. при. 1 к док. № 3.

2. Л.Д.Троцкий (Бронштейн) — в 1919-1926 гг. — член Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б), в 1918-1924 гг. — нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР.

3. Г.Е.Зиновьев (Радомысльский) — в 1921-1926 гг. — член Политбюро ЦК, в 1919-1926 гг. — председатель Исполкома Коминтерна.

4. Текст резолюции Президиума ИККИ по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и о партии Гоминьдан от 28 ноября 1923 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. 1920-1925. Т. I, с. 308-311 (док. № 98).

5. Г.Н.Войтинский (Зархин) — в 1923 г. — председатель Восточного отдела ИККИ, в 1924-1927 гг. (с перерывами) — представитель ИККИ в Китае.

6. Письмо не выявлено.

7. Позже, с ноября 1926 г. по апрель 1927 г. представителем Гоминьдана в СССР являлся Шао Лицзы. Участвовал в работе VII расширенного пленума ИККИ (22 ноября — 16 декабря 1926 г.) с правом совещательного голоса.

ПИСЬМО Л.М.КАРАХАНА Г.В.ЧИЧЕРИНУ

Пекин, 3 ноября 1923 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
Г.В. ЧИЧЕРИНУ

Дорогой Георгий Васильевич

В марте 1923 года было принято общее решение о Сунь Ятсене и партии Гоминьдан¹, которое мы должны были начать осуществлять сейчас же по вынесении решения. Большая резолюция по этому поводу на трех страницах, датированная 21 марта, подробно намечала формы помощи, весь план работ, а также тот кредит, который мы готовы были на это отпустить. (Резолюцию эту на всякий случай прилагаю к этому письму².) Вследствие того, что тов. Иоффе³ был в Японии, а без него мы не хотели приступить к осуществлению этого плана, резолюция эта была ему сообщена в Токио. Он в основном сообщил ее Сунь Ятсену, который в течение этого года несколько раз запрашивал нашу миссию в Пекине о том, в каком положении находится проведение в жизнь тех обещаний поддержки, о которых ему было сообщено из Токио. До недавнего времени эта резолюция была на бумаге, и у Сунь Ятсена появился совершенно естественный скептицизм к тем обещаниям, которые ему были даны в начале 1923 года. Назначение т. Бородин⁴ в Кантон означало, что мы, наконец, реально приступим к осуществлению нашего плана. Тов. Бородин уже в Кантоне и приступил к работе. В письме № 6 от 13 октября⁵ я уже сообщал Вам о тех первоначальных шагах, которые нами были намечены для предложения Сунь Ятсену. Бородин сообщает, что Сунь Ятсен полностью согласился с нашим планом и что в первую очередь поставлена задача организации партии, как в центре, так и в главнейших городах, организация политической работы через клубы и прессу. Тов. Бородин назначен Сунем советником по проведению плана реорганизации партии на новых началах. Вырабатывается программа и устав партии, подготавливается партийная конференция, которая должна будет состояться в январе месяце⁶, намечены к открытию ряд газет и организация в Пекине гоминьдановского телеграфного агентства. Все эти планы требуют сразу же больших средств. Я об этом Вам несколько раз телеграфировал. В марте месяце решено было ассигновать два миллиона⁷ с расчетом на один год, причем сумма эта должна была выдаваться по четвертям. Несомненно, наше решение тогда было чрезвычайно щедрым и, как теперь выясняется, для организации широкой работы не требуется в течение года такой большой суммы. Тем не менее, некоторые суммы все-таки необходимы. Между тем, я не имею на это никакого кредита. На поездку Бородин и на первые расходы, связанные с организацией дела, я выдал из имеющихся здесь чужих сумм 10000, которые необходимо будет покрыть. Кроме того, как я уже сообщал Вам по телеграфу, необходимо еще 50000. Сейчас, когда в связи с приездом Бородин и тем планом, который был предложен в Кантоне, Сунь Ятсен и его приближенные очень оживились и ухватились за работу, было бы совершенно непростительно, чтобы мы должны были бы тормозить работу из-за отсутствия средств. Это было бы тем более недопустимо, что высшее учреждение об этом вынесло решение еще в марте месяце. Очень прошу Вас нажать, где следует, чтобы необходимые суммы находились бы в Вашем распоряжении и чтобы не было бы необходимости каждый раз для каждой тысячи долларов пускать в ход какую либо громоздкую машину.

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУНЬ ЯТСЕНА

Последние сообщения говорят, что военное положение Сунь Ятсена сильно ухудшилось. Большая часть флота изменила ему и перешла на сторону противников. Это очень серьезный удар. Кроме того, он потерпел ряд других неудач на сухопутном фронте и положение его в настоящий момент довольно критическое. Но этим колебаниям в его военном положении не следует придавать серьезного значения. Мы никогда не считали, что центр тяжести его деятельности заключается в военных действиях, и сегодня ухудшившаяся военная конъюнктура завтра может измениться в его пользу, причем ни ухудшение, ни улучшение не следует серьезно оценивать. Война, которую ведет Сунь Ятсен очень сильно вредит ему как политическому деятелю. В глазах радикального национального общественного мнения Китая он с каждым днем теряет, в особенности не ведя никакой политической работы и сосредотачиваясь исключительно на войне. Недаром его даже очень либеральные и очень порядочные газеты называют иногда "Сунь Большая Пушка", подчеркивая этим, что он выродился в военного человека. Пекинская профессура и частью студенты, которые, как Вы знаете, настроены очень радикально, проникаются все большим скептицизмом к Суню, именно на почве его военных предприятий и некоторые из них указывали мне, что собственно между Сунем и другими милитаристами всякая разница начинает теряться, и это верно лишь в том смысле, что методы Сунь Ятсена ничем не отличаются от методов господства и ведения военных действий любого из генералов: У Пэйфу, Чжан Цзолиня, Фэн Юйсяна и т.д. Армия его наемная, ничего идейного в ней нет, воюют потому, что получают жалование. Как только Сунь Ятсен перестает расплачиваться с ними аккуратно, в войсках начинаются волнения, части могут перейти на сторону любого генерала, который будет аккуратно уплачивать им жалование. Антураж Сунь Ятсена чрезвычайно сомнителен в политическом отношении и даже в отношении простой честности. Многие из его генералов и приближенных вчера еще могли быть на стороне У Пэйфу, на стороне Чжилийской клики⁸ и т.п. Главная задача его государственного аппарата заключается в добычании денег, причем деньги добываются всякими способами: облагаются купцы, открываются игорные притоны, опиокурильни и т.п. В районе его господства внутренний режим почти ничем не отличается от режима пекинского или других провинций. Таким образом, внешне власть Сунь Ятсена ничем не отличается от власти любого милитариста. Единственно, что его отличает, это та национальная программа, которую он будет осуществлять, когда подчинит своему контролю весь Китай. Но эта программа сама по себе без необходимой политической работы, без сторонников в других городах Китая, никого, конечно, прельщать не может. Вопрос о скором начале организационно-политической работы есть вопрос сохранения авторитета Сунь Ятсена, партии Гоминьдан и сохранения от дальнейшего разложения, вырождения и дискредитации гоминьдановского центра.

СУНЬ ЯТСЕН И ЧЖАН ЦЗОЛИНЬ

Сведения, которые у нас имеются, о связи между Сунем и Чжан Цзолинем, говорят, что особенно тесной связи между ними нет. И хотя Сунь Ятсен сообщил Бородину о своем плане организации национального правительства в Харбине вместе с Чжан Цзолинем, я думаю, что это чистейшая фантазия, ибо не таковы их отношения, чтобы Чжан Цзолинь мог пойти на образование объединенного с Сунем правительства, да еще в Харбине, где оно находилось бы

под нашим влиянием и ударом. Я до сих пор не получил письменного доклада от Бородина, который информирует меня лишь кратко по телеграфу.

Очень прошу обратить внимание на финансовую сторону дела и обеспечить беспереывность работы.

С коммунистическим приветом

(Л. Карахан)

АВП РФ, ф. 0179, оп. 7, п. 4, д. 9, л. 101-104.

Машинописный текст, подлинник, подпись — факсимиле.

Примечания

1. Имеется в виду постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 8 марта 1923 г., в котором признано возможным оказать денежную поддержку Сунь Ятсену в размере около двух миллионов мексиканских долларов. — См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I, с. 206 (док. № 64).

2. Резолюция не обнаружена.

3. См. прим. 2 к док. № 3.

4. См. прим. 7 к док. № 2.

5. Это письмо мы здесь не публикуем.

6. Речь идет о I съезде Гоминьдана, состоявшемся в Кантоне (Гуанчжоу) в январе 1924 г.

7. См. прим. 1.

8. См. прим. 3 к док. № 1.

№ 7

ПИСЬМО Г.В. ЧИЧЕРИНА Л.М. КАРАХАНУ. № 16

1 января 1924 г.

Тов. К А Р А Х А Н У

Уважаемый Товарищ,

Масса материалов от тов. Бородина¹ здесь получена. Пока речь идет о Юге, сложные вопросы еще не встают. Они встанут тогда, когда дело коснется Севера. Тов. Бородин организует настоящую современную партию, это прекрасно. Но когда дело коснется Севера, это будет значить, что рабочий класс он организует в форме либеральной партии, а не коммунистической. Мы поддерживаем национальные освободительные движения, но мы вовсе не поддерживаем превращение рабочих движений в либеральные. Из сообщения тов. Бородина не ясно, как он подойдет к этой задаче.

Вопрос о выдаче оружия сильно задержался, как я Вам писал, вследствие "перегруженности правительства". На днях предстоит партийная конференция², все это время партийная дискуссия занимала все умы и отнимала у всех целые дни и ночи. А тут еще происходили немецкие разговоры³. Между тем, в предшествующий момент здесь создалось такое сильное настроение против военной политики Сунь Ятсена, что нужно нашим деятелям несколько вникнуть в положение, чтобы в данном вопросе отказаться от отрицательного отношения. Проволочки получились и со специальной комиссией из гг. Складянского⁴, Войтинского⁵, Радека⁶ и меня. Тов. Войтинский, впрочем, решительно поддерживает необходимость передачи оружия. Вопрос о том, дать ли оружие, или деньги будет еще обсуждаться. Ваш план создания пароходного сообщения⁷ совершенно новый и также должен быть еще внимательно обсужден.

С тов. Смидовичем⁸ я еще не списывался относительно кандидатуры тов. Иванова⁹. Мы эту кандидатуру одобряем, но он не в курсе здешних разго-

воров ЦК Помял¹⁰. Возможно, что тов. Смидович будет настаивать на посылке человека, вполне ориентированного. Приезд тов. Иванова сюда отнял бы много времени и стоил бы дорого. Все это пока является платоническими разговорами, пока нет согласия Японии.

Усиление движения за признание СССР чуть ли не во всех странах заставляет быть более разборчивым, когда дело идет о предложениях правительствам, посылающим нас к черту. Поэтому здесь отнеслись весьма отрицательно к мысли о посылке новой ноты японскому правительству. Оно нас явно третирует. Его уклонение от переговоров не оставляет ни малейших сомнений, так называемая агитация оппозиции имеет весьма мало веса в Японии, и мы просто унизимся, отвесив поклон не желающему нас знать японскому правительству.

Мы будем опять хлопотать о выдаче пайков Вашей семье из Совнаркома.

С товарищеским приветом

/ЧИЧЕРИН/

АВП РФ, ф. 0179, оп. 8, п. 6, д. 7, л. 1-2.

Машинописный текст, подлинник, подпись — автограф.

Примечания

1. См. прим. 7 к док. № 2.

2. Речь идет о XIII партийной конференции РКП(б), открывшейся в январе 1924 г., на которой были подведены итоги дискуссии в партии. Однако и после конференции оппозиция, возглавляемая Л.Д.Троцким, не прекратила публичной критики политики РКП(б). Особым нападкам Троцкий подвергал Сталина.

3. Видимо, речь идет об анализе причин поражения революции в Германии осенью 1923 г.

4. Э.М. Складанский — в 1918-1924 гг. — заместитель председателя Реввоенсовета СССР.

5. См. прим. 5 к док. № 5.

6. К.Б.Радек (Собельсон) — в 1920-1924 гг. — член ЦК РКП(б), в 1923-1924 гг. — заведующий Восточным отделом ИККИ.

7. Л.М. Карахан предлагал план создания пароходного сообщения между Владивостоком и Кантоном.

8. П.Г. Смидович — советский дипломат.

9. См. прим. 8 к док. № 2.

10. После землетрясения в Японии 1923 г. (см. прим. 13 к док. № 3) в Советской России была создана специальная комиссия помощи Японии в соответствии с Декретом Совнаркома СССР об оказании помощи Японии в связи с постигшей ее катастрофой от 4 сентября 1923 г.

№ 8

ПИСЬМО Г.В.ЧИЧЕРИНА Л.М.КАРАХАНУ. № 17

2 января 1924 г.

Тов. КАРАХАНУ

Уважаемый товарищ,

Я говорил с т. Красным¹ о Вашем плане по организации пароходных рейсов между Владивостоком и Кантоном. Он говорит, что организовать в Кантоне отделение Внешторга вполне возможно, но что создание пароходной линии будет нам сейчас слишком дорого стоить. Я буду еще пытаться выяснить, нельзя ли каким-нибудь образом достигнуть той же цели. Крайне важно было бы иметь по этому вопросу конкретный материал.

Что касается контроверзы² о выдаче оружия, то т. Склянский³ заявил, что при нашей крайней нужде в таковом и ограниченности нашего военного бюджета можно было бы выдать оружие только за деньги с тем, чтобы сейчас же на эти деньги заказать такое же количество для себя. Но т. Духовской⁴ подсчитал, что просимое оружие составит сумму, превышающую миллион золотых рублей. Этим мы сразу исчерпаем значительную часть имеющегося фонда. Окончательное решение еще не принято, но при весьма сильных настроениях против такой линии вообще, имеется не особенно много шансов на согласие. При этом многие у нас думают, что Сунь Ятсен уже не является типичным представителем Гоминьдана. Он слишком связан с правым крылом, от которого резко выделяется сильное левое крыло. Отказ его издать аграрный декрет весьма типичен и вряд ли может внушить оптимистическое представление об его дальнейшей деятельности.

Следите ли Вы за корейским вопросом? Мы, как НКВД, предпочитаем туда не ввязываться ввиду возможности переговоров с Японией в близком будущем. Но другие там работают. Мне необходимо иметь более ясное представление о том, что там происходит, и как надо вести общую линию; что собой представляет сейчас национальное движение и до какой степени можно с ним связываться? Я сегодня послал Вам шифровку⁵ относительно весьма странного сообщения т. Хавина, что будто бы японская полиция перешла границу на Хунчун и захватила красноармейца Пак, а другой раз школьного учителя Тегваншейм. Как я Вам телеграфировал, тут все непонятно. Хунчун — китайский город, каким образом там оказались наши красноармейцы? Если японцы переходят нашу границу, где же наша погранохрана? Наконец, что это у нас за красноармейцы с корейскими именами? Держать корейских красноармейцев у границы Кореи — это прямо означает провоцировать конфликты. Притом нам ничего не сообщается о том, какие принимаются меры. Что сделано в связи с этим фактом и для предотвращения подобных фактов в будущем?

С товарищеским приветом

/Чичерин/

АВП РФ, ф. 0179, оп. 8, п. 6, д. 7, л. 3-4.

Машинописный текст, подлинник, подпись — автограф.

Примечания

1. Л.Б. Красин — министр внешней торговли СССР.
2. Контраверза — разногласия, спорный вопрос.
3. См. прим. 4 к док. № 7.
4. См. прим. 7 к док. № 3.
5. Шифровка не обнаружена.

№ 9

ПИСЬМО Л.М. КАРАХАНА Г.В. ЧИЧЕРИНУ

Пекин, 22 января 1924 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Г.В. Ч И Ч Е Р И Н У

Дорогой Георгий Васильевич,

Я все жду окончательного решения по вопросу об оружии для Суня. Если бы возражения против моих настойчивых предложений выдать оружие сводились бы к тем соображениям, которые высказывает т. Склянский¹, это еще можно было бы понять в связи с новым финансовым режимом и специаль-

ными соображениями, вызванными положением на Западе. Я лично считаю, что эти соображения Склянского не выдерживают никакой критики, ибо вопрос не стоит так, что выдача этого незначительного количества оружия ухудшает наше военное положение на Западе. Только в этом единственном случае можно было принять во внимание резонность такой мотивировки, но этого как раз нет и обоснование, по-видимому, чисто ведомственное — ограниченность военного бюджета. Между тем вопрос этот должен быть разрешен не с точки зрения одного ведомства, а с точки зрения общей политики.

Но меня больше беспокоило Ваше указание относительно того, что Сунь Ятсен не является уже типичным представителем Гоминьдана², что он связан с правым крылом и что вряд ли можно думать оптимистически о его дальнейшей деятельности. Я не знаю, кем и от кого получена такая информация. Мне кажется, что информация, которую я Вам послал непосредственно из Кантона, является в достаточной мере и достоверной и полной и она как раз дает основание говорить оптимистически о дальнейшей деятельности Суня. Сунь Ятсен ведет сейчас работу всецело по нашим указаниям. Я не знаю, о каком сильном левом крыле его партии идет речь. Оппозиция, имеющаяся в партии Гоминьдан против реорганизационной работы и против новой политики, которую сейчас Гоминьдан ведет, как раз идет справа, а не слева, причем это правое крыло не имеет серьезной силы и опирается на некоторые торговые круги не столько самого Кантона, сколько на представителей китайского купечества в близь лежащих колониях — Сингапуре, Голландской Индии, Филиппинах и т.п. Вопрос об аграрном декрете, по-моему, не совсем ясно представляется в Москве. Прежде всего, нет отказа от издания, а есть лишь желание отложить его на некоторое время, необходимое для изучения и для согласования его с крестьянскими организациями. Несомненно, задержка в издании этого декрета объясняется не только деловыми соображениями, но и некоторой боязнью перед этим новым, несомненно, революционным шагом. Мы в Москве никогда не выдвигали этого вопроса об аграрной реформе в такой радикальной форме, как это намечено в Кантоне и не делали критерием своего отношения к Сунь Ятсену его политику по земельному вопросу или другим внутриэкономическим вопросам. Мы его поддерживали как представителя национально-революционного движения, также как мы поддерживали в свое время национально-революционное движение в Турции³, не предъявляя никаких требований в отношении внутренней политики Турции. В случае с Сунь Ятсеном мы имеем более благодарное, более выдержанное национально-революционное движение, чем в Турции. В Турции мы давали деньги и оружие на борьбу против европейского империализма и этим дело ограничивалось. Здесь в центре работа политическая, работа по реорганизации партии Гоминьдан, подведение под работу этой партии социального фундамента, и вопрос об оружии возникает лишь как необходимое обеспечение, необходимая поддержка Сунь Ятсену для сохранения Гуандунской провинции, как базы этого политического движения, находящегося под нашим влиянием. Со времени вынесения известного решения ЦК в начале 1923 года⁴, если положение и изменилось, то изменилось в лучшую сторону. Не зная степени нашего влияния на Сунь Ятсена и не зная, в какой мере мы сможем воздействовать и руководить Гоминьданом, мы тогда, год тому назад, готовы были идти на очень большие жертвы, причем оговаривали эти жертвы рядом скромных условий. То, что мы имеем сейчас, значительно больше наших тогдашних ожиданий. Прежде всего, мы имеем возможность не только контролировать расходы, но мы имеем возможность контролировать и руководить самой работой в центре партии. Больше того, нет такого указания, сделанного нами, которое не было бы принято Сунь Ятсеном и партией. Если некоторая сдержанность проявлена была им в вопросе об аграрном декрете, то

я считаю это вполне нормальным и ни в какой мере не говорящим против Сунь Ятсена. Как я писал в прошлых письмах, аграрный декрет есть самый серьезный шаг в политике Сунь Ятсена и может быть он хорошо сделал, что издание его отложил на некоторое время. Декрет должен быть издан на хорошем изучении существующих земельных отношений, а этого в Кантоне не было и Бородин, которого я спрашивал, также подтвердил мне, что несмотря на принципиальное решение издать его, никто из участников этого решения конкретно не представлял себе в каком виде и каково должно быть конкретное содержание этого декрета. И поэтому естественно, что Бородин не настаивал (и я это вполне одобрял) на том, чтобы декрет был немедленно издан, ибо не только Бородин должен знать, в какой мере это целесообразно, но я настаивал на том, чтобы до издания этого декрета он должен быть прислан мне сюда со всеми материалами, чтобы можно было бы оценить его всесторонне.

Если есть товарищи, которые против выдачи оружия на том основании, что Сунь Ятсен не типичный представитель Гоминьдана и что они боятся за ту политику, которую он будет вести, я очень просил бы в таком случае принять точное решение о том, какую политику Гоминьдан должен был бы вести, чтобы не быть обвиненным в правизне, и я постараюсь эту политику провести в Кантоне. Больше того, я уверен в том, что эта политика была бы принята, если бы конечно она не носила какого либо лево-коммунистического характера и не учитывала бы того, что Гоминьдан не является коммунистической партией и что задачи этого движения ограничиваются пока национально-революционными задачами.

Либерализация рабочего движения

Мне кажется, что Ваше опасение о том, что рабочий класс будет организован в форме либеральной партии, не основательно. [То, что] коммунистическая партия, как рабочая партия, сохраняет свое лицо и участие в партии Гоминьдан, ни в какой мере не означает ее либерализации. Задачи коммунистической партии и ее работа совершенно обособлены, носят вполне классовый характер и они выступают, когда это нужно, со своими особыми лозунгами, не смешивая себя с партией Гоминьдан. В то же время, входя в партию Гоминьдан, они составляют там не только левое крыло, но наиболее активное и благодаря этому мы влияем на партию Гоминьдан не только сверху, но и снизу. Это вопрос не новый, он много раз обсуждался в Коминтерне и на этот счет имеется полная ясность. Может быть в самом Кантоне, где Гоминьдан — правящая партия, там пришлось бы коммунистической партии не столько вести либеральную политику, сколько вести себя несколько сдержанно, не разворачивая своей борьбы против существующего правительства. В Кантоне коммунистическая партия не была бы партией атакующей существующее правительство и стремящейся к захвату власти, а была бы партией, которая поддерживает правительство. Временно такой модус пришлось бы сохранить и едва ли можно было бы обвинять в таком случае коммунистическую партию в либерализме и в отказе от классовой сущности своей.

С коммунистическим приветом

Л. Карахан

АВП РФ, ф. 0179, оп. 8, п. 6, д. 9, л. 8-11.

Машинописный текст, подлинник, подпись — факсимиле.

Примечания

1. См. прим. 4 к док. № 7.
2. См. док. № 8.
3. Речь идет о национально-освободительном движении в Турции 1918-1923 гг., возглавленном Кемалем Гази Мустафа, с 1934 г. — Ататюрк.
4. См. прим. 1 к док. № 6.

№ 10

ПИСЬМО Г.В. ЧИЧЕРИНА Л.М. КАРАХАНУ. № 25

9 апреля 1924 г.

Тов. КАРАХАНУ

Многоуважаемый Лев Михайлович,

Я п о н я. ПЕРЕГОВОРЫ. — Повторю еще раз в общих чертах нашу точку зрения по вопросу о переговорах с Японией.

1. Переговоры должны быть официальные. Это понимается в том смысле, что их должны вести официальные лица с полномочиями. На названии этих переговоров конференцией мы не настаиваем.

2. Вопрос о признании должен быть зафиксирован прежде всего. Однако, осуществление его должно быть не ранее соглашения об эвакуации Сахалина.

3. Согласие об эвакуации и, если возможно, фиксация сроков ее должны быть ранее всех последующих соглашений.

4. Николаевские события¹ — согласны, в крайнем случае, на выраженные сожаления, но под условием отказа Яппра² от претензий по Николаевску.

5. Концессия на Сахалине и в Сибири — готовы дать на общих основаниях, а на Сахалине — на льготных условиях. Однако этот вопрос не должен связываться с вопросом о николаевских событиях.

6. Долги и претензии — при прочих равных условиях, по итальянской формуле или по Рапалло³.

7. Арестованные японские шпионы во Владивостоке — Вы можете заявить, что будете ходатайствовать об них с надеждой на успех после заключения соглашения.

С И Н К Л Е Р. — Синклер⁴ попытался приступить к работе на Сахалине, но натолкнулся на противодействие японцев. Не желая осуществлять свои права по договору, вопреки этому противодействию японцев, Синклер подал нам заявление о том, что он просит пролонгировать все сроки договора, исходя из того, что он не имеет возможности выполнять договор, вследствие непреодолимой силы. Последней он считает противодействие японцев. Мы не согласны с таким толкованием и предупреждаем о возможности расторжения договора по их вине. Так как Амерпра⁵ не оказало в этом содействия Синклеру, то этот факт подпадает под статью договора с Синклером о расторжении его в случае неоказания содействия Амерпра.

Подробная переписка по этому вопросу посылается Вам одновременно.

С коммунистическим приветом

/Чичерин/

Примечания

1. Николаевские события произошли во время интервенции Японии на Дальнем Востоке, фактически начавшейся в январе 1918 г. 2 августа 1918 г. японский десант захватил Николаевск-на-Амуре. В феврале 1920 г. город, занятый японскими войсками, был осажден красным партизанским отрядом. 28 февраля в результате переговоров было заключено соглашение "О мире и дружбе японцев и русских", по которому партизаны мирно вошли в город. Однако 12 марта начался вооруженный конфликт. В результате японцы были разбиты, часть их попала в плен. Через месяц в Николаевск был направлен крупный японский контингент. Командир партизанского отряда при отступлении приказал расстрелять всех пленных, в том числе японцев.

2. Японское правительство.

3. См. прим. 4 к док. № 4.

4. Вероятно, речь идет о главе американской нефтяной компании "Синклер".

5. Правительство США.

№ 11

ПИСЬМО И.В. СТАЛИНА Л.М. КАРАХАНУ

16 июня 1924 г.

Здравствуй, друже!

Как здоровье, самочувствие? Скучаешь, должно быть... (Многоточие автора. — А.К.)

Дела с Китаем, видимо, пошли у тебя не дурно. А как с Японией? Можно ли надеяться на благоприятный исход переговоров? Не верь японским дипломатам ни на секунду: самая вероломная публика. Верь фактам... (Многоточие автора. — А.К.)

Как дела с Сунем, с Гоминьданом? Есть ли в Китае действительное движение и насколько оно глубоко? Есть ли у Суня или Гоминьдана корни, действительные, живые корни? Можно ли считать, что удельный вес Суня—Гоминьдана соответствует удельному весу, скажем, Кемалю² и его партии?

Как орудуют там наши ребята³? Доволен ли ты их работой? Не следует ли их усилить?

Подательница сего, т. Шпицер⁴, человек, кажется, хороший и честный. Окажи ей содействие, если это будет необходимо.

Мой поклон твоей жене

Привет!

И. СТАЛИН

П.С. Я пока жив и здоров. Дело с переговорами в Англии⁵ пока неопределенно.

И. Ст.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 745, л. 2.

Текст машинописный, подлинник, сверен с автографом, подпись — факсимиле.

Примечания

1. См. прим. 3 к вводной статье.

2. Кемаль паша, Гази Мустафа (с 1934 г. — Ататюрк) — руководитель национально-освободительной революции в Турции 1918-1923 гг., первый президент Турецкой Республики (1923-1938), лидер Народно-Республиканской партии.

3. Речь идет о советских военных советниках, командированных в Китай.

4. Личность не установлена.

5. Речь идет о переговорах между СССР и Великобританией о заключении двух англо-советских договоров — общего и торгового. Они были подписаны в Лондоне 8 августа 1924 г. и должны были урегулировать вопросы, вытекавшие из факта признания Британским правительством Советского правительства и заменить имевшее предварительный характер Англо-Советское торговое соглашение 1921 г. Указанные англо-советские договоры, подписанные 8 августа 1924 г. в силу не вступили вследствие отказа консервативного правительства Болдуина ратифицировать их.

№ 12

ПИСЬМО Л.М. КАРАХАНА И.В. СТАЛИНУ

Пекин, 13 июля 1924 г.

Дорогой Сталин, ты спрашиваешь, не скучаю ли я. Нет, ибо стараюсь не оставлять свободной минуты для этого безнадежного занятия. Работы здесь много и дипломатической и недипломатической.

У меня целый день китайцы: профессора, делегации, парламентарии... Здесь хорошая кампания идет против держав и ко мне приходят за советами, но т.к. мы не можем выступить против интересов держав, признавших нас, то приходится их уговаривать, чтобы они не выступили против империализма, что к сожалению не дает никакого успеха. Они с еще большей энергией продолжают свою работу, уходя от меня.

Одним словом, интересно и увлекательно. Мне не скучно, но я дьявольски устал физически. Ведь целый год¹ уже сижу здесь. Но это полгоря. Хуже — это оторванность от Москвы. Тяжело чувствовать себя вдали от “центра”. Тем более, что я нахожусь здесь в единств[енном] числе и не с кем поговорить даже...

Я надеюсь, что ЦК признает, что необходимость моего пребывания на расстоянии 10 т[ысяч] верст от кол[лектива] НКВД может уже минула.

Дела с Китаем идут ничего, но нужно терпение. Сейчас идет возня с Чжан Цзолинем. Это тяжкая задача. Нет шиворота, за который можно было бы схватить, в этом трудность. Вертишься все время в какой-то протоплазме и комбинируешь. Я не теряю надежд в этом месяце закончить с ним дело, но буду просить в этом случае дать Серебрякова² на КВЖД.

С Японией дело обстоит ты знаешь как. Им до зарезу нужно договориться с нами, но им трудно просто так расстаться с нефтью. Я стою за твердый тон с ними, не боясь идти на разрыв. Им разрыв опасней, чем нам. Они сидят на Сахалине и не могут развернуть работы по нефти, ибо завтра не оформлено и вкладывать большие капиталы рискованно, а для нефти надо вложить сразу много денег, иначе игра не стоит свеч.

Верю только фактам, совет твой верен³. Я уже обжегся на Чжан Цзолине, хотя мы ничего и не проиграли, ибо все равно ничего другого сделать не смогли бы. Ибо раз он обманывает, единств[енное] средство это кулак, а на это мы не можем пойти.

С Гоминьданом дело идет медленно, а теперь немного хуже. Правое крыло у него довольно сильно, и он не имеет смелости обрубить его. Из Пекина

мне трудно ставить соверш[енно] точный диагноз. Я собираюсь поехать сам в Кантон, чтобы прощупать положение своими руками.

Действительного движения в Китае пока еще нет, но оно создается. Суня нельзя сравнивать по удельному весу с Кемалем. Кемаль представлял и вел за собой всю национальную Турцию, Сунь даже у себя в Кантоне не ведет за собой всю "нацию". Тут легко сделать ошибку, ибо разные количества, массы. Китай — это 400 с лишним миллионов населения. Одна Гуандунская пров[инция], столицей которой является Кантон, насчитывает 30 мил[лионов] населения. Это целая Италия. Гуандун по населению в три раза больше Турции. Чтобы охватить такую страну, нужна продолж[ительная] работа. Сунь до сих пор ее не вел. Сейчас он обучается. Важно, что он понял значение массовой базы для своей партии и пр[авительст]ва. Но его нужно все время толкать, потому что он в самом сволочном окружении правых, американизированных интеллигентов и т.п.

Сейчас я направляю его внимание на борьбу против империализма, грабежа Китая державами. Это самое популярное и понятное дело для всего Китая. На этом он может приобрести полит[ический] капитал, окрепнуть и полит[ически] и организационно. Также, как в октябре [1917 г.], наши лозунги, в особенности лозунг мира, дал нам силу и поддержку масс, так и в Китае лозунг — борьба против держав может дать ему силу, которая поднимет его до Кемалья. Другой источник его возможной силы зем[ельная] реформа. Они разрабатывают его, но все еще не решаются провести. Дела на Севере меня все задерживают, но как только вырвусь, сейчас же поеду на Юг и буду нажимать на Суня во всю.

Присылаемые ребята⁴ как будто ничего, но они только-только приехали, на работе еще не видел. Пока мы решили больше не выписывать, пусть эти сперва войдут в работу.

Главное здесь нужны деньги и яраги⁵.

По Японии я должен знать, как держаться. Постановления ЦК⁶ сообщены мне не полностью по гл[авному] вопросу о концессиях. Между тем сейчас, когда японцы хотят тянуть, боясь разрыва, намек с моей стороны — надежда договориться по этому вопросу ускорило бы дело. Так как у Вас есть уступки (которые неизвестны мне пока), это я понимаю как желание договориться ценной серьезных уступок. Бояться, что я продешевлю, нет оснований. Мои переговоры с Японией могли убедить тебя, что я держусь с ними довольно твердо, и пока эта твердость вела к уступкам с их стороны.

С приветом жму руку

Л. Карахан

Жена моя в Москве около полгода, она произвела на свет большевика и не знает, ехать ли ей в Пек[ин] или дожидаться меня.

P.S. Как только Клышко⁷ приедет и если с КВЖД будет покончено, хочу поехать в Москву. С Японией или будет разрыв или договоримся, т[ак] что она не мешает. Само собой понятно, что если будут идти переговоры, придется вести как бы долго не продолжались. Но при первой разумной возможности мне надо поехать в Москву. Надеюсь со стороны ЦК не будет возражений.

Примечания

1. См. прим. 1 к док. № 1.
2. Речь идет о Л.П. Серебрякове. С 1922 г. — заместитель наркома путей сообщения, в 1924–1931 гг. — товарищ председателя Правления КВЖД.
3. См. док. № 11.
4. См. прим. 3 к док. № 11.
5. Ярага — мелкий полицейский служащий. В данном контексте, вероятно, имеются в виду осведомители.
6. Постановление ЦК ВКП(б) не выявлено.
7. Н.К. Клышко — работник Наркомвнешторга, в 1924–1925 гг. — торгпред в Китае.

№ 13

ТЕЛЕГРАММА И.В. СТАЛИНА Л.М. КАРАХАНУ

Отправлена 7 марта 1925 г. *Шифром*

Карахану

Передайте Блюхеру¹ и его сподвижникам горячий привет и пожелание дальнейших успехов.

(И. Сталин)

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 745, л. 37.

Машинописный текст, подлинник, подпись — факсимиле.

Примечания

1. В.К. Блюхер — в то время начальник Южнокитайской группы советских военных советников, главный военный советник Кантонского правительства и главного командования гоминьдановской армии, телеграмма направлена в связи с успехами первого Восточного похода (февраль–март 1925 г.) в Гуандуне против Чэнь Цзюньмина.

№ 14

ТЕЛЕГРАММА И.В. СТАЛИНА Л.М. КАРАХАНУ¹

Москва, 29 июня 1925 г. *Шифром*

ПЕКИН КАРАХАНУ

Я думаю, что есть две опасности: во-первых, империалисты будут стараться изолировать Кантон, сделать его козлом отпущения, расширить щель между Кантоном и Пекинским правительством, переманить на этой почве на свою сторону китправительство, открыть после этого решительные действия против Кантона и таким образом начать новую полосу в китайском национальном движении, полосу постепенной его ликвидации под флагом “объединения” Китая и потом благоприятного для них договора с китправительством. Во-вторых, кантонцы и гоминьданцы вообще могут не понять этого маневра империалистов, могут попасть на удочку и, увлекшись левыми демонстрациями, по-

мочь тем самым империалистам провести "объединение" Китая в порядке разгрома Кантона и перевода движения на антиреволюционные рельсы. Чтобы преодолеть эти опасности необходимо: во-первых, внушить кантонцам, что они являются основным резервом революционного движения в Китае, что задача состоит теперь не в выпячивании Кантона на первый план, а в расширении революционного движения в других районах Китая, пока еще не охваченных, или мало охваченных движением, что в виду этого необходимо соблюдать в Кантоне максимальную осторожность и осмотрительность, не поддаваясь на провокацию иностранцев и не попадаясь на их удочку. Во-вторых, было бы целесообразно по моему взять в свои руки дело объединения Китая и позондировать почву насчет объединения Кантона с Пекином на основе, скажем, принятия в Кантон представителя Дуань Цижуй¹ с сохранением широкой автономии для Гуандуна, объединения вооруженных сил Пекина и Кантона с привлечением в это дело Фэна², включения кое-кого из гоминьдановцев в состав правительства Пекина и вытеснения оттуда агентов Чжан Цзолия с оставлением Дуань Цижуй президентом и так далее. Само собой понятно, что формирование кантонского управления и выдвижение кандидата на пост генерал-губернатора в Гуандуне должно остаться в компетенции Гуандуна, то есть того же Гоминьдана, а Гоминьдан должен быть легализован во всем Китае. Подробные условия могут быть выработаны потом, если сама эта комбинация окажется пригодной. При такой комбинации, я думаю, что и изоляция Чжан Цзолия и ликвидация маневра империалистов насчет изоляции Кантона, и частичная победа над империалистами на данной стадии революции были бы наверняка обеспечены. Все это мое личное мнение, и я прошу тебя немедленно сообщить твое заключение по поводу этой самой комбинации для доклада ЦК.

(И. Сталин)

Зашифровала К. Большакова.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 745, л. 70-71.

Машинописный текст, подлинник, подпись — автограф.

Сверено с правкой автора.

Примечания

1. Дуань Цижуй (Дуань Чжицюань) — глава аньфуистской прояпонской клики милитаристов. В 1924-1926 гг. занимал пост премьер-министра пекинского правительства.

2. См. прим. 4 к док. № 1.

3. См. прим. 7 к док. № 2.

№ 15

ТЕЛЕГРАММА Л.М. КАРАХАНА И.В. СТАЛИНУ

Пекин, 1 июля 1925 г. Сов. *с[екретно]*, срочно

Из Пекина

получ. 1/VII-19-25

расш. 2/VII-3-15 спец № № 371, 372, 373

Расшифр. срочно немедленно.

Наркоминдел, Москва

Сталину. На № 36822-84¹. Первое. Обе опасности несомненно имеются. Державы были бы рады использовать Пекинпра против Кантона, но такая опа-

ность стала бы реальна, если бы Чжан Цзолинь² воцарился в Пекине. Япония и Англия несомненно толкают Чжан Цзолиня на утверждение его власти в Пекине, но сделать этого сейчас труднее, чем до Шанхайских событий³ и в особенности после нот Китпра державам и последних выступлений Фэн Юйсяна⁴. Однако, необходимость создания общего фронта: Фэн Юйсян, Дуань Цижуй⁵ и Гоминьдан против держав не теряет свое остроты. Второе. Твои предложения а) о сугубой осторожности кантонцев уже приняты к исполнению и абсолютно правильны. В Кантоне принимаются все меры, чтобы не обострять отношений с державами, несмотря на расстрелы⁶, хотя стачка продолжается и будет укрепляться; б) объединение Кантона в своей далеко идущей форме едва ли выполнимо. А с точки зрения внутренних отношений здесь не было бы понято, а главное принято Гоминьданом. Третье. Можно, не заходя так далеко, найти форму для кооперации между Пекином и Кантоном. Во время Версальской конференции⁷ также существовало два правительства — в Пекине и Кантоне. Необходимо или сговориться, или послать единую делегацию, состоящую из северян и южан. Кооперацию между Кантоном и Пекином следует начать по этому типу. А именно с единой согласованной акцией по отношению к державам. Это будет важным шагом, исключая разыгрывание Пекинпра против Кантона. Четвертое. Более далеко идущее соглашение могло быть вопросом будущего, если бы кооперация на почве внешних дел удалась. Сейчас никакой разговор с Дуанем об объединении вооруженных сил не дал бы ничего, ибо у Дуаня военных сил нет, фактически это означало бы объединение военных сил Гоминьдана и Народной армии⁸, которой Дуань должен был сократить⁹. Кроме того, Дуань сейчас на разрыв с Чжан Цзолинем не пойдет, не будет даже об этом разговаривать. Нужно сперва создать обстановку, при которой разрыв между Чжан Цзолинем и Дуанем стали объективно неизбежным. Пятое. Последней целью должны служить: а) выступление Фэн Юйсяна, б) декларация Гоминьдана о поддержке Дуаня во всех его шагах к уничтожению неравных договоров, в) разоблачение и шельмование Чжан Цзолиня, как китайского Колчака⁹, что уже делается, г) включение южан в делегацию по переговорам с державами¹⁰, д) и, наконец, созыв съезда всех организаций в Пекине, за что уже началась кампания. Шестое. Мною уже предпринято сейчас же после известных нот Пекинпра от 24 июня: 1) манифест Фэн Юйсяна о едином фронте и одобрение шагов Пекинпра (манифест идет через Росту¹¹). 2) предложил Гоминьдану приветствовать Дуань Цижую и обещать ему поддержку в результате ? [Так в документе. — А.К.] и в осуществление его шагов против держав, 3) киткомпартия согласилась и будет проводить эту линию поддержки Дуань Цижую внутри Гоминьдана. Из Кантона ввиду перебоев в сношениях ответа пока не имею. Седьмое. Открытая поддержка Фэном и Гоминьданом Дуаня и бешеная атака против Чжан Цзолиня будут вбивать клин между Дуанем и Чжан Цзолинем. Мы имеем уже сведения, что Чжан Цзолинь взбешен на Дуаня. Инициатором разрыва скорее и легче сделать Чжан Цзолиня, чем Дуаня. Восьмое. Хотя с Кантоном сношения затруднены, но даже скудные сведения оттуда заставляют думать, что обстановка складывается так, что решительная вооруженная акция против Кантона имеет немного шансов. Отвечаю без задержки.

Расшиф. Залетин, Ройзин, Юруш. Карахан 1/VII-25 г.
в 2-х экз. И.В. № № 903, 904, 905

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 745, л. 76-77.

Машинописный текст, подлинник, подпись — факсимиле.

Примечания

1. См. док. № 14.
2. См. прим. 6 к док. № 1.
3. Речь идет о всеобщей антиимпериалистической забастовке рабочих, торговцев и студентов Шанхая, начавшейся 1 июня 1925 г. в связи с расстрелом английской полицией мирной демонстрации на Наньцзинлу 30 мая. Эта забастовка перекинулась на многие города Китая и стала известна как "движение 30 мая". Особенно длительной в этом движении была Сянган-Гуанчжоуская (Гонконг-Кантонская) забастовка (23 июня 1925 г. — 19 октября 1926 г.). В отечественной историографии это движение считается началом национальной революции 1925-1927 гг.
4. См. прим. 4 к док. № 1. Во время революционного подъема в 1925 г. Фэн Юйсян вступил в вооруженную борьбу против северных милитаристов.
5. См. прим. 1 к док. № 14.
6. Здесь, видимо, речь идет о расстрелах демонстрации в Шанхае 30 мая 1925 г. и демонстрации протеста против расстрела в Шанхае, состоявшейся в Кантоне 23 июня 1925 г., когда мирная демонстрация была расстреляна английскими и французскими войсками.
7. Речь идет о мирной конференции, открывшейся в Париже 18 января 1919 г. и закончившейся подписанием Версальского мирного договора 28 июня 1919 г., завершившего Первую мировую войну. Китай также участвовал в этой конференции, но не добился удовлетворения своих законных требований. В письме речь идет о том, что на Парижской конференции китайскую делегацию представляли не только представители пекинского правительства (возглавлял делегацию министр иностранных дел Пекинского правительства Лу Чжэнсян), но и представитель Южнокитайского правительства Ван Чжэнтин (занимал неофициальный пост уполномоченного Южного правительства в США).
8. Национальная армия Фэн Юйсяна.
9. А.В. Колчак — адмирал царского флота, исследователь Северного морского пути. Здесь, видимо, имеется в виду, что во время иностранной военной интервенции и гражданской войны в Советской России (1918-1920 гг.), он являлся в борьбе против советской власти одним из ставленников Антанты, а Чжан Цзолинь поддерживался Японией.
10. Имеются в виду переговоры пекинского правительства с державами по поводу расстрелов в Шанхае и Кантоне (см. прим. 3 и 6).
11. Российское телеграфное агентство.

№ 16

ТЕЛЕГРАММА И.В. СТАЛИНА Л.М. КАРАХАНУ

3 июля 1925 г. *Шифром*

ПЕКИН КАРАХАНУ

Ответ получил¹. У тебя выходит, что опасность изоляции Кантона и приручения иностранцами Китпра имеется, но она не так реальна, как это могло бы показаться. Что же, дай бог. Во всяком случае, дело единого фронта против врагов Китая надо сосредоточить в своих руках и фактически налаживающуюся кооперацию Кантона и Пекина надо двигать вперед. Если гоминьдановцы будут сопротивляться ввиду антагонизма между Югом и Севером, надо сопротивление преодолеть, ибо дело идет о судьбах революции на ближайший период. Ты не ответил на один пункт директивы о посредничестве Совпра². Я

лично не придаю значения этому пункту, но ты должен все же ответить. Как обстоит дело с общею забастовкой, когда она будет и будет ли вообще?

СТАЛИН

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 745, л. 78.

Машинописный текст, подлинник, сверен с автографом, подпись — факсимиле.

Примечания

1. См. док. № 15.
2. Советское правительство.
3. Речь идет о забастовках в "движении 30 мая" 1925 г. (См. прим. 3 к док. № 15).

© 2005

*Публикация А.И. Картуновой,
доктора исторических наук.*

-
1. Вверху листа помета: Получено 15 ч. 45 м. 29.IV.25. На поле листа: В (архив), далее подпись неразборчиво.
 2. Так в документе.

Культура

Русские художники в Китае

© 2005

Е. Таскина

В 1947 году из Китая в Россию приехали русские художники Михаил Александрович Кичигин и Вера Емельяновна Кузнецова-Кичигина. Он, уже сложившийся художник, попал Харбин в период октябрьских событий в России; она родилась в Харбине, когда этот город только начинал строиться. М.А.Кичигин учился в Строгановском художественно-промышленном училище, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у С.А.Иванова, К.А.Коровина и других известных художников и фактически представлял эту школу живописи. У него был богатый педагогический опыт — он преподавал в училищах Читы и Харбина, в харбинской студии "Лотос", имел учеников в Шанхае. Он был членом общества "Московский салон" с 1917 г., международного Арт-клуба в Шанхае с 1931 г., неоднократно выставлял свои картины — в Москве (1914), в Циндао (1929), трижды в Шанхае (1930-1946), Кантоне (1932), Гонконге (1932), Корее (1932-1933). Его московская школа была обогащена миром Востока, опытом жизни в Китае, его интуицией и талантом.

Таким увидела М.А.Кичигина в 1920 г. в студии "Лотос" его ученица, а позже верная спутница жизни Вера Емельяновна Кузнецова. "Я пришла в восторг от его работ", — вспоминает она о своем первом впечатлении, — сразу почувствовала, что он — настоящий художник... М.А.Кичигин был моим первым и единственным учителем."¹

В Шанхае, куда они уехали в конце 20-х годов, М.А.Кичигин много работал: делал этюды с натуры, портреты. "Михаил Александрович, — вспоминает далее Вера Емельяновна, — был превосходным портретистом, сразу "схватывал натуру", чувствовал характер человека, независимо от того, кто был перед ним — советник ли китайского императора или нищий рикша."² . Иллюстрацией к этим словам могут быть портреты художника "Старый каллиграф", "Приказчик из лавки", написанный в Харбине "Портрет молодого китайца" и др.

В 1920-30-е годы Вера Емельяновна была начинающим художником. Писала больше акварелью. Поездки по Китаю обогащали, увиденное восхищало — ведь до этого, кроме Харбина и его окрестностей, она ничего не видела. А тут такая красота! "Писали море в Циндао, горы Ляошаня, каналы Кантона", — вспоминает она³. Особенно поразила художников природа юга Китая: "Китай — страна сказочной красоты. Там поразительное освещение, буквально преображающее природу. Все напоено, пропитано солнцем, отчего небо кажется почти прозрачным..."⁴. Таким они видели Китай, таким он изображен в их пейзажной живописи и графике.

Несколько лет подряд супруги ездили в Пекин. Михаил Александрович писал маслом, выбирая больше эффектные ансамбли, а ее не привлекали громоздкие объекты. "Я стремилась показать декоративность архитектуры Китая, дать ощущение древности. Это было очень трудно", — вспоминает художница⁵.

Акварели В.Е.Кузнецовой на первой же большой выставке в Шанхае получили хорошую оценку. Критики отметили несомненное чувство колорита у молодой художницы. "Ее солнце светит, ее воздух прозрачен", — писал шанхайский литературно-художественный журнал "Понедельник" в 1931 г.

Но художнице нравилось писать и портреты. По ее словам, она любила рисовать китайцев, их лица ей всегда были интересны. В наследии В.Е.Кузнецовой-Кичигиной жанровые портреты — среди наиболее ярких работ ("Старик с трубкой", "Монах", "Старичок китаец" и др.).

В последний период, перед отъездом из Шанхая на родину, художники сотрудничали с советским консульством. Например, Вера Емельяновна сделала для консульства два панно: "Переход Суворова через Альпы" и "Переход Красной армии через Хинган"; оформляла Советский клуб — писала плакаты, изображая костюмы национальностей СССР (все делалось на общественных началах). Полотна М.А. Кичигина также отражали "русскую тему". Родину он помнил и любил всегда. И когда встал вопрос о репатриации, он и его жена из всех вариантов однозначно выбрали Россию...

.. Как и другие репатрианты из Шанхая,плыли сначала морем до Находки. Затем двинулись по России — в товарном вагоне. Два месяца были в пути. Ехали налегке, не подумав о теплой одежде и продовольствии. Ели то, что им выдали — сухой паек (сахари и селедку). Мерзли в дороге — была поздняя осень. Но на родину везли все свои картины. В ящиках и сундучках были эскизы, полотна, рисунки — результат более, чем двадцатилетней жизни в Харбине и Шанхае, творческих поездок по разным городам Китая; работы, написанные в Корее и Японии, пейзажи и портреты яркой многоликой Азии.

В ноябре прибыли в Нижний Тагил. Кое-как устроились — Михаил Александрович — преподавать в художественном училище, Вера Емельяновна — рисовать декорации в Театре кукол. Средств не хватало, карточек у них не было. Наконец, М.А.Кичигина командировали в Ярославль, где он стал работать преподавателем в художественном училище. Как вспоминает Вера Емельяновна, встретили их настороженно, да и неустроенный был пугал. Однако было и хорошее. В 1954 г. состоялась первая выставка художников в Ярославле. С помощью А.Вертинского, знавшего художников по Шанхаю, удалось организовать выставки их картин в Москве, Петрозаводске, Курске.

Шло время. У М.А.Кичигина появились ученики. Каким они видели его в те годы? Воспоминания сохранили облик художника как деликатного педагога, подтянутого, всегда аккуратно одетого. "Это был человек, замечательно мягкий и добрый... Всегда боялся прервать работу, обидеть. Не заставлял делать по-своему...". Большое впечатление производили и его работы, которые он иногда показывал своим ученикам: "Живопись яркая, сочная, свободная. В то время мы не могли по-настоящему оценить его мастерство... Это была другая школа, отличная от того, чему учили в училище. Но красоту мы чувствовали", — вспоминает заслуженный художник России А.Ф.Булдыгин.

М.А.Кичигин.
Старый каллиграф. 1939 г.

*В.Е.Кузнецова-Кичигина.
Старик с трубкой. 1937 г.*

Жизнь в конце концов стала налаживаться. Но внезапно судьба нанесла им тяжелый удар: в 1950 г. Вера Емельяновна была репрессирована. За что? Об этом она узнает позже. Шесть лет провела художница в лагере Джесказгана. Когда после тяжелых работ она была признана непригодной к физическому труду, ее перевели в культурно-воспитательную часть, где и пригодился ее опыт художника. (Только при реабилитации узнала она о том, какое обвинение ей предъявляли — участие в группировке, которая готовила заговор против Сталина).

После смерти мужа в 1968 г. Вера Емельяновна много сделала, чтобы передать картины М.А.Кичигина в разные художественные музеи страны. Сама работала почти до 90 лет, пока не потеряла зрение. Но и после этого продолжала трудиться, диктуя своему другу,

искусствоведу Т.А.Лебедевой свои воспоминания о прошлой, богатой и во многом трагичной жизни, которые сохранила ее уникальная память. В этом я лично убедилась, когда встретилась с Верой Емельяновной в Ярославле, собирая материал для книги "Русский Харбин".

Все свои поздние работы В.Е.Кузнецова-Кичигина передала Ярославскому художественному музею, ставшему ей поддержкой и опорой. В 2004 году — году ее 100-летия — в Ярославле и Москве состоялись выставки работ супругов-художников "Русские художники в Китае". Тогда же в Ярославском издательстве А.Гутмана вышла богато иллюстрированная книга того же названия, в которую вошли и воспоминания В.Е.Кузнецовой-Кичигиной.

Несмотря на жизненные перипетии, творческая судьба этих двух художников оказалась счастливой. Их произведения живописи и графики (в отличие от работ многих других художников русского зарубежья) находятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном историческом музее, в Ярославском и других местных музеях России, в частных коллекциях.

Есть признание, есть память. В конечном счете, это ли не желанная цель любой творческой личности.

1. Русские художники в Китае. Ярославль: Гутман, 2004. С. 24.
2. Там же. С. 29.
3. Из воспоминаний В.Е.Кузнецовой-Кичигиной, опубликованных в каталоге выставки в Ярославском художественном музее в 1989 г. С. 5.
4. Там же. С. 7.
5. Там же. С. 8.
6. Из буклета выставки В.Е.Кузнецовой-Кичигиной в Ярославском художественном музее в 2004 г. С. 3.
7. Русские художники в Китае. С. 79.
8. Там же. С. 82.

Научная жизнь

Пятнадцатая конференция ЕАК

Европейская Ассоциация китаеведения (European Association of Chinese studies) является единственной крупномасштабной профессиональной международной синологической организацией на Европейском континенте. Ее конференции, проходящие раз в два года в различных научных центрах Европы, носят междисциплинарный характер. Это позволяет ученым выйти за пределы своих узких областей исследований, узнать о разработках коллег из других стран. Участие в конференциях строится на основе членства в ЕАК сиологов из Западной, Центральной и Восточной Европы, включая Россию.

Прошедшая с 25 по 29 августа 2004 г. в Гейдельберге Пятнадцатая конференция ЕАК позволила ее участникам ознакомиться с основными тенденциями в зарубежной синологии. Организатором конференции выступил Институт китаеведения Гейдельбергского университета. На конференции работали одиннадцать секций по проблемам древнекитайской истории, новой истории Китая, экономики современного Китая, традиционной и современной китайской литературы, религии и философии, лингвистики, преподавания китайского языка, гендерных исследований, применения современных информационных технологий в изучении Китая. Были проведены круглые столы и междисциплинарные тематические семинары.

Во время конференции проблемы социально-экономического развития Китая рассматривались в секции "Современная экономика". В подсекции 1 "Диверсификация китайского киберпространства" (председатель — Й.Дамм (Свободный Университет Берлина, Германия)) доклады были посвящены проблемам развития сети Интернет в современном Китае. Председатель секции указал на быстрый рост числа пользователей сети в КНР, что рождает на Западе споры о китайских методах контроля над Интернетом, тогда как в самом Китае ученые пытаются выявить возможное позитивное воздействие развития IT-индустрии на ускорение экономического развития страны в целом. С.Томас (Свободный Университет Берлина, Германия) показала интересный пример такого влияния: китайское автомобилестроение, представляющее собой "старую" отрасль экономики, обрело в лице Интернета новый инструмент маркетинга своей продукции и выхода на целевые потребительские группы.

Й.Дамм (Свободный Университет Берлина, Германия) попытался взглянуть на феномен китайского Интернета с позиции современной культурологической теории — в какой мере киберпространство КНР отражает тенденции постмодернизма с его характерной тематической фрагментацией и индивидуализацией пользователей. Анализ содержания новостных дискуссионных групп в китайском Интернете привел докладчика к заключению об отсутствии контакта между различными группами. Й.Лагерквист (Университет Лунда, Швеция) попытался проанализировать планы создания в Китае "электронного правительства" в рамках общей стратегии реформы институтов власти. По мнению

докладчика, китайское "электронное правительство" будет отличаться от зарубежных аналогов, поскольку поначалу не даст людям возможности демократического контроля за властями и будет сосредоточено на упорядочении бюрократического механизма, введении более эффективных форм внутреннего контроля за деятельностью чиновников.

На заседании подсекции 2 "Образование КНР перед вызовом общества знаний" (председатель Н.Е.Боревская, ИДВ РАН, Россия) обсуждались проблемы образования в современном Китае, связанные с введением платы за образование. Из выступлений докладчиков (Н.Боревская, М.Бастид-Брюггер, Е.Смолькова, А.Урода) стало ясно, что переход к рынку в Китае заметно повлиял на доступ значительной части населения к образованию. В частности, возникли проблемы при получении образования у семей с низкими доходами — крестьян, рабочих-мигрантов. В то же время для имеющих деньги появилась возможность направлять детей на учебу за рубеж.

Подсекция 3 "Городская экономика" (председатель — А.Островский, ИДВ РАН, Россия) была посвящена анализу проблем развития капиталоемких отраслей экономики, прежде всего предприятий государственного сектора. В ходе дискуссии стало очевидно, что в условиях рыночной экономики продолжает играть важную роль государство. Т.Райт (Университет Шеффилда, Великобритания) сосредоточил внимание на перспективах государственной угледобывающей отрасли. Докладчик выделил причины убыточности отрасли, попытавшись сопоставить ее трудности с общими затруднениями китайских предприятий.

А.Оберхайтманн (Институт экономических исследований Рейн-Вестфалии, Германия) сосредоточился на "темной стороне" экономического роста КНР, связанной с увеличением роста потребления энергии и вредных выбросов. По мнению ученого, дальнейший рост потребления энергии превратит Китай в течение двух десятилетий в главного мирового "производителя" парниковых газов.

С.Брем и К.Махт (Университет Тюбингена, Германия) подчеркнули важность перехода банковской отрасли КНР на международные стандарты регулирования и аудита. Было отмечено, что для успешного реформирования банковского дела китайскому руководству потребуется принять решение о придании операционной независимости наблюдательным структурам и разрешить более широкие рамки для частной собственности.

Доклады в подсекции 4 "Средства контроля" (председатель — Б.Хупер, Университет Шеффилда, Великобритания) были посвящены анализу форм и методов контроля над обществом в новых условиях рыночной экономики. В докладе Н.Волланда (Гейдельбергский университет, Германия) были проанализированы методы цензуры в КНР и выявлена тенденция к переходу от методов прямого контроля в начальный период после образования КНР к косвенному контролю в период реформ, который, по мнению докладчика, оказывается не менее эффективным. Н.Воланд выделил такие формы китайской цензуры, как система ответственности редакторов и система тройной проверки, особое внимание было уделено методам контроля над чатами в китайском Интернете. Докладчик заключил, что косвенный контроль позволяет партии сохранить за собой возможность в случае необходимости вмешиваться в редакционную политику, не создавая при этом атмосферы беспокойства в обществе. Такой подход докладчик предложил называть "руководством через потенциальную возможность вмешательства".

О.Борох (ИДВ РАН, Россия) проанализировала дискуссии о совершенствовании конституции КНР среди китайской интеллектуальной элиты, существовавшие официальному запрету на обсуждение этой темы летом 2003 г. После утверждения руководством КНР толкования поправок к конституции обсуждение было направлено в русло контролируемого комментирования официально одобренных новаций. Анализ кампании по пропаганде изменений в

конституции позволил заключить, что новое китайское руководство готово продолжить линию на возвышение политического статуса частного бизнеса и создание для него более благоприятных условий внутри страны. Вместе с тем акценты были расставлены таким образом, чтобы “новая политика Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао” показала свою направленность на защиту всех слоев населения, в том числе и уязвимых “слабых групп”.

Д.Борхард (Технический университет Берлина, Германия) показала новые формы государственного контроля за демографической ситуацией после принятия в 2001 г. Закона о народонаселении и планировании рождаемости. Докладчик проанализировала цели принятия нового Закона и его положения, представила изменения политики планирования населения в 1990-е годы, затронув также китайские дискуссии о будущем политики “одного ребенка”.

В докладах подсекции 5 “Западные районы” (председатель — Т.Райт) была показана социально-экономическая ситуация в западных районах после принятия “Программы развития западных районов КНР”. В докладе И.Флейше (Университет Тюбингена, Германия) был поставлен вопрос о невозможности модернизации западных районов без соответствующих институциональных изменений в обществе. В докладе И.Линя (Университет Бристоля, Великобритания) были показаны социально-культурные затруднения на Северо-Западе Китая. Интеграция проживающих в этом регионе этнических меньшинств в национальное государство ханьцев (то есть китайцев) наталкивается на проблему — получение национальными меньшинствами полномасштабного “социального гражданства” с обретением соответствующих возможностей в области занятости и образования сопровождается требованием получения “ханьского культурного гражданства” в качестве путевки для включения в мейнстрим общества. Докладчик высказал дискуссионное мнение о том, что существующая социальная система будет обрекать нацменьшинства КНР на второсортный статус до тех пор, пока не будут внесены существенные улучшения в социальные и культурные права общин меньшинства.

В подсекции 6 “Общественная информация, участие и наблюдение” (председатель — М.Бастид-Брюгьер, Национальный центр научных исследований, Франция) обсуждался механизм контроля над обществом в КНР в условиях рыночной экономики. В частности, В.Портяков (ИДВ РАН, Россия) показал действие этого механизма на примере информации в китайской прессе об эпидемии атипичной пневмонии весной 2003 г. Авторитетный российский исследователь проанализировал развитие ситуации и показал, каким образом китайским властям удалось избежать развития ситуации по худшему сценарию. Более того, из серьезного кризиса были извлечены полезные уроки для развития национальной системы здравоохранения.

К.Шафферер (Германия) сделал сравнительный анализ выборов в местные органы власти в КНР и на Тайване. А.Чань (Политехнический Университет Гонконга) посвятил свой доклад проблеме контроля китайских властей за общественным мнением в 1990-е годы. Ограниченная либерализация китайских СМИ привела к появлению в них критических публикаций, что рассматривается китайским государством не только как форма общественного контроля за ситуацией в стране, но и как инструмент властного контроля над общественным мнением.

Доклады подсекции 7 “Туризм и потребительство” (председатель — С.Саргесон, Университет Ноттингема, Великобритания) были посвящены развитию общества потребления в КНР в условиях рыночной экономики. В докладах П.Нири (Научный колледж Берлина, Германия) и Э.-Р.Уэлш (Скидмор-колледж, Великобритания) был проведен анализ туристического рынка в КНР, который стремительно развивается не только на традиционных маршрутах, но и в отдаленных районах Китая. Б.Хупер (Университет Шеффилда, Великобритания) сосредоточила внимание на истории развития общества потребления в Китае 1980-х годов. Докладчик выразила несогласие с распространенной в на-

учных кругах точкой зрения, начинающей отсчет “потребительской революции” в КНР с 1992 г. Тему становления потребительской идентичности рядовых китайцев Б.Хупер подкрепила историческим анализом процесса формирования коммерциализованного женского потребительского образа, представив аудитории богатую подборку диапозитивов с китайскими рекламными материалами 1980-х годов.

В подсекции 8 “Миграция, эмиграция и их последствия” (председатель — Т.Райт) анализировались проблемы китайской миграции внутри страны и эмиграции за рубежом. В докладе А.Островского (ИДВ РАН, Россия) по материалам 5-й Всекитайской переписи населения КНР (2000 г.) были проанализированы миграционные потоки населения КНР внутри страны. Был сделан вывод о том, что направление миграционных потоков связано с уровнем социально-экономического развития регионов. М.Бофулин (Университет Любляны, Словения) в своем докладе рассмотрела социально-экономическое положение китайских мигрантов в Словении.

Подсекция 9 “Сельский Китай” (председатель — А.Островский) была посвящена проблемам развития китайской деревни в условиях реформы. В докладе С.Саргесон (Университет Ноттингема, Великобритания) были показаны проблемы, связанные с изменением прав на земельную собственность в деревне в ходе реформ. И.Моншайн (Гейдельбергский университет, Германия), прожившая несколько лет в сельской местности в провинции Шаньдун, в своем исследовании показала проблемы, связанные с развитием ирригации в китайской деревне в ходе реформ.

Секция “Новые религиозные движения в Китае” отразила актуальные проблемы современной жизни КНР, получившие повышенную социально-политическую актуальность из-за развернувшегося в 1999 г. противостояния властей и секты “Фалуьнгун”.

Кристин Купфер (Рурский университет, Германия) выступил с докладом на тему “Анализ духовно-религиозных групп в КНР после 1978 года”. Указав на излишнюю политизацию проблемы и использование при ее анализе негативно окрашенных понятий наподобие “сецзяо” (еретическое учение), докладчик предложил использовать нейтральное понятие “духовная-религиозная группа” (ДРГ). Определяющими признаками ДРГ выступают наличие харизматического лидера-основателя; гибкая, но при этом достаточно сложная структура организации; учение об исцелении и спасении. По мнению докладчика, с 1978 г., то есть с начала периода реформ в КНР, можно выделить появление не менее 30 ДРГ. Подавляющее большинство ныне действующих китайских ДРГ — это секты христианского толка, за ними следуют буддистско-даосские секты и секты, построенные на учении цигун. Докладчик выделил ряд факторов формирования ДРГ: это социальные изменения, существующие культурно-религиозные формы, государственная политика, познавательные ориентации и предпочтения индивидов. Одновременно, по мнению докладчика, умозрительные классификации должны дополняться эмпирическим анализом китайских реалий. Лишь обращение к эмпирическому материалу дает исследователю возможность уяснить, к примеру, роль поддержки со стороны партийно-государственного аппарата в процессе формирования сект цигуновского толка до 1999 г., либо повышенную роль эмоционального фактора в активном привлечении неофитов в ДРГ христианского направления.

Исследователь из влиятельного католического Института Монумента Серика (Германия) проф. Роман Малек сосредоточился на феномене “маргинальной религиозности” в современном Китае на примере развития христианских общин. Ученый указал на упрощенность все еще распространенного деления китайских христиан на “патриотических”, т.е. лояльных власти КПК, и “подпольных”, т.е. не признающих созданные властями церковные структуры. На современном этапе в КНР более заметным становится разделение между церковным и внецерковным христианством. Маргинальный статус внецерков-

ного христианства не лишает его весомости в формировании духовно культурных процессов в современном Китае. "Этническое христианство" объединяет значительную часть из 10-12 млн деревенских китайских католиков, для которых религия стала частью народной традиции, передающейся из поколения в поколение. К данной форме религиозности примешиваются не только фундаменталистские, но и синкретические черты. Одновременно возникло "элитное христианство", последователи которого стоят вне церковной жизни и воспринимают христианство как мировоззрение и систему ценностей. Формируемая представителями этого течения "идео-теология" или "культурная теология" обогащает современную китайскую культуру и, по мнению, докладчика, способствует размыванию повсеместного господства материализма.

Дэвид Палмер (Китайский университет Гонконга) сопоставил современные китайские движения цигун с развитием нетрадиционной религиозности на Западе, прежде всего с движением "нью эйдж". По мнению исследователя, в ходе сравнения возможно выделить сходные черты и мотивы: это детрадиционализация контекста и отдаление от изначальной традиции, поиск экзотических источников духовности, отказ от национализма и включение в глобализацию путем выдвигания на общемировую роль того или иного религиозного движения, усвоение новой парадигмы сциентизма, внимание к телесным и телесно-духовным "паранормальным феноменам". Ученый заключил, что траектории движения от расцвета к упадку западных движений "нью эйдж" и новых китайских цигуновских сект оказались весьма близки — от расцвета в 1980-е годы к распаду в конце 1990-х, хотя в случае Китая закату помог устроенный властями разгром.

Йохим Гентц (Университет Геттингена, Германия) затронул тему сходства в концептуальном и визуальном оформлении пропаганды, используемой в ходе борьбы между китайскими властями и сектой "Фалуьнгун". Сопоставление графических материалов обеих сторон (они были представлены аудитории на диапозитивах) показало неожиданное сходство: в обоих случаях фигурировали изображения космических тел, вселенского сияния и т.д., указывающие на стремление выразить художественными средствами утопические идеи. Проникновение космических символов в официальную пропаганду уравнивалось использованием сектантами образов морали и власти из коммунистического дискурса (это ссылки на бескорыстного и самоотверженного "стального солдата" Лэй Фэна, иконографические уподобления изображений лидера секты традиционным портретам Мао Цзэдуна, и т.д.).

На секции 28 "Христианство и миссии при династии Цин" выделялся доклад известного американского исследователя Роберта Энтенманна (Колледж Св. Олафа, Нортфилд, США) о католической "мирской евангелизации" в провинции Сычуань в 18 в. Доклад был построен на основе изучения исторических документов и свидетельств, связанных с деятельностью Линуса Чжан Фэна (1669-1743), волею судеб оказавшегося главой католической общины после изгнания в 1707 г. из провинции иностранных миссионеров. Ученый подчеркнул, что прежние исследования деятельности христианских миссий в Китае были сосредоточены на деятельности иностранцев. Однако в период запрета христианства между 1724 и 1844 гг. китайские католические общины зависели прежде всего от деятельности своих собственных лидеров, катехизаторов и священников. Именно в этот период в Сычуани произошло превращение католицизма в народную религию, обретшую этнические корни и сумевшую привлечь в свои ряды мигрантов из других провинций, желавших восполнить утраченные чувства родства и общины.

Авторитетный исследователь переводческого наследия протестантских миссий в Китае XIX в. профессор Лорен Пфистер (Баптистский университет Гонконга) представил доклад о морализаторской "Книге доброты" (Шань шу), составленной китайским автором по имени Ло Чжунфань около 1850 г. Не будучи частью миссионерского наследия, эта книга, охарактеризованная доклад-

чиком как пример “жуистского (то есть конфуцианского) монотеизма”, отразила усилия китайских образованных слоев по обновлению конфуцианства за счет религиозного прочтения традиции конфуцианского канона “Да сюэ” (Великое учение). Докладчик заключил, что эта форма китайских духовных поисков XIX в. относится не столько к “народному конфуцианству”, сколько к более строгому метафизическому монотеизму Бога-Шанди, испытывавшему косвенное влияние протестантских миссий, действовавших на юге Китая.

А. Ломанов (ИДВ РАН, Россия) выступил с докладом “Китайская культура и труды российских миссионеров”. В докладе была предпринята попытка обобщить подходы российских миссионеров к китайской культуре в XIX — начале XX веков. Докладчик отметил, что разделение между “научностью” оценок российских миссионеров и “ненаучностью” взглядов их западных коллег стиралось всякий раз, когда Российская Миссия в силу полученных указаний или сложившейся благоприятной ситуации пыталась приступить к проповеди Евангелия среди китайцев. Чем более активными становились попытки проповеди, тем более критическими становились оценки китайской культуры, прежде всего религии и философии, которые воспринимались как препятствие для обращения Китая.

В ходе конференции состоялось заседание Генеральной Ассамблеи ЕАК, на которой с приветственным словом выступили вице-президент Гейдельбергского университета проф. И. Трегер, директор Института китаеведения Гейдельбергского университета проф. Р. Вагнер и представитель Фонда Цзян Цзинго проф. Сюй Чжоюнь. С большим научным докладом по проблемам формирования китайских глаголов движения на всем историческом отрезке выступил завершивший срок своих полномочий президент ЕАК А. Пейроб (Школа высших исследований в социальных науках, Франция). На конференции большое внимание было уделено работе с молодыми учеными, среди которых был устроен конкурс работ. Три лучшие работы были заслушаны в главном зале Гейдельбергского университета. С отчетом о работе выступил президент ЕАК проф. А. Пейроб. Состоялись выборы нового состава Правления ЕАК. В результате голосования новым президентом ЕАК была избрана проф. Б. Штайгер (Институт Азии, Гамбург, Германия). От России в состав Правления ЕАК вошли три человека — А. Островский, И. Попова и А. Хаматова.

Членство российских ученых в ЕАК, встречи с коллегами и знакомство с их идеями в ходе конференций ЕАК, а также участие российских представителей в работе правления ЕАК, продолжают являться связующими звеньями между отечественными китаеведами и мировой синологией. Особенно важным представляется знакомство в ходе этих конференций с основными направлениями работы и методологией исследований зарубежных сиологов. В качестве главных методов, применяемых зарубежными коллегами, следует отметить тщательную работу с первоисточниками и опору на исследования, проводимые непосредственно в Китае. Большой интерес представляет многообразная и оригинальная тематика работ европейских китаеведов. Следующую конференцию ЕАК планируется провести в 2006 г. в Любляне (Словения). Семнадцатая конференция ЕАК состоится в 2008 г. в Лунде, Швеция.

IX конференция корееведов: новые горизонты

29-30 марта 2005 г. в ИДВ РАН состоялась очередная, IX ежегодная конференция корееведов России и стран СНГ, прошедшая в этот раз под названием "Корея: новые горизонты".

С приветственным словом к участникам обратились директор ИДВ РАН академик М. Л. Титаренко, Посол Республики Корея в Российской Федерации Ким Джэ Соб и заместитель директора 1-го Департамента Азии МИД РФ А. А. Тимонин. В конференции приняли участие более 70 человек, — руководители всех крупнейших корееведческих центров России, ученые, аспиранты, студенты, представители государственных структур, средств массовой информации.

"Новые горизонты" действительно оказались своего рода девизом конференции: подавляющее большинство докладов было посвящено узловым проблемам корейских исследований, касающимся не столько прошлого, сколько настоящего и будущего. Свидетельством актуальности поднимавшихся вопросов можно назвать хроническую нехватку времени для дискуссий, которые разворачивались практически после каждого выступления.

"Новые горизонты" — это и новые области исследований. Если традиционный формат конференции уделял основное внимание современным политическим или социально-экономическим проблемам Корейского полуострова, а вопросам истории и культуры отводилась скорее вспомогательная роль, то на этот раз они обсуждались в рамках самостоятельной секции, на которой было сделано около трети всех докладов. При этом, хотя историческая палитра охватывала период от первых российско-корейских контактов в середине XVII в. до формирования государственности РК в 1940-е годы, практически все доклады, представленные на секции, были наполнены современным звучанием.

"Новые горизонты" — это и новые авторы. Речь идет как о растущей по сравнению с предыдущими годами доли молодых исследователей (аспиранты, магистранты), так и о присутствии среди докладчиков ряда независимых экспертов, чьи выступления содержали острый и неординарный анализ актуальных проблем Корейского полуострова. Следует отметить и общий рост числа докладов. Если в 2003 г. было представлено 20 докладов, в 2004 — 26, то в 2005 г. их было 34, из которых 13 сделаны представителями научной молодежи. Увеличение количества докладов наложило отпечаток и на формат конференции, которая впервые была проведена в секционном режиме.

"Новые горизонты" — это и новые регионы. Если конференция 2004 г. стала мероприятием действительно всероссийского масштаба, то в 2005г. мы вышли на международный уровень: помимо традиционных участников из Санкт-Петербурга, Владивостока и Улан-Удэ к московским специалистам присоединились представители Казахстана и Узбекистана. Тем самым положено начало восстановлению единого научного пространства, ранее объединявшего корееведов различных республик СССР, с распадом которого многие научные связи были утрачены. Существует надежда, что конференция в ИДВ постепенно станет головным научным форумом, объединяющим корееведов России и стран СНГ.

Важную роль для успешного проведения конференции сыграла поддержка Корейского Фонда (РК), благодаря которой на московский форум смогли приехать представители стран СНГ и российского Дальнего Востока. На конференции присутствовала директор Департамента поддержки корейских исследований фонда г-жа Су А Чжон.

Конференция в определенном смысле стала и местом обмена научной информацией: для востоковедов из Москвы, Санкт-Петербурга и Владивостока стало доброй традицией представлять на конференции вышедшие у них монографии и научные сборники, касающиеся корейских исследований. В условиях, когда большинство таких трудов издается крайне ограниченным тиражом, такое сотрудничество играет очень важную роль, ибо редкие книги попадают в нужные руки. Не следует забывать в связи с этим и о другой традиции: доклады участников конференции будут опубликованы в течение 2005 г. отдельным сборником.

Конференция открылась докладом Ю. В. Ванина, посвященным исполняющемуся 15 августа 2005 г. 60-летию освобождения Кореи от японского колониального ига. Это крупное событие не только корейской, но и мировой истории стало для российских корееведов стимулом к активизации исследовательской работы, в первую очередь — установлению объективной истины в области вклада СССР в освобождение Кореи и его корейской политики послевоенного периода. Докладчик дал обоснованный отпор предпринимаемым в последнее время попыткам замолчать или извратить реальные факты, относящиеся к этому историческому периоду.

Ядерная проблема на Корейском полуострове по-прежнему оставалась одной из центральных тем, однако в виду того, что "кризис" перешел в хроническую фазу, докладчики анализировали уже не столько его причины, сколько проблемы концептуализации конфликта или того, как надо рассматривать северокорейскую стратегию в свете последних изменений в военной доктрине США, позволяющей противопоставить американский промышленный потенциал (производство боевых роботов) не только индустриальным, но и людским ресурсам противника (доклад Б.В. Юлина). В этом же контексте был сделан доклад А. Н. Ролина, содержащий сравнительный анализ вооруженных сил Севера и Юга Кореи и развеявший ряд устарелых представлений о соотношении сил на Корейском полуострове. Различные аспекты китайского фактора в корейских делах были затронуты в выступлениях О.А.Тимофеева (Благовещенск) и Ю.Е.Пискуловой.

Актуальным проблемам Северной и Южной Кореи было посвящено примерно равное количество докладов, анализирующих текущую ситуацию без скидок на штампы, укоренившиеся в массовом сознании. В этом ключе был выдержан и доклад Е. Е. Кима, посвященный анализу состава нового парламента РК и связанным с этим проблемам в движении страны по пути реформ, и И.А.Толстокулакова (Владивосток) о роли внешнего фактора в политической модернизации РК, выступления А. З. Жебина и К. В. Асмолова, посвященные, соответственно, массовым движениям в КНДР на рубеже веков и структурным изменениям внутри северокорейской командно-административной системы.

На секции "Экономика" обсуждалась целая группа актуальных тем: проблемы и перспективы экономического сотрудничества между Россией и странами Корейского полуострова (доклады С. С. Суслиной, Р. В. Савельева и П. С. Лешакова), анализ реформ в северокорейской экономике (М. Е. Тригубенко), энергетическая политика Южной Кореи и проблемы газоснабжения Корейского полуострова и Дальнего Востока (М. М. Стеклов и Д. Н. Верхотуров). Особо стоит отметить блок докладов, посвященных социальной политике РК и вопросам рынка труда. Это, в первую очередь, доклады аспирантки ЦКИ В.Г.

Пак, проанализировавшей политику государства по отношению к незащищенным слоям населения, и доклады Е. Е. и К. Е. Кима, посвященные законодательству РК о труде работников-эмигрантов и его адаптации к международным трудовым нормам.

Доклады на секции “История и культура” охватывали целый спектр проблем: от чисто исторических (здесь следует выделить доклады А. Ф. Троцевич и А. А. Гурьевой по источниковедению Кореи и выступление А.М. Пастухова, проанализировавшего миф о “корейском участии в отражении русской угрозы Приморью” в середине XVII в.) — до социально-культурологических (в этой группе наиболее заметным был доклад С. О. Курбанова о механизме социальных изменений в корейских новых религиях). Среди сообщений, посвященных вопросам литературоведения и языкознания, большой интерес вызвал доклад В. Н. Дмитриевой о политическом факторе в истории корейского языка.

Более подробно с перечнем докладчиков и кратким содержанием их выступлений можно ознакомиться на интернет-сайте ИДВ РАН по адресу www.ifes-ras.ru

“Новые горизонты” — это одновременно задел на будущее. IX конференция корееведов России и стран СНГ действительно оказалась прорывным мероприятием с точки зрения изменения ее формата и расширения состава участников. Таким образом, появилась надежда, что предстоящая в 2006 г. — юбилейном году сорокалетия создания ИДВ РАН, — очередная X конференция закрепит все то свежее и новое, что родилось сегодня, и ознаменует новый этап в развитии российского корееведения.

Центр корейских исследований ИДВ РАН

Рецензии

Россия за 10 лет: Политика, экономика, международные отношения / Под общей ред. Пань Дэли. Пекин: Всемирные знания, 2003. Ч. 1. С.1 - 395; Ч. 2. С. 396-985.

Двухтомник под общей редакцией Пань Дэли, подготовленный коллективом сотрудников Института Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных Наук КНР, представляет собой комплексное исследование процессов реформирования России. Книга является частью своеобразного компаративистского проекта, выполняемого АОН КНР и имеющего целью изучить современное состояние и перспективы общественной трансформации КНР путем сравнения китайского и зарубежного опыта.

Замысел книги, которая вышла в серии "главные проекты АОН КНР", заключается в анализе и оценке, на примере России, отличного от китайского, варианта всемирного процесса трансформации. Оба варианта в конце XX века были представлены, по мнению авторов рецензируемой книги, опытом КНР и последовавшего за ним Вьетнама, с одной стороны, и опытом СССР, а после его распада — опытом России, стран СНГ и государств Восточной Европы — с другой. Авторский коллектив исходил из того, что Китай и Россия в силу величины их территории, населения, природных ресурсов, международного влияния представляют собой наиболее сопоставимые с точки зрения общественной трансформации экспериментальные площадки, и опыт трансформации при этом может быть весьма поучительным.

Вся работа выполнена в компаративистской ключе, структура и методология исследования соответствуют принятой в научном сообществе КНР традиции, что должно способствовать соотнесению изучаемых российских реалий с соответствующими примерами, моделями, институтами и практиками трансформации КНР. Уже в предисловии, написанном доктором Пань Дэли, оговаривается, что соотнесение опыта и практик Китая и России проводится с учетом сходств и различий в

процессах общественных трансформаций двух стран.

Сходным авторами исследования считают, прежде всего, отказ от системы плановой экономики и переход к рыночной экономической системе. Различия, по мнению авторов, носят более разносторонний характер. КНР трансформируется, сохраняя основы социалистического политического и экономического строя, осуществляя под руководством компартии Китая курс развития страны путем постепенных преобразований, центром которых являются преобразования в области экономики. В результате реформ страна получила расцвет экономики, многократное увеличение совокупной национальной мощи и заметное повышение уровня жизни населения. Что касается России, то ее политическое руководство отказалось от социализма, ввело систему разделения властей, избрало стратегию развития, основанную на проведении политических реформ как условия и стимуляторы реформ в экономической сфере. Итогом оказалось падение социально-экономических показателей, снижение совокупной национальной мощи, падение уровня жизни населения.

Авторы задаются, в этой связи, несколькими вопросами, поиску ответа на которые посвящено все исследование. Во-первых, в чем глубинные причины столь очевидной разницы в результатах применения альтернативных моделей реформ? Во-вторых, в чем существенное значение различных путей развития двух стран и чему эти различия учат? Для ответа на поставленные вопросы они считают необходимым сначала изучить сопоставляемые объекты. Концептуальное изучение Китая, по мнению авторского коллектива, уже состоялось, а в имеющихся работах китайских специалистов по трансформации России системность отсутствует. Одним из следствий разбалансированности компаративных исследований Китая и

России является мнение, согласно которому Россия не может похвастаться успехом реформ сейчас, но, возможно, ее успехи впереди, в то время как Китай без заимствования западных институтов демократии может в будущем замедлить свое поступательное движение. Существование подобных суждений, считают авторы книги, делает исследование российского опыта реформ ценным для теории и практики реформирования Китая. Данное исследование авторы называют первым опытом всеобъемлющего и системного анализа российского пути общественной трансформации. (Данное утверждение справедливо, на взгляд рецензента, лишь отчасти. К моменту выхода в свет исследования под общей редакцией доктора Пань Дэли проблематика системной трансформации России рассмотрена в двух книгах доктора Гуань Хайтина из Пекинского университета. См.: Гуань Хайтин. Даго чжуаньсин фачжань чжи лу [Путь развития трансформации больших государств]. Бэйцин: Чжунго яньши чубаньшэ, 1999; Гуань Хайтин. Чжунэ тичжи чжуаньсин моши дэ бицзяо [Сравнение системных трансформаций Китая и России]. Бэйцин: Бэйцин дасюэ чубаньшэ, 2003).

Исследование охватывает период с конца 1991 по середину 2002 г. В эти годы, по мнению авторов, в России “эпоху Ельцина” (1992-1999 гг.) сменила “эпоха Путина” (с 2000 г. и по настоящее время). Книга состоит из трех частей, занимающих два тома: первая часть, являющаяся предметом данной рецензии, составляет весь первый том и посвящена исследованию общественно-политических процессов внутри России. Во втором томе рассматриваются вопросы экономики (часть вторая) и международных отношений России (часть третья).

Часть I состоит из тринадцати глав, в написании которых участвовало шесть авторов. В 1-й главе рассмотрены начала, на которых зиждутся реформы, исследуется судьба политического наследия и современные политические институты, рассматриваются обстоятельства выбора модели развития. Из наиболее интересных выводов заслуживает внимание такой: когда демократическая ориентация развития России была продекларирована, но институты демократии еще не стали эффективными инструментами управления, выбор пути развития оказался в зависимости не от понимания интересов общества различными политическими группировками, а от личности Б. Ельцина, кото-

рый принял решение направить Россию по западному пути развития, во всем заимствуя западную модель демократии (с. 13).

2-я глава первой части посвящена становлению и развитию конституционного строя РФ, который оформлял и утверждал вестернизацию политического развития. Отдельными параграфами рассмотрены система “сдержек и противовесов”, институт разделения властей, обращено внимание на некоторые особенности политической демократии периода ее становления, такие как активное использование Б. Ельциным и его сторонниками силы новых законов. Обращено внимание на такую черту “демократической политики” первой половины 90-х гг., как эффективность правящей группировки в защите своих интересов и неэффективность в отстаивании общегосударственных задач.

В 3-й главе, где исследуется становление и развитие российской судебной системы, отмечается фактическое неравенство ветвей власти, доминирование президентской составляющей исполнительной ветви власти, а также сдерживающее влияние законодательной и исполнительной ветвей власти на власть судебную. Автор главы Ли Яцзюнь указывает на низкий уровень экономического развития, как на важную причину, обуславливающую сложившееся положение. Кроме этого, однако, стоило бы обратить внимание на тенденцию сохранения зависимого положения судов и судей от других ветвей власти по другим причинам, в частности, от капитала и криминального мира. Указанные обстоятельства достаточно широко освещены в российской научной литературе, публикациях СМИ, многое из них сохраняются и после ухода Б. Ельцина из активной политики.

Еще один серьезный аспект, характеризующий судебную систему реформируемой России, который заслуживал бы внимания, — коррупция, делающая значение судебной ветви власти далеко отстоящим от самой сути идеи разделения властей. В целом вполне обоснован вывод по главе — реформа судебной системы только началась, и делать выводы об ее исходе пока преждевременно (с. 85).

Рассмотрение в 4-й главе нормативной и нормоприменительной стороны выборов Президента РФ, депутатов Государственной Думы и выборов в местные органы власти заканчивается выводом о том, что динамика выборного законодательства во многом обусловлена не логикой совершенствования избирательного

законодательства, а волей власти и обстоятельствами политической борьбы. Данная глава, безусловно, выиграла бы от рассмотрения проблематики выборов в органы местного самоуправления, которые пока не обрели себя как полноценный институт гражданского общества.

Об особенностях формирования партийной системы России говорится в 5-й главе. Подробно прослеживая обстоятельства и хронологию формирования партийной системы, автор выделяет 4 этапа политической борьбы. Первый этап, продолжавшийся с конца 80-х гг. до августа 1991 г., был "борьбой не на жизнь, а на смерть" между КПСС, с одной стороны, и политических группировок, выделившихся из КПСС, с другой (с. 149). Для второго этапа политической борьбы, заканчивающегося декабрем 1993 г., автор считает важным "раскол в верхах" после прихода во власть "группировки демократов". Раскол стимулировал развитие партийной системы по линии отношения к демократии и демократам. Третий, самый продолжительный этап политической борьбы (декабрь 1993 г. — декабрь 1999 г.) отличается, по мнению Пань Дэли, упорядочением процесса развития партийной системы, чему способствовало утверждение во власти Б. Ельцина и постановка жизни политических партий на конституционную основу. Модель политической партии была заимствована у Запада, партийная система развивалась на основе закрепленного в Конституции РФ отказа от государственной идеологии, а главным законным способом влияния политических партий на политику властей стала борьба за место в Государственной Думе. Значение такой формы партийной работы, как вывод политическими партиями людей на улицы, понизилось.

На данном этапе, считает автор, сложилась тенденция к централизации политических партий, усилению их внимания выборным технологиям и работе над партийными программами. Проблема соотношения идеологии и политической технологии в развитии партийной системы России является одной из центральных. Уже в ходе выборов в Государственную Думу 1999 г. стала очевидной второстепенность влияния идеологического фактора на результаты выборов. Для данного этапа политического развития полезно было бы исследовать разработку политическими партиями моделей адаптации классических идеологий к условиям российской общественной трансформации. Эти обстоя-

тельства, однако, автор оставил без внимания, и это затрудняет понимание причин последующего неуспеха СПС и "Яблока" на выборах в Государственную Думу 2003 г.

Автор отмечает четыре особенности динамики партийной системы: сохранение за фракцией КПрФ места самой большой фракции в парламенте, усиление политических позиций правых и правоцентристских партий, феномен ЛДПР, тенденцию перераспределения сил с флангов к центру. Глава завершается параграфом о современном состоянии развивающейся партийной системы РФ. В параграфе дан главным образом анализ нормативной стороны этого процесса, в то время, как исследование политической динамики остается за рамками исследования. Это не позволяет объяснить, например, феномен успеха партии "Единство" на выборах в Государственную Думу 1999 г. Другой важный сюжет, которому стоило бы уделить внимание, связан с феноменом успеха партий демократической ориентации в условиях, когда экономическая политика и президента Б. Ельцина, и президента В. Путина сохраняет рыночно-либеральную ориентацию.

Еще одной линией сюжета, характеризующего динамику партийной системы России, является положение дел на левом фланге, прежде всего, положение дел в КПрФ. Этому вопросу детальное внимание уделено в 6-й главе, где доктор Ли Яцзюнь рассматривает историю КПрФ, анализирует ее современное состояние и объясняет причины, обусловившие неуклонное сокращение влияния КПрФ на принятие и реализацию важных политических решений. К числу главных причин ею отнесены недостаточный учет руководством КПрФ уроков поражения КПСС и советского общества, консерватизм и неконструктивность в идеологии и политике, не позволившие выдвинуть привлекательный для большинства населения России курс развития, снижение удельного веса бедных, представителем интересов которых выступает КПрФ, участие КПрФ во власти, способствовавшее превращению разногласий в руководстве партии в раскол. Серьезную роль в потере КПрФ своего влияния, говорится в главе, играют перемены, происшедшие в самой политической системе РФ — власть, благодаря возможностям, предоставляемым демократическим устройством государства, во всей полноте использовала в борьбе против КПрФ администра-

тивный ресурс и возможности СМИ, в то время как единственным большим ресурсом КПРФ оставалась поддержка со стороны бедной части населения.

Автор называет также еще одну стратегическую причину ослабления КПРФ — отсутствие поддержки со стороны наиболее образованной части россиян, этот аргумент вызывает большие сомнения. Автор пишет, что бедные слои общества продолжают оставаться опорой КПРФ, в то время как образованные слои от коммунистов отвернулись. Но в современной России образованная часть населения в имущественном отношении относится, по большей части, именно к категории бедных, так как образованность и по сей день не конвертируется для большинства россиян в преуспевание.

При анализе проблемы снижения политического влияния КПРФ полезным было бы отметить роль политических технологий и политических лидеров в успехе и неуспехе политических партий. Политические технологии, в частности, технологии фальсификации результатов выборов, использования “черного пиара” показали себя эффективнейшим инструментом политической борьбы.

Среди проблем трансформации национальных отношений в России, о которых речь идет в 7-й главе, доктор Ли Яцзюнь рассматривает вопрос о взаимоотношении русских с представителями других национальностей, населяющих РФ. Будущее национальных отношений, полагает автор, целиком зависит от курса, каким будет развиваться общество, в свою очередь, их состояние может тормозить или стимулировать развитие страны.

Автор однозначно в позитивном ключе рассматривает решение проблем федерализма, считая, что с приходом к власти президента В. Путина российская государственность стала укрепляться.

Чеченский вопрос в книге анализируется отдельной главой. Доктор Ли Яцзюнь подробно излагает историю вопроса, причины, ход и последствия двух “чеченских войн”, анализирует чеченскую проблему России под углом зрения его связи с активизацией международного терроризма. Автор оценивает как конструктивное поведение федерального центра в контактах с лидерами противостоящих ему на территории Чечни сил, но, указывая на три группы факторов, которые, по ее мнению, обуславливают решение проблемы — экономические, этнические и международные — выражает пессимизм отно-

сительно возможности скорейшего исчерпания конфликта.

В главе 9, озаглавленной “Политическая элита и олигархическая политика”, доктор Пань Дэли с пользой использовал материалы исследований О. Крыштановской, излагая вопрос о процессе, источниках и исторических особенностях формирования российской политической элиты, он отметил определяющее значение старых институтов рекрутирования политической элиты советского периода, указал на обусловленность появления новой политической элиты изменениями в устройстве государства, деидеологизацией и изменениями в общественном сознании. Доктор Пань Дэли обратил внимание на различия в формировании элиты центра и регионов, оговорил особенности института многопартийности как канала рекрутирования политической элиты.

Говоря о природе коррупционности политической элиты, автор указал на традиции советского и досоветского периода, а также неупорядоченность трансформационных процессов. В главе проанализированы предпосылки установления господства олигархической финансовой элиты в политике. Автор показал, как за счет перераспределения потенциалов внутри ветвей государственной власти выстраивалась иерархия политических элит, в которой более высокое положение заняли представители исполнительной, а не законодательной ветви власти.

В 10-й главе доктор Пань Дэли представил свою интерпретацию динамики социальной демократии и политических свобод в России. В период президентства Б. Ельцина, полагает Пань Дэли, демократия стала фактом общественной жизни России, а предоставленные Конституцией РФ политические свободы не имели аналогов в истории страны. Однако демократия и политические свободы не помешали утвердиться практике “всенародного избрания царя”, не устранили дистанцию между властью и людьми. СМИ, которые были призваны активно участвовать в реализации политических и гражданских свобод, перешли под контроль новых групп интересов, стали функционировать на средства банковского и промышленного капитала. Негосударственные электронные СМИ стали проводить линию, в критическом свете представлявшую государственную власть, а государственные каналы проявлять явную односторонность. Ссылаясь на публицистическую книгу Дж. Къеза “Процай,

Россия!”, автор приводит данные, согласно которым три государственных российских телеканала за две недели, прошедшие между первым и вторым турами выборов Президента РФ 1996 года, 247 раз, и только в позитивном плане, упомянули Б. Ельцина, и 241 раз, и только критически, упомянули другого кандидата в президенты РФ, Г. Зюганова (с. 314).

В заключительной части главы рассмотрен вопрос о содержании и реализации объявленного президентом В. Путиным курса на создание “демократического, правового, эффективного федеративного государства”. Указанный курс, считает доктор Пань Дэли, основывается на четырех “измах”: либерализме, патриотизме (его Пань Дэли считает синонимом национализма), авторитаризме и прагматизме. Интересна интерпретация функции каждого из “измов”: либерализм — лозунг, цель, “но вряд ли курс реформ, которого на самом деле придерживается Путин”; “национализм или патриотизм — знамя для мобилизации народа”; “авторитаризм — способ господства и управления государством”; “прагматизм — тактическая мера реализации стратегических целей” (с. 318).

Изложив цели и задачи государственной политики в том виде, как они были сформулированы в Послании президента В. Путина Федеральному собранию РФ 8 июля 2000 года, Пань Дэли позитивно высказался об их характере и содержании. Что касается реализации политического курса, то Пань Дэли представляет этот процесс также только в позитивном свете: меры усиления государства, полагает он, не вызывали беспокойства по поводу “диктатуры, централизации и подавления демократии” (с. 319); СМИ давали объективную и оперативную информацию о событиях внутри России и за ее пределами, “всесторонне, подробно и точно” освещали чрезвычайные происшествия и бедствия, такие как гибель атомной подводной лодки “Курск”, пожар на Останкинской телебашне, взрыв в подземном переходе в Москве. Подобная оценка сложного политического процесса, начавшего отсчет с передачи Б. Ельциным президентских полномочий В. Путину, упрощает реальную картину политической действительности. Тревога за будущее демократии, усиливавшаяся в российском обществе после “странной победы” Б. Ельцина на выборах президента в 1996 г., продолжала усиливаться и в последующем. Эту тревогу, как отмечено в россий-

ских научных исследованиях и публикациях СМИ, подкрепили ход и итоги выборов в Государственную Думу РФ 1999 г. Контроль государства над СМИ отнюдь не способствовал реализации демократического принципа состязательности политических сил, а заранее обеспечивал преимущество “партии власти”. Кстати, именно об этом отступлении демократии пишет в главе 13-й рецензируемой книги другой член авторского коллектива.

Конфликт государства со СМИ, принадлежащих В. Гусинскому, вызванный, как пишет Пань Дэли, критикой политики властей, оценивается в книге позитивно, как пример борьбы с олигархами, как способ “убить одного в назидание многим”. Суждение о конфликте государства с олигархом В. Гусинским, как представляется, диссонирует с выводом, заключающим главу: “процесс развития демократии не прекратился”. Данный эпизод внутривнутриполитической жизни России с большим основанием, пожалуй, ассоциируется с ранее заявленной доктором Пань Дэли идеей об одном из российских “измов”, а именно: “авторитаризм — способ господства и управления государством”. Аналогично этому, многие другие приведенные в главе факты заставляют задуматься о более сложном характере внутривнутриполитического процесса в России в рассматриваемый период времени, чем это показано в выводах и оценках главы 10.

В главе 11 авторы Пань Дэли, Ли Цзинъян и Чжан Шухуа изложили свое видение изменений, произошедших в российском обществе и общественном сознании россиян. Используя научные и публицистические работы Т. Заславской, Г. Осипова, Л. Абалкина, Г. Дилигенского, Г. Явлинского, А. Собчака, М. Кодина и ряда других российских авторов, китайские исследователи показали наиболее значимые, с их точки зрения, аспекты социальной трансформации: господство богатого меньшинства, торможение процесса формирования “среднего класса”, превращение в бедных значительной части “интеллектуальной элиты” — бывшей советской интеллигенции. Росдестабилизирующего потенциала в обществе и сокращение населения авторы называют угрозой национальной безопасности России.

Параграф, посвященный изменению социальной структуры России, безусловно, выиграл бы от внимания авторов к влиянию на социальную структуру феномена теневой экономики, в частности, таких ее сфер, как коррупция и криминальный бизнес.

Исследуя трансформацию общественного и политического сознания россиян, авторы отметили происшедшие в нем принципиальные и масштабные изменения. После распада СССР феномен унифицированного общественного сознания социалистического типа перестал существовать, а у классов и слоев российского общества, оказавшихся в неординарном экономическом, политическом и культурном положении, начали проявляться различия друг от друга политические предпочтения (с. 334). 11-ю главу заключают размышления авторов о том, что российское общество оказалось в результате проводимых реформ расколотым и криминализированным, без объединяющей всех цели и ясности относительно направления развития страны. Это положение обусловило актуальность политики усиления государства, обусловило выбор россиянами бывшего сотрудника спецслужб В. Путина президентом страны.

В 12-й главе исследования доктор Суй Чжисинь излагает свое видение роли Б. Ельцина в истории российских реформ, оценивает изменение его политического сознания и политического поведения, предлагает объяснение противоречивой личности Б. Ельцина. На основе изучения широкого круга источников и исследовательской литературы автор интерпретирует политическое поведение Б. Ельцина с учетом особенностей его психики, черт характера. Суй Чжисинь полагает, что поведение Б. Ельцина как первого руководителя государства во многом объясняется не расчетом, но волей, считает, что в его действиях иррациональное начало играло решающую роль, что Б. Ельцин в силу особенностей его интеллекта был успешным при решении задач разрушительного характера, и малоуспешным в созидании. Его индивидуализм, отсутствие личностной гармонии оборачивалось противоречивостью и несбалансированностью принимаемых им политических решений.

Автор главы убежден, что политические установки Б. Ельцина вступили в противоречие с практикой общественного развития. Прежде всего, это касается противоречия между антикоммунизмом и исторической преемственностью. Отвергнув последние 70 лет отечественной истории, связанные с теорией и практикой социалистического развития, он отказался от естественного пути развития страны и прибегнул к силовому развороту истории. Во-вторых, политика Б. Ельцина зиждется на противоречии между новым консти-

туционным устройством, заимствованным у Запада, и экономическим базисом, не соответствующим такому устройству. Третье противоречие — между экономическими реформами и закономерностями экономического развития. С помощью политики “шоковой терапии” Б. Ельцин и его сторонники вознамерились одним махом разрушить существовавшую до них экономическую и социальную системы, что привело к нарушению закономерностей развития производительных сил. В конечном счете, Россия пережила серьезные потрясения и падение экономики.

Четвертым противоречием политики бывшего президента Б. Ельцина доктор Суй Чжисинь считает противоречие между взращиванием класса частных собственников и социальной справедливостью. Сравнивая замысел Б. Ельцина создать в ходе реформы класс частных собственников как основы рыночной экономики, с замыслом китайского руководства “позволить разбогатеть сначала небольшому количеству людей”, Суй Чжисинь пишет о принципиальном различии в условиях для реализации этого замысла. В Китае часть общества богатеет в условиях экономического роста, когда доходы менее состоятельных слоев общества благодаря этому также повышаются. А в России класс частных собственников формируется в условиях падения экономики, значит — на фоне обеднения других слоев населения, и даже за счет их обеднения.

Пятым противоречием доктор Суй Чжисинь называет противоречие между системой единоличного правления и демократической политикой, шестым — противоречие между прозападным политическим курсом президента Б. Ельцина и национальными интересами России. Укрепившись за счет такого курса внутри страны, Б. Ельцин нанес большой ущерб национальным интересам России на международной арене. Результатом противоречивости идей и политической практики Б. Ельцина стало положение, когда его личные политические цели оказались поставленными выше целей развития общества.

Заключительная глава книги, написанная также доктором Суй Чжисинем, посвящена рассмотрению политических взглядов и политической деятельности президента В. Путина.

Анализируя первое послание президента РФ Федеральному Собранию, автор отмечает, что В. Путин поставил в этом Послании во главу угла своей политики возрождение России. Суй Чжисинь счи-

тает, что В. Путин, в противоположность Б. Ельцину, является сторонником постепенности преобразований, стремится к сохранению общественной стабильности и к недопущению падения уровня жизни людей. Автору главы представляется, что президент В. Путин является сторонником поиска Россией своего собственного пути развития, не копирующего западную модель, что российский президент стремится путем обретения консолидирующей общества идеи достигнуть общественного единства, не прибегая к институту государственной идеологии.

Оценивая политическую практику реализации целей и намерений президента В. Путина автор отметил, что социально-политическая и экономическая действительность России не предоставила президенту В. Путину благоприятных условий для реализации провозглашенных им в Послании целей: у президента РФ нет достаточно времени, чтобы дождаться, когда естественным образом идейному единству перестанет препятствовать различие социальных интересов (с. 386). Поэтому президент РФ прибегнул к методам законного давления, учредив своим Указом семь федеральных округов, начав в июне 2000 года борьбу против вмешательства олигархов в политику, объединив центристские силы и создав их большинство в парламенте. В результате сложилась «система дееспособной государственной власти», стержнем которой стала исполнительная власть с президентом РФ в качестве ее ядра.

Однако, замечает Сью Чжисинь, данная система власти противоречива по природе. Меры политического давления противоречат осуществлению принципа демократического правового государства, усиление исполнительной власти увеличивает остроту проблемы с коррупцией. Помимо этого, экономика России, несмотря на положительные изменения последних лет, далека от того, чтобы считаться эффективной.

Размышляя о трансформации взглядов президента В. Путина за три года его правления, Сью Чжисинь пишет, что президент перестал акцентировать внимание на идее достижения общественного единства, достигнутого на основе единства идейного. Вместо этого на передний план

им поставлено наведение в стране политического порядка. Второе, что заслуживает внимания, это ослабление режима демократии и разрастание исполнительной ветви власти во главе с президентом.

С учетом указанных изменений политическую позицию В. Путина автор представляет следующим образом: 1) по-прежнему исходное положение занимает идея мощного государства на основе возрождения экономики; 2) путь развития, которым надо следовать, это путь «рынка и демократии»; 3) осуществление политики основывается на принципах постепенности преобразований, стабильности и недопущения спада уровня жизни народа; 4) ослабление сил, бросающих вызов власти, не с помощью достижения идейного единства, а путем их политического подавления; 5) акцентирование роли исполнительной ветви власти во главе с президентом, создание дееспособного государства; 6) проведение внешней политики, которая обслуживает интересы политики внутренней. Четвертое и пятое положения, отмечает Сью Чжисинь, отличаются от тех, что высказывались В. Путиным в начале его президентства.

История реформирования России последних лет, резюмирует Сью Чжисинь, показывает, что главный вопрос современного российского общества сейчас находится не в политической, а в экономической сфере. Президенту России предстоит сосредоточить усилия на решении задачи создания эффективной экономики.

Предпринятое коллективом сотрудников Института Восточной Европы и Центральной Азии исследование политического развития России периода реформ является заметным шагом в исследовании российского пути модернизации, его современного состояния и перспектив развития. Работа представляет безусловный интерес не только для китайцев, но и для политиков, политологов, социологов и экономистов. Отдельные ее части могут рассматриваться как экспертные заключения, ценные для российских инстанций, разрабатывающих и принимающих стратегические решения. Книга представляет большой интерес для сравнительных исследований российского и китайского путей общественной трансформации.

Кокарев К.А. Политический механизм особых автономий Китая. М., "Слово", 2004 г., с.136

Выход в свет монографии, посвященной проблемам становления и особенностям развития политического механизма особых административных районов КНР Сянган и Аомэнь (СОАР и АОАР), представляет, на наш взгляд, несомненный интерес. Успешное осуществление экономических реформ, их политико-юридическое обеспечение в Китае пользуется сегодня особым вниманием в кругах специалистов, политических и общественных деятелей, чьи интересы сопрягаются с практикой политических режимов в обществах с переходной экономикой. Опыт же Китая в возвращении в 90-е годы прошлого века под собственную юрисдикцию бывших колониальных территорий — Сянгана и Аомэня, — длительное время находившихся во владении Великобритании и Португалии, является уникальным, поскольку восстановление суверенитета КНР над бывшими колониями было произведено в соответствии с концепцией "одна страна — две системы", предполагающей длительное сосуществование и развитие в пределах одной страны различных политических систем.

Указанная принципиальная позиция Китая законодательно закреплена в Конституции КНР (статья 31), согласно которой "государство в случае необходимости создает особые административные районы", где политический режим "с учетом конкретной обстановки устанавливается законами, принимаемыми Всекитайским собранием народных представителей". На практике главным нормативным документом такого рода является утверждаемый ВСНП "Основной закон", который выполняет функцию конституции особого административного района. Основными законами особых административных районов Сянган и Аомэнь гарантировано, что после присоединения к Китаю в течение 50 лет на территориях бывших колоний не будет изменяться существующий строй и устоявшийся образ жизни населения.

В монографии анализируются последовательные мероприятия китайского руководства по формированию правовой базы восстановления суверенитета над Сянганом и Аомэнем и созданию условий

функционирования особых административных районов после присоединения к Китаю при наличии у них предусмотренной законом "автономии высокой степени". Рассматриваемый интеграционный процесс сопровождался активными переговорами между правительствами Китая, Великобритании и Португалии, принятием заявлений и других важных документов, которые регламентировали поэтапное движение к намеченной цели. Так, в двусторонних заявлениях правительства КНР и правительств бывших метрополий (в 1984 году с Великобританией — по поводу Гонконга и в 1987 году с Португалией — в отношении Макао) были указаны конкретные сроки возвращения Китаю колониальных территорий, на которых, согласно Конституции КНР, предусматривалось образование особых административных районов.

В этой связи в монографии с привлечением интересных фактов освещаются исторические аспекты переговорного процесса, в частности по вопросам передачи Сянгана (Гонконга) Китаю. Аналогичная практика в отношении Аомэня (Макао) во многом была повторением уже пройденного в Сянгане. Изложение материала в книге четко структурировано, что позволяет концентрировать внимание читателя на характеристике исполнительной, законодательной и судебной властей отдельно по Сянгану и Аомэню.

Лейтмотивом всей подготовительной работы по возвращению колоний являлась выработка в ходе переговорного процесса таких решений, которые гарантировали бы сохранение социально-политической стабильности в районах и высокоэффективную работу администраций в качестве специфических местных органов власти КНР. Автор подчеркивает, что упор в переходных процедурах делался не на политической реконструкции особых административных единиц, а на сохранении в них системы с традиционно преобладающей исполнительной доминантой (с. 13). Такой подход наряду с другими факторами учитывал настроения не только деловой элиты, но и большей части населения бывших колоний, которая,

по имеющимся материалам, не особенно ратовала за ускорение демократических преобразований. Как пишет автор, опасения и трудности психологического порядка в связи с переходом под юрисдикцию Пекина были связаны у жителей автономий не с угрозой одновременной утраты демократических прав, а в большей мере с предчувствием возможного постепенного ущемления их экономических свобод в результате чрезмерной политизации существующего режима.

Как подчеркивает автор, до начала активной фазы подготовки к передаче Сянгану Китаю Великобритания негативно относилась к возможному предоставлению сянганцам более широких политических прав и свобод. В этой связи приводятся данные о конфиденциальной договоренности, достигнутой еще в 1955 году между главой китайского правительства Чжоу Эньлаем и губернатором Сянганом А. Грантхэмом относительно сдерживания процесса демократизации на территории колонии, поскольку это неизбежно привело бы к вспыхке борьбы за независимость Сянганом, что не устраивало ни британскую, ни китайскую стороны.

Однако по мере приближения срока окончания колониального правления, как отмечает автор, правительство Великобритании изменило свое отношение к состоянию и перспективам демократии в Сянгане в интересах ускоренной либерализации политического режима, в том числе и на период после вхождения бывшей колонии в состав КНР. Например, в период с 1985 по 1996 г. она в одностороннем порядке без согласования с Пекином выработала 184 закона и положений и приняла изменение редакции 845 ранее действовавших актов, что не могло не встретить отрицательной реакции со стороны Пекина, расценившего действия британцев как противоречащие имевшимся договоренностям и положениям "Основного закона СОАР".

Политическая система особых административных районов, как отмечается в монографии, не претерпела существенных изменений после перехода Сянганом и Аомэня под суверенитет Китая, хотя новый политико-юридический статус бывших колоний оказал определенное влияние на функционирование субъектов политического режима, ведущую роль в котором играет административно-исполнительная власть.

Работой правительства особого ад-

министративного района руководит Глава администрации, которым может быть только китайский гражданин. Его кандидатура отбирается специальной коллегией выборщиков, формируемой из постоянных жителей Сянганом. Однако глава администрации утверждается в должности Центральным народным правительством КНР. Полномочия руководителя исполнительной ветви власти достаточно обширны: помимо руководства правительством он подписывает принятые Законодательным советом района (парламентом) законы, назначает и освобождает от должности судей и высших чиновников, докладывает Центральному народному правительству бюджет и отчет об исполнении бюджета, выполняет другие ответственные функции по управлению делами района, включая в определенных случаях и представительские функции в отношениях с международными субъектами. Законодательством предусмотрены для глав администраций и такие полномочия, которых в колониальные времена губернаторы колоний не имели. В частности, в новых условиях они могут в период нахождения в должности и в специально оговоренных законом случаях распустить Законодательный совет особого административного района.

В книге прослеживаются вопросы становления и особенности функционирования правительств особых автономий. На посты руководителей ведущих правительственных структур могут быть назначены только китайские граждане, проживающие на территории соответствующих особых автономий не менее 20 лет и не имеющие права на постоянное жительство в другой стране. Их назначение утверждается Центральным народным правительством КНР по представлению Главы администрации. Однако особое положение административных районов делает возможным для их правительств приглашать иностранных граждан для работы в качестве советников в различных правительственных ведомствах. Более того, для них допускается установление особо льготных условий и привилегий.

В работе автор акцентирует внимание на том, что для организации нормальной жизнедеятельности автономий, в первую очередь их правительственных органов, важное значение имела деятельность по локализации и адаптации права, то есть приведение прежней законодательной базы в состояние, по возможности,

максимально отвечающее новому политико-юридическому статусу бывших колониальных территорий.

Особый интерес представляет характеристика гражданской службы, поскольку ее роль для стабильности политического режима во многом является определяющей. Так, еще в 1995 году в анализе положения дел в Сянгане китайской стороной указывалось, что "успехи территории в социально-экономическом развитии должны быть полностью отнесены к эффективно действующей там гражданской службе, внимание к которой будет предметом постоянной заботы китайского правительства и после перехода Сянгана под суверенитет КНР" (с. 30). Действительно, с изменением статуса колоний центральное правительство, руководствуясь основными законами, политической и экономической целесообразностью, сохранило в особых автономиях систему гражданской службы, позволяющую и сегодня поддерживать высокую управленческую эффективность режима.

В то же время в данной сфере имеются и проблемы, которые, как считается, напрямую связаны с необходимостью сохранить гражданскую службу политической нейтральной, оставить прежний порядок подбора и назначения гражданских служащих исключительно на основе их личных и деловых качеств, а не политических соображений. Сделать это, видимо, непросто. Например, опытные сянганские администраторы признают, что "политические назначения" могут серьезно повлиять в негативном плане на потенциал управляемости Сянганом, эффективность которого, особенно за последние 20 лет, определялась относительной независимостью и значительными властными полномочиями гражданской службы. (с. 36).

Сянган и Аомэнь с точки зрения характеристики криминогенной обстановки прежде не относились к числу спокойных. В этой связи представляет интерес приводимый в книге анализ правоохранительной деятельности сянганской и аомэньской администраций. В данном контексте рассматривается структура правоохранительных органов и некоторые особенности их деятельности, направленной на пресечение организованной преступности, торговли наркотиками, профилактику преступности путем установления эффективной связи с населением районов (с. 25,100).

В монографии подробно рассматри-

ваются вопросы становления представительной системы особых административных районов, особенности трансформации парламентских структур в переходный период. Так, формирование так называемого Временного законодательного совета СОАР не было предусмотрено Основным законом этой автономии, а стало своеобразным ответом Пекина на отступление британских властей от обязательств сторон, изложенных в 1984 году в Совместном заявлении правительств Китая и Великобритании по вопросу о Гонконге (с. 48). Анализируя процедурные вопросы практической организации представительных органов власти в соответствии с постановлениями о порядке образования правительств и законодательных органов и в особых административных районах, раскрывается структура, полномочия, а также обязанности и ответственность их членов.

Одна из важнейших задач парламентов особых автономий состояла в локализации законодательства к изменившемуся статусу территорий. Так, в СОАР Законодательным советом было подвергнуто ревизии 640 различных юридических норм, а также 1100 приложений к правовым документам (с. 53). В частности, изменения касались нормативных документов о выборах, о защите информации, о праве на проведение мирных демонстраций в Сянгане, о деятельности политических групп и объединений, включая правозащитные, студенческие организации, профсоюзы. Особое внимание обращалось на усиление контроля за контактами указанных структур с зарубежными политическими организациями и центрами. В ходе правовой реформы в АОАР пересмотру и "модернизации" подлежали 179 законов (с. 117).

Следует отметить, что законодательные советы особых административных районов, хотя и обладают определенной автономией, но являются всего лишь звеньями общей системы властных структур КНР, что следует из анализа прописанных в законах компетенции и функциональных особенностей парламентских органов (с. 65, 66). Деятельность законодательных советов, представляющих важную ветвь во властном механизме, призвана на основе учета интересов различных слоев населения обеспечить надежную правовую поддержку политических режимов в особых автономиях.

В монографии анализируется дея-

тельность судебно-правовой системы особых административных районов, которая в основном осталась неизменной после перехода под суверенитет Китая. В новых условиях ее возглавили суды окончательной инстанции, решения которых не могут быть обжалованы и лишь по уголовным делам допускается обращение к соответствующим главам администрации за помилованием или смягчением наказания. Система судебных органов в Сянгане помимо суда окончательной инстанции, занимающего верхнее положение в этой системе, включает высший суд (разделен на две палаты: апелляционную и первой инстанции), суды окружные, магистрата и специальные, а также мировых судей. В Аомэне суды делятся на судебные органы трех инстанций: окончательной, средней и начальной (к ней относится и административный суд).

В работе особо отмечается, что в структуре различных органов политической системы КНР существует целый ряд подразделений, деятельность которых призвана обеспечить полную централизацию принятия решений, касающихся Сянгана и Аомэня. Автор, анализируя их деятельность, констатирует, что концепция "одна страна — две системы" имеет ввиду существование в особых административных районах относительно свободной экономической системы и в меньшей степени — политической. Показательным в этом смысле является выступление бывшего начальника Канцелярии по делам Сянгана и Аомэня Лу Пина, который заявил, что "Сянган всегда был для КНР прежде всего экономической структурой а не политической. Если кто-либо попытается использовать Сянган для вмешательства в политическую жизнь КНР, то

Сянган будет рассматриваться в Китае как фактор, негативно влияющий на КНР, и для Сянгана это будет чревато серьезными последствиями" (с. 79). Смысл данного заявления можно в полной мере отнести и к Аомэню.

Представляется, что монография К.А.Жокарева выиграла бы, если бы в ней наряду с детальным анализом подготовительного процесса к возвращению Сянгана и Аомэня под суверенитет КНР, было освещено также функционирование всех ветвей власти особых административных районов в первые годы их существования, поскольку уже прошло 7 и 5 лет соответственно после их воссоединения с Китаем. Было бы целесообразно также отразить и прокомментировать события, происходившие в последние годы в общественно-политической жизни Сянгана и доставляющие большое беспокойство Пекину. Возможно, больше места можно было бы отвести в работе Аомэню. Однако указанные недочеты не умаляют достоинств рецензируемой монографии, представляющей собой результат серьезного исследования одного из важнейших аспектов современной политической жизни Китая. К числу достоинств монографии относится то, что в ней на конкретном документальном материале проанализированы становление и структурно-функциональная специфика политических режимов этих районов Китая, пути и способы обеспечения их стабильности в условиях существования двух разнородных политических систем в рамках унитарного государства. Книга будет безусловно полезной для работы востоковедов, станет необходимым пособием для студентов китаеведческих вузов, а также для всех, кто занимается изучением проблем современного Китая.

Сенаторов А.И. Очерки административной реформы в Японии. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2004. 184 с.

Работа А.И. Сенаторова посвящена исследованию проблемы, представляющей несомненный научный и практический интерес. Как справедливо отмечает автор, в 90-е годы и начале нового столетия вопросы, связанные с проведением административной реформы, постоянно находились в центре общественно-политической жизни Японии, а сам ход реформы во многом предопределял особенности экономической ситуации и оказывал самое непосредственное влияние на экономическое развитие страны. В то же время конкретные направления административной реформы в Японии перекликаются со многими задачами, решаемыми или обсуждаемыми в настоящее время в России, и в связи с этим опыт Японии может служить источником ценной и полезной информации при принятии соответствующих решений в нашей стране.

Работа А.И. Сенаторова органично дополняет монографию Д.В. Стрельцова "Система государственного управления Японии в послевоенный период" (М.: МАКС Пресс, 2002). Если в последней административная реформа рассматривается в контексте анализа более широкой темы — перестройки системы государственного управления, то в работе А.И. Сенаторова она выступает в качестве главного объекта исследования, что предопределило рассмотрение многих новых аспектов и проблем. В этом смысле монографию А.И. Сенаторова можно считать первым в российском японоведении комплексным исследованием осуществляемой в Японии административной реформы. Необходимо отметить, что особую ценность и новизну работе придает использование и введение в научный оборот новейших документов и материалов, анализ самых последних фактов и событий.

Книга А.И. Сенаторова написана на добротной источниковедческой базе, с привлечением официальных правительственных документов, монографической литературы, справочников, материалов периодической печати. Логичный стиль, четкие определения делают работу (несмотря на небольшой объем) в высшей степени содержательной и информатив-

ной. Несомненно, что рецензируемая книга — не только большая удача автора, но и заметное явление в российском японоведении.

Структура монографии, логика исследования, стиль изложения и уровень аргументации свидетельствуют о широкой эрудиции и значительном опыте исследовательской работы А.И. Сенаторова. Автор демонстрирует не только доскональное знание самого предмета исследования — истории разработки и осуществления административной реформы в послевоенной Японии, — но и глубокое понимание существа широкого круга смежных с ней вопросов.

Монография состоит из семи глав, Введения, Заключения и Приложения, которые в совокупности рисуют полную (если не исчерпывающую) картину истории развития и нынешнего положения дел в области осуществления административной реформы в Японии. На наш взгляд, весьма продуктивным оказался выбранный автором подход к исследованию изучаемых проблем. Процесс реформирования анализируется во всех его аспектах. В то же самое время он рассматривается в контексте общего хода социально-экономического развития страны в послевоенный период. Это позволяет автору дать глубокий и всесторонний анализ сущности административной реформы в Японии, ее предпосылок, результатов и противоречий.

Как показано в работе, далеко не по всем направлениям результаты реформы могут быть оценены однозначно положительно, тем не менее в целом она продвигается довольно успешно. Автор отмечает, что главным условием, обеспечившим это успех, является переход от практики "латания дыр" к комплексному реформированию всей системы государственного управления. Кроме того, по его мнению, огромное значение имел тот факт, что выработка конкретных мер осуществлялась в обстановке гласности и открытости, а через систему разного рода совещательных комитетов к процессу принятия решений были подключены представители всех заинтересованных сторон.

О каком бы направлении реформы ни шла речь, сам собой напрашивается вывод о полезности ознакомления с японским опытом отечественных специалистов и чиновников. В частности, российским экспертам следовало бы, прежде всего, обратить внимание на такие сферы, как реформа общественного предпринимательства, разграничение полномочий между центральными и местными органами управления, меры по повышению эффективности работы правительственных учреждений.

Но главное, что следовало бы заимствовать у японцев — это сам подход к проведению реформы, а именно тщательный учет мнений всех заинтересованных сторон, глубокий и всесторонний анализ возможных последствий того или иного шага, открытость и гласность, как на стадии разработки, так и в процессе реализации тех или иных мероприятий.

Подчеркивая еще раз несомненную научную и практическую ценность работы А.И. Сенаторова, следует отметить и некоторые незначительные недостатки, главным образом стилистического характера.

Так, на наш взгляд, автору следовало бы в самом начале работы представить

аргументацию, объясняющую, почему к органам государственного управления он относит только центральные ведомства. Ведь есть и другая точка зрения, в соответствии с которой и центральные и местные органы власти относятся к единой системе государственного управления, представляя собой разные уровни единого механизма.

На наш взгляд, не слишком удачен термин “общественные служащие” (с. 17 и др.). Вместо “добавленная стоимость” написано “добавочная стоимость” (с. 32). Непонятно, что автор имеет в виду под термином “индустрия” (“индустрии”) — промышленность, материальное производство или производство вообще (с. 13, 19 и др.). В некоторых местах перевод с японского нуждается в стилистической доработке (например, “правила, касающиеся отбросов и рециклирования” (с. 35) лучше заменить на “правила, касающиеся рециклирования отходов”).

Однако приведенные выше замечания относятся скорее к технической, чем к содержательной стороне работы и ни в коей мере не снижают ее научной и практической ценности.

© 2005

*И. Лебедева,
доктор экономических наук,
зав. сектором японской экономики
Института востоковедения РАН*

**Индокитай: тенденции развития. Сборник статей. М.:
Гуманитарий, 2004. 241 с.**

Рецензируемый сборник научных статей примечателен прежде всего тем, что дает достаточно широкую панораму современной жизни стран Индокитая. Авторами статей являются видные российские востоковеды — В.В. Бойцов, А.А. Рогожин и Н.Г. Рогожина, С.И. Иоанесян, Л.Н. Морев, В.А. Дольникова, Н.Н. Бектимирова, А.В. Парменов, В.М. Мазырин и П.Е. Шустров. Международный характер сборнику придает участие в нем вьетнамского исследователя Ле Хонг Тхуа и профессора Калифорнийского университета (Беркли, США) Эшли Томпсона.

Известно, что главным событием политической жизни стран и народов Юго-Восточного региона Азии в конце прошлого века стало завершение объединения его государств в Ассоциацию стран ЮВА (АСЕАН). В результате возникли новые серьезные предпосылки для обеспечения мира и стабильности не только в ЮВА, но и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. С этой точки зрения, своевременным является обращение В.В. Бойцова (статья "Новые члены АСЕАН (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма) и проблема адаптации их в сообществе") к анализу последствий вступления в Ассоциацию четырех стран Индокитая, как для них самих, так и для АСЕАН в целом. Оценив факт приема четырех новых членов в эту крупнейшую региональную группировку как важное явление, способствующее упрочению политической стабильности в ЮВА, автор заостряет внимание на появлении новых проблем, которые приходится решать в связи с этим Ассоциации. По его мнению, трудности, в первую очередь, создает значительный разрыв в уровнях развития между странами — новыми членами, с одной стороны, и ушедшими вперед многими старыми участниками АСЕАН, с другой. Новые члены группировки — это страны с низким уровнем экономического развития. Так, ВВП в расчете на душу населения (1997) во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже уступал даже Индонезии и Филиппинам, членам прежнего состава группировки, в 3,1 — 3,5 раза, а в Мьянме — в 11,2 — 11,6 раза. Причинами такого положения в статье называются от-

сталая структура производства, чрезмерная зависимость четверки "новичков" от внешней торговли, низкая норма накопления, слабая конкурентоспособность их товаров и некоторые другие обстоятельства. Преодоление разрыва автор видит в радикальном расширении производства и модернизации отраслевой и технологической базы в новых странах-членах АСЕАН путем привлечения крупных инвестиций в валюту из более развитых в промышленном отношении государств "для закупки у них не производимых, как правило, в странах-реципиентах инвестиционных товаров..." (с. 11). Иностранный производственный капитал, размещаемый в экономиках наиболее молодых участников сообщества, В.В. Бойцов правомерно называет "решающим фактором ускорения их социально-экономического развития".

Важность привлечения иностранных инвестиций подчеркивается и другими авторами — А.А. Рогожиным (статья "Иностранный капитал в странах Индокитая: масштабы и динамика"), А.В. Парменовым ("Роль внешнего финансирования в экономическом развитии Вьетнама"), С.И. Иоанесян ("Тенденции экономического сотрудничества Восточного Индокитая с КНР").

Как пишет А.А. Рогожин, в 1995-2002 гг. суммарный объем прямых иностранных инвестиций в страны Индокитая составил, по его собственным расчетам, почти 48 млрд долл. Это более чем втрое превышает аналогичный показатель за предшествующее десятилетие (с. 27). Инвестиционную привлекательность этих стран он объясняет большей по сравнению с другими государствами ЮВА устойчивостью к кризисным явлениям, интенсификацией внутрирегиональных инвестиционных связей, нарастающими темпами идентификации стран Индокитая как "неотъемлемого сегмента формирующегося в зоне АСЕАН единого инвестиционного пространства". Автор напоминает, что "применительно к странам Индокитая особо важную роль играла политическая составляющая — в тех из них, где была обеспечена большая политическая стабильность и доминировала уверенность в

незыблемости политического и экономического курса — там и успехи в привлечении иностранного капитала были более впечатляющими. В первую очередь это относится к Таиланду и Вьетнаму (с. 29). На политическую стабильность как важнейшее условие и необходимое гарантию поступательного экономического развития Камбоджи указывает и Н.Н. Бектимирова (“Камбоджа: проблемы политической эволюции. 1993-2003 гг.”).

Вместе с тем, например, опыт Вьетнама свидетельствует, что политическая стабильность, не поддержанная четким экономическим законодательством и его неукоснительным исполнением, слабо способствует притоку иностранного капитала в эту страну. Вьетнам все еще остается недостаточно “прозрачной и понятной” страной для ведения бизнеса. “По-видимому, именно такой неблагоприятный международный имидж, особенно на фоне соседних стран и, прежде всего, Китая, является наиболее серьезным препятствием для наращивания притока ПИИ во Вьетнам” (А.В. Парменов, с. 125).

По оценке С.И. Иоанеснян, с одной стороны, рост иностранных, не исключая китайских инвестиций в индокитайские экономики ведет к определенной политической зависимости стран-заемщиков от государств-инвесторов, а с другой — “способствует общерегиональной интеграции всех стран ЮВА с развитым и развивающимся миром, с вытекающими отсюда благоприятными последствиями” (с. 59).

В сборнике представлены также исследования по проблемам внутреннего развития стран Индокитая. С этой точки зрения большой интерес вызывает статья В.А. Дольниковой “Сельская периферия и социально-политическая роль крестьянства в Таиланде (1980-1990)”. Вплоть до начала 1970-х гг. аграрным сектором таиландской экономики, где было занято около 80% самодеятельного населения, производилось более 20% ВВП и обеспечивалась примерно половина доходов от экспорта (с. 86). Капитализация деревни в Таиланде происходит при содействии государства. В стране действует программа помощи сельскому населению, нацеленная на поддержание социальной стабильности и устойчивости деревенского мира. В целом же, как вытекает из содержания статьи, модернизация сельского хозяйства Таиланда ведет к созданию индустриального сектора вне городов, формированию провинциальных корпоративных органи-

заций современного бизнеса, коммерциализации сельской экономики. При этом сохраняются особенности социального строя, национального менталитета и религиозно-культурные ценности.

П.Е. Шустров (“Из истории экономического развития Таиланда 1850-1950 гг.”) длительную консервацию сельского хозяйства в качестве основной отрасли хозяйства Таиланда объясняет значительным расширением спроса на рис со стороны азиатских колоний европейских держав. Вплоть до 1950 г. доля риса, поставляемая этой страной на экспорт, колебалась в пределах от 40 до 50%. Росли и цены на рис. В таких условиях, отмечает автор, было практически невозможно заставить сиамское крестьянство поменять род деятельности и начать развивать другие отрасли. В статье сжато изложена также история финансовых реформ, развития железнодорожного транспорта, открытия страны в середине прошлого века для внешнего мира и ее активного вовлечения в мировую торговлю. Стагнация экономического развития, пишет автор, закончилась к концу 1950-х гг., когда среднегодовые темпы роста ВВП превысили 5% (с. 199). Среди причин, способствовавших этому, П.Е. Шустров называет рациональную государственную политику инвестирования средств китайско-тайской буржуазии и активное использование внешней помощи.

Весьма актуальной является постановка вопроса о сохранении экологии бассейна реки Меконг по мере углубления его экономического освоения. Н.Г. Рогожина (“Экологический аспект освоения бассейна Меконга”) рассматривает эту проблему в контексте интересов всех стран Индокитая, расположенных в бассейне Меконга. Однако не все они в одинаковой степени осознают пагубность экологических последствий осуществления ими водных проектов. Поэтому уже сейчас экосистеме реки, делает вывод автор, “нанесен непоправимый ущерб и признаки ее деградации становятся все очевиднее — истребляются тропические леса, стремительно сокращается биоразнообразие, эрозия почв распространяется все быстрее. Одним словом, разрушается уникальная речная система, которая не поддается восстановлению” (с. 49).

В сборнике читатель найдет интересный материал не только по проблемам экономики и экологии, но и по вопросам демократических преобразований. Специ-

фика таких преобразований в процессе развития политической системы в Камбодже анализируется Н.Н. Бектимировой. Она рассматривает формы политической деятельности Народной партии Камбоджи в борьбе за власть, за влияние на крестьянство и привлечение электората на свою сторону, подчеркивая при этом невозможность однозначной трактовки политического процесса в стране. Столь же осторожно автор высказывается относительно результатов политической эволюции в Камбодже. Фактор давления со стороны мирового сообщества, зависимость от экономической помощи, которая сохранится в Камбодже на неопределенно длительный период, служат определенной гарантией того, что страна будет продолжать идти по пути демократического развития. "Правда, возникает вопрос, какая это будет демократия?" (с. 119).

Проблемы культурного строительства в ЮВА представлены статьей Л.Н. Морева ("Языковая ситуация и языковая политика в странах Индокитая"). "Противоречие между стремлением одних к скорейшему переводу всех членов сообщества на один язык и желание других сохранить свой язык составляет суть языковой проблемы в странах Индокитая. Напряженная ситуация на этноязыковой почве периодически возникает то в одной, то в другой стране Индокитая" (с. 63). Замечу, что примерно так же выглядит языковая проблема в странах — бывших республиках Советского Союза. В статье рассматривается социологический аспект языковой проблемы как части национального вопроса (без своего языка "всякий этнос обречен на растворение в другом этносе"), указывается на исчезновение многих языков и этноменьшинств вследствие многолетней недалновидной национальной политики во всех странах Индокитая. Л.Н. Морев отмечает также быстро растущее влияние английского языка в регионе (подлинная, по его словам, "англоязычная лихорадка") В этом также наблюдается сходство с ситуацией во многих странах СНГ, Монголии и даже Китае, где растет число курсов английского языка. Очевидно, что в данном случае языковая проблема начинает приобретать политический характер.

И, наконец, отметим международную проблематику, отдельные аспекты которой затрагиваются едва ли не всеми авторами рецензируемого сборника. Специально же она представлена, в первую

очередь, обстоятельным исследованием Ле Хонг Тхая — "Отношения СРВ с Россией в новых международных условиях", который подробно анализирует российско-вьетнамские отношения в области политических контактов, торговли и экономики. Вьетнамский ученый делает упор на обмене государственными визитами на высшем и высоком уровне, создании договорно-правовой базы сотрудничества (с 1991 г. по начало 2000-х гг. РФ и СРВ подписали около 30 межгосударственных документов о двустороннем сотрудничестве), расширении военно-технических, научно-технических и гуманитарных связей, межрегиональных, межпарламентских и межпартийных контактов, урегулировании вопроса о задолженности Вьетнама перед Россией как правопреемницей СССР. Однако проблемы остаются, в их числе — дисбаланс внешней торговли, медленный рост товарооборота двух стран, составивший в 2002 г. 687млн долл (с. 152). Недостатки есть и в сфере инвестиционного сотрудничества. В целом же в статье отмечено, что "российско-вьетнамские отношения в последние годы постепенно выходят из тупика" (с. 156).

Статья Ле Хонг Тхая представляет не только научный, но и практический интерес для российских специалистов. То же самое можно сказать и о статье В.М. Мазырина "Вьетнамцы в России: образ жизни, проблемы, перспективы", представляющей собой одно из первых исследований причин и характерных черт массовой миграции вьетнамских граждан в РФ в 1990-х гг. Разработка этой темы имеет практическое значение в свете общей проблемы миграции в РФ из стран Восточной Азии, особенно Китая. Ценно, что в основу исследования В.М.Мазырина положены итоги организованного автором анонимного анкетирования представителей вьетнамской общины в различных городах России. По приводимым автором официальным данным МВД, мигрантов из Вьетнама — "вьеткиеу" — в России насчитывается около 80 тыс. В действительности, предполагает автор, число их в 1,5 — 2 раза больше, в одной только Москве проживает около 50-60 тыс. вьетнамцев (с. 161). "Теневой оборот предпринимательской деятельности вьетнамцев в России сейчас оценивается в 2 млрд долл. в год. Вряд ли подобное возможно... Но точно известно, что часть денег, зарабатываемых у нас "вьеткиеу", вывозится из РФ" (с. 172). На наш взгляд, автор объективно

оценивает роль вьетнамской общины в России. Признавая наличие немалых проблем, связанных с вьетнамской общиной, автор, однако, правомерно заключает, что "вьеткиеу" стали важной частью нашей экономической и общественной жизни" и считает, что вьетнамское предпринимательство "заслуживает поддержки, хотя должно быть поставлено в строгие правовые рамки" (с. 174). Именно такой взвешенный подход, по нашему мнению, желательнее видеть со стороны российских властей к проблеме вьетнамской миграции, носящей в основном трудовой характер. Статья В.М.Мазырина снабжена приложением, насчитывающим 12 таблиц, составленных по итогам опроса вьетнамских мигрантов в России. Эти материалы представляют собой важный источник для дальнейшего исследования проблем иностранной миграции в РФ.

Под рубрикой "Белые пятна истории" в сборнике помещена статья Эшли Томсона "Паломники Ангкора"¹. Автор отмечает, что для Камбоджи период средне-

вековья был временем потерь и нестабильности, и приводит доказательства трансформации Ангкора из столицы кхмерской империи после ее падения в конце XV века в важный региональный центр буддийского паломничества. При этом он ссылается на сохранившиеся до наших дней религиозные изречения, полуразрушенные храмовые постройки и буддийские скульптуры. Их фотографии прилагаются к статье.

К сожалению, ограниченные рамки издания, очевидно, не позволили подробнее рассмотреть международные связи стран полуострова (в сборнике они практически ограничены российско-вьетнамскими отношениями), проблемы культурного развития и политического строительства в других, кроме Камбоджи, странах АСЕАН. Тем не менее, сборник научных статей "Индокитай: тенденции развития" безусловно даст читателям широкое представление об основных социально-экономических и политических процессах, происходящих в Индокитае.

© 2005

*Г.Яскина,
доктор политических наук*

1. Ashly Thompson. Pilgrims to Angkor (На англ. яз.).

Наши юбиляры

К 90-летию Л. А. Березного

14(27) мая 2005 г. исполнилось 90 лет известному китаеведу — доктору исторических наук, профессору Льву Абрамовичу Березному. Символично, что этот юбилей отмечается в те дни, когда вся наша страна празднует 60-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне, участником которой был профессор Л.А.Березный, с первых дней войны ушедший на фронт и удостоенный многих боевых наград.

Л.А.Березный поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета в 1936 г. и уже в студенческие годы увлекся историей Китая. Его научным руководителем был опытный китаевед, автор большого числа научных трудов, профессор Лазарь Исаевич Думан. В 1941 г. Л.А.Березный защитил дипломную работу, посвященную Синьхайской революции.

Сразу же после окончания исторического факультета Лев Абрамович Березный ушел добровольцем на фронт. Воевал в пехоте, участвовал в обороне Ленинграда, был ранен. Затем, уже в составе подразделения легендарных "катуш", воевал на Днепре, в Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии.

После войны Л.А.Березный окончил аспирантуру и с 1949 г. начал преподавательскую деятельность: сначала в качестве ассистента, потом — доцента, а с 1971 г. — профессора восточного факультета ЛГУ. За годы работы в университете Л.А.Березный подготовил большое число китаеведов-профессионалов, которые сегодня трудятся в ведущих вузах и научных учреждениях России и за рубежом, многие из них заняты в различных сферах практического китаеведения.

Долгие годы профессор Л.А.Березный читал студентам восточного и исторического факультетов Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета курсы по новой и новейшей истории Китая и других

стран Азии, историографии и источниковедению, руководил курсовыми и дипломными работами. Им были подготовлены и читались оригинальные спецкурсы и спецсеминары, привлекавшие неизменное внимание нескольких поколений студентов. Высокая эрудированность, глубокое знание особенностей развития исторического процесса в сочетании с совершенной методикой подачи материала и ораторским даром обусловили выдающееся преподавательское долголетие Льва Абрамовича и любовь его учеников. В 1970-х годах он организовал для студентов кафедры спецсеминар по вопросам методологии научных исследований. После разработки нового учебного плана в 1980-х годах он впервые начал чтение курса "Введение в специальность", в ходе этих занятий он объяснял студентам, что представляет собою история такой страны, как Китай и какое место она занимает в общем контексте востоковедения. Он обладает блестящей способностью увлечь студентов излагаемым материалом и привить им любовь к избранной специальности.

Круг научных интересов Л.А.Березного очень широк и разнообразен. Им опубликовано около 200 научных работ, в том числе четыре крупные монографии. Профессор Л.А.Березный — автор разделов целого ряда учебников и учебных пособий по истории стран Азии и Африки. Его работы отличаются актуальностью научной тематики, тщательностью анализа исторических фактов, широтой охвата научных проблем, глубиной теоретических обобщений и новизной методологических подходов.

В 1940-1950-х годах Л.А.Березный уделял основное внимание изучению вопросов внешней политики и международных отношений Китая, политики США в Китае в период революции 1925-1927 гг. Этой теме были посвящены кандидатская диссертация и первая монография ученого.

С 1960-х годов он приступил к изучению проблем историографии новой и новейшей истории Китая. Особый интерес у ученого вызывали тенденции развития американской историографии Китая. Этим вопросам была посвящена его докторская диссертация и две монографии. В своих исследованиях Л.А.Березный сумел представить развернутую картину концепций ведущих американских историков, касающихся проблем общественного развития Китая в новое и новейшее время. Возникшая затем научная полемика между Л.А.Березным и крупнейшим американским ученым, главой гарвардской школы китаеведения, проф. Дж.К.Фэрбэнком доказала умение Л.А.Березного отстаивать свои позиции и вместе с тем, несмотря на серьезные разногласия с оппонентом, признать его сильные стороны и обоснованные аргументы.

Не оставляя свои историографические исследования, Л.А.Березный, начиная с середины 1970-х годов, приступил к изучению еще одной важной темы — соотношения революционного и эволюционного путей развития в истории Китая. В рамках данной проблематики он обращался к анализу особенностей реформаторской традиции в истории китайского общества, специфики революционного процесса в этой стране, национального самосознания китайцев, занимался изучением концепции "новой демократии". Несколько публикаций было посвящено общеметодологическим вопросам изучения истории Востока.

Несмотря на столь солидный юбилей, Л.А.Березный продолжает активно заниматься научно-исследовательской деятельностью. За последние пять лет им опубликовано более 10 научных работ в журналах "Проблемы Дальнего Востока" и "Восток", в материалах проводимых Институтом Дальнего Востока

РАН конференций “Китай. Китайская цивилизация и мир” и конференций “Общество и государство в Китае”. Среди новых тем, которые привлекают внимание Л.А.Березного: Китай и проблемы глобализации, вопросы национальной идентичности, современные реформы в КНР и их истоки. По-прежнему он продолжает активно заниматься американской историографией истории Китая.

Среди учеников Льва Абрамовича много известных ученых — докторов и кандидатов наук, немало и тех, кто прекрасно зарекомендовал себя на ниве практического китаеведения. Независимо от их возраста, конкретных профессиональных интересов, научного и социального статуса, все они видят в Льве Абрамовиче своего учителя, помнят его лекции, доклады, беседы и просто человеческие советы, стремятся продолжать и развивать его идеи и методы в собственных исследованиях, следовать им в своей работе. В этом смысле можно с уверенностью сказать, что в петербургском историческом китаеведении уже давно сложилась школа Л.А.Березного, а его учениками и единомышленниками считают себя многие китаеведы по всей России и далеко за ее пределами.

Талантливый ученый и педагог, старейший петербургский китаевед, ветеран Великой Отечественной войны профессор Лев Абрамович Березный встречает свое 90-летие активной научной деятельностью. Пожелаем ему крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов.

*Б. Новиков, доцент восточного факультета СПбГУ
Н. Самойлов, доцент восточного факультета СПбГУ*

Павлу Борисовичу Каменнову 70 лет

15 марта 2005 г. исполнилось 70 лет российскому ученому-китаеведу старшему научному сотруднику Института Дальнего Востока РАН кандидату политических наук Павлу Борисовичу Каменнову.

П.Б.Каменнов родился 15 марта 1935 г. в семье служащего в Москве. По окончании МВТУ им. Н.Э. Баумана работал в промышленности по приобретенной специальности, а с 1968 г. по 1990 г. — старшим инженером и экспертом внешнеторговых объединений в системе министерства внешней торговли СССР. Одновременно много времени уделял изучению иностранных языков — китайского и английского. С 1969 по 1973 гг. — работал в должности старшего инженера Торгпредства СССР в Китайской Народной Республике и одновременно — представителем внешнеторговых объединений "Авиаэкспорт", "Автоэкспорт", "Станкоимпорт"; с 1976 по 1978 гг. —

экспертом Торгпредства СССР в Республике Сингапур и одновременно — представителем "Новоэкспорт", "Союзхимэкспорт" и других объединений. Работа в Китае и Сингапуре позволила П.Б.Каменнову обогатить свои знания в области экономики стран пребывания, что в дальнейшем послужило хорошим фундаментом для научно-исследовательской работы.

С 1990 г. по настоящее время П.Б.Каменнов плодотворно трудится в Институте Дальнего Востока РАН в должности научного сотрудника и старшего научного сотрудника. В 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему "Политические аспекты реформирования военно-промышленного комплекса современного Китая". Основные направления исследований — научно-технический прогресс, оборонное строительство, конверсия военно-промышленного комплекса КНР в условиях экономической реформы и глобализации; из других направлений можно назвать такие, как китайская космическая программа, военная дипломатия КНР, китайская концепция комплексной национальной мощи. Десятки научных трудов Павла Борисовича опубликованы в научных изданиях ИДВ РАН, в коллективных монографиях Центра экономических и социальных исследований Китая, в ежегодниках ИДВ РАН "Китайская Народная Республика", "Китай в мировой и региональной политике", в журнале "Проблемы Дальнего Востока". Работы П.Б.Каменнова отличает глубокое понимание исследуемых проблем, что неизменно привлекает к ним внимание как коллег-ученых, так и практиков, занятых в сфере российско-китайских отношений.

Дирекция Института Дальнего Востока, коллеги по работе, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" сердечно поздравляют П.Б.Каменнова с юбилеем и желают ему крепкого здоровья и новых успехов.

Николаю Сергеевичу Тихонову 70 лет

31 марта исполнилось 70 лет ответственному секретарю нашего журнала Н.С.Тихонову.

Окончив в 1958 году Восточный факультет МГИМО, Николай Сергеевич более двух лет получал первичную "научную закуску" в Институте китаеведения АН СССР.

В 1960 году он перешел на журналистскую работу на Гостелерадио, где был редактором, корреспондентом, комментатором, обозревателем, ответственным секретарем Китайской редакции. В качестве корреспондента Н.С.Тихонов неоднократно выезжал в командировки в Китай, Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Таиланд, Малайзию, Индию. В разгар "культурной революции" он готовил репортажи с места событий в Китае. Работу на радио закончил в качестве заместителя главного редактора радиостанции "Мир и прогресс".

В 1976 году Н.С.Тихонов перешел на работу в Агентство печати "Новости", где был обозревателем по проблемам Китая. Его материалы публиковались в прессе Японии, Индии, Индонезии, Филиппин, Бирмы, Шри Ланки и других стран Азии.

С 1981 по 1986 гг. он находился на дипломатической и журналистской работе в Малайзии, где был пресс-атташе, первым секретарем Посольства СССР и представителем АПН.

С 1988 г. Николай Сергеевич — ответственный секретарь журнала "Проблемы Дальнего Востока". Его опыт, широкий научно-политический кругозор, вкус к журналистской работе, прекрасные личные качества все эти годы благотворно сказываются на всех сторонах жизни и работы редакции. на всех стадиях подготовки журнала — от содержания до оформления нашего издания.

За многолетний труд на благо отечественного востоковедения, развитие редакционно-издательской деятельности и в связи с 70-летием Н.С.Тихонов награжден Почетными грамотами Президиума Российской академии наук и Института Дальнего Востока РАН.

Редакция и редколлегия поздравляют юбиляра и от души желают ему здоровья, счастья и новых творческих успехов на благо журнала "Проблемы Дальнего Востока".

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 15.04.2005 г. Подписано к печати 16.05.2005 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,7 тыс. Уч.-изд. л. 14,7. Бум. л. 6,0
Тираж 926 экз. Зак. 274

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-gas.ru

Оригинал-макет © 2005 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.